ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXVII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1806 года.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1806.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву.

(Окончаніе.)

АХЕНЪ отъ $\frac{18}{29}$ Сентября 1778 года.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ со всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ Французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи, относительно разныхъ частей правительства.

Позвольте, Мил. Гос., примѣчанія мои на оное представить В-у С-у, и добавьте своимъ проницаніемъ то, въ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ Французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во Французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкой изъ нихъ злопамятенъ — добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее нельзя: но крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильйоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка Французъ не имѣетъ, и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оной заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мѣлочей, въ которыхъ и

дѣйствительно Французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть глупо. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бъ не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ не способенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не изключая самыхъ Философовъ нынѣшняго вѣка. Вразсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. — *Д'Аламберты*, *Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякой день на булеварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и Философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ *Г. З—а*, Полковникъ *Н—ъ*, человѣкъ впрочемъ честной, но совсѣмъ незнакомой съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ

въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки, и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель и прочїе, что онъ братъ Г-на З—а, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтенїе. — Мое къ нимъ душевное почтенїе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно видѣнъ; они сею низкостью ласкались чрезъ *Н—а* достать подарки отъ нашего Двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствовалабъ ихъ тщеславїе, а подарки — корыстолюбїе.

Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ Философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельны независимо отъ Религїи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? кто изъ нихъ, отрицая бытїе Божїе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ, и не готовъ жертвовать ему всей своей моралью? Одно тщеславїе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ

Расина, а другой Корнеля; ибо острота Французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля, и не клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоютъ. Вообще ни одинъ Писатель не можетъ терпѣть другаго, и почитаетъ праздникомъ всякой случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости, нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣянїе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтенїе.

Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа почитаетъ многихъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову. Правда и то, что въ самой Францїи число ихъ обожателей несравненно меньше, нежели въ другихъ Государствахъ, потому что Французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенїя, а чужестранцы смотрятъ на нихъ издали. — Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненїя, почему считаютъ они Религїю недостойною быть основанїемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствїй, и почему признанїе бытїя Божїяго мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ Господъ нынѣшнихъ

Философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи, и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ нихъ все человѣческое общество?

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа Философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи: но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у Французовъ, кажется, нечего. — Примѣтилъ я вообще, что Французъ всегда молодѣ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ, и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у Французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ; ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начина-

ютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческой, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. — Нынѣшній Король трудолюбивъ и добросердеченъ, но оба сіи качества управляются чужими голосами. Одинъ изъ Принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное, и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой — побѣдилъ силу вѣры силою вина; мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того почитается онъ первымъ петиметромъ, и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, которой состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывчиво; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе Французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученьемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не

воспитывается. Главное старанїе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ Богословомъ, другой живописцомъ, третїй столяромъ: но чтобъ каждой изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ. И такъ, относительно воспитанїя, Францїя ни въ чѣмъ не имѣетъ преимущества предъ прочими Государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько вездѣ, но тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкой отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана воспитанїя для дѣтей своихъ. Часто новой его планъ хуже стараго: но сей поступокъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанїя, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство Французское по большей части въ крайней бѣдности, и невѣжество его ни съ чемъ несравненно. Ни званїе Дворянина, ни орденъ Св. Лудовика не мѣшаетъ во Францїи ходить по миру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждой Французской Дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастїе быть принятъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго Господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными прозьбами достать имъ такїя мѣста въ Россїи; но какъ исполненїе ихъ прозьбъ было бы убивство для невин-

ныхъ, доставшихся въ ихъ руки; то уклонялся я отъ сего злодѣянія, и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

Причина бѣдности Дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу ихъ Духовенства: а именно, право большаго сына наслѣдовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверсты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, окончевающіеся почти всегда бѣдностію; а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно фамилія изъ сроднической горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто Французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту, и принявъ военную службу, поссориться со всей своей роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣбъ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочитающаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ Архіепископы и Епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у Двора своею роднею, и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. В. С. изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила Духовенства, когда въ сохраненіи его самъ

Дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, Мил. Гос., одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, которой сію истину неоспоримо докажетъ. Городъ Эзъ есть главной въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ лучшіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе: слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ нижшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Эзѣ праздникъ, называемый *Fête Dieu*. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя Тайны носимы бываютъ по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскерадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Мироносицами и прочими Святыми; а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертями; почтеннѣйшій же Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сіи черти идутъ предъ Тѣломъ Христовымъ, съ превеликимъ ревомъ и пятяся назадъ, будто бы сила Святыхъ Таинъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого

роль отнимаютъ, и доказываетъ свою претензїю тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ, дѣдъ дьяволъ, и что онъ безвинно теряетъ званїе своихъ предковъ. — Во всѣхъ прочихъ Французскихъ городахъ, не изключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что народъ ихъ пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Вразсужденїи злоупотребленїя духовной власти, я увѣренъ, что Францїя несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ Государствъ. Правда, невѣжество поповъ дѣлаетъ часто поношенїе всей нацїи: но изъ сихъ двухъ крайностей, я лучше видѣть хочу поповъ невѣждъ, нежели тирановъ. Сила Духовенства во Францїи такова, что знатнѣйшїе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ. Прелаты публично имѣютъ на содержанїи дѣвокъ, и нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ Французскїе Аббаты.

Разсматривая состоянїе Французской нацїи, научился я различать *вольность по праву* отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой: но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того Французы, имѣя право вольности, живутъ

въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть имянные указы, которыми Король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины, и которые весьма легко достаютъ у Государя обманомъ, — что доказываютъ тысячи примѣровъ. — Каждой Министръ есть деспотъ въ своемъ Департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе, и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, то видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждой былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самаго правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто, не подвергаяся бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. *C'est l'affaire du gout.* Всякой дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ Интенданта: но что есть Интендантъ? — воръ, имѣющій полномочіе

грабить провинцїю безотчотно. Чѣмъ дороже стала ему у Двора сїя привилегїя, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждой изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произращенїя, и принуждаетъ чрезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Францїя вся на откупу. Не возможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ воротясь не быть остановлену таможней. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженїя къ особѣ Государя, узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствїе; слѣдственно въ тотъ день, которой Король приѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сїе причиною, что Король, будучи не рѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ столицѣ, для того что по контракту отдалъ ее грабить государственнымъ ворамъ. — Можно по всей справедливости сказать, что Версалья есть мѣсто, куда Французскихъ Королей посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Францїи есть продажа чиновъ и должно-

стей — зло безмѣрное, вымышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время текло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо долженствовало родиться отъ торговли сего рода. Мало помалу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новыя должности; но и того недоставало. Надлежало усугубить налоги, и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душою и происхожденіемъ покупили себѣ права быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. — Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство, и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу; а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданное. При послѣднемъ засѣданіи Парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ,

изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства, и опытъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о Французскихъ войскахъ подать В-у С-у идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцовъ. Всякой солдатъ умствуетъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ Король смотрѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ Генералъ-Маіоръ К. Д., Полковники Б. и Н., не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего въ семъ искуствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ ни мало не уважаютъ. Нѣсколько разъ Полковникъ *Marquis de Chatelet* подъѣзжая къ фрунту кричалъ: *paix, Messieurs, paix! je vous en prie* (*); ибо солдаты, разговаривая одинъ съ другимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. — Офицеры, по общему признанію, ниже понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ. Осмѣлюсь разсказать В-у С-у видѣнное мною въ Монтпелье, чтобъ представить вамъ примѣръ ихъ воинской дисциплины.

(*) Тише господа, тише! прошу васъ.

Губернаторъ тамошній, Графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой съ ружьемъ, изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой скучилъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ, и поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть Комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ его сидѣлъ Маіоръ его полку и Кавалеръ Св. Лудовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить, для чего часовой такъ къ нему присосѣдился? „*C'est qu'il est curieux de voir la comedie* (*), отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи также несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще сдѣлать много церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что

(*) Хочетъ смотрѣть Комедію.

дѣйствуютъ гораздо проворнѣе; и какъ скоро вступился какой-нибудь полубояринъ, родня вельможи, то въ самой тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что Французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчїемъ, что ихъ стряпчїе великїе витїи, а наши безграмотны. Правда; но все сїе весьма хорошо для Французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные Ораторы.

Полицїя Парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что Полицїймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянїя, и кромѣ однихъ помышленїй человѣческихъ, ни что отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ проницанїемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянїя: ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами Французскихъ Королей. — Вразсужденїи дешевизны, я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ Европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ

столько ихъ не видывалъ. — Въ Парижѣ купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продать сколь можно дороже. Разница только та, что Французы обманываютъ несравненно съ большимъ искуствомъ, и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣденіе Полиціймейстера не весьма дѣйствительно, и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую Полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ не рѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, случающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснился, Французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, къ злодѣяніямъ не способны, и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неизчетно. Сколько Кавалеровъ Св. Лудовика, которымъ, если не укравъ ничего выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, вразсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, Парижская Полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ, и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательной умъ, какъ Французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ къ *Marchandes des modes*, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ поврежденію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются; всякая женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. — Нынѣшняя Королева страстно любитъ наряжаться. Прошлаго году послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица возвратила ей портретъ при письмѣ, въ которомъ сіи строки находились: „Vos ordres ont été mal executés: au lieu de la Reine de France, que je m' attendois à admirer dans votre envoy, je n'ai trouvé que la reſſemblance et les entours d'une actrice d'opera. Il faut, qu'on ſe ſoit trompé (*). Королева смутилась-было симъ

(*) Ваши повелѣнія худо исполнены. Вмѣсто Французской Королевы, которую я надѣя-

отвѣтомъ, но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса Вѣнскаго Двора.

Я перешелъ уже предѣлы письма. Чувствую, что чтенїе, столь длинное, должно обременить В. С., и для того предоставляю себѣ дополнить вамъ, Мил. Гос., изустно все то, о чемъ здѣсь не могъ упомянуть. И проч.

II.

Элегїя.

(Изъ соч. Парни.)

Страданія любви разлукой облегчатся! —
Я думалъ прежде такъ; отъ милыхъ мѣстъ бѣжалъ,
Которыя моей жестокою гордятся. —
Сокрытый въ сихъ лѣсахъ, куда не проникалъ
Свѣтъ солнечный во вѣкъ, повсюду обрѣтаю
Одно безмолвіе; — но гдѣ покой — не знаю.

лась видѣть, и ей удивляться, въ вашей посылкѣ нашла изображеніе оперной Актрисы. Тутъ вѣрно должно быть ошибкѣ!

Блуждая въ тайной тмѣ излучистыхъ путей,
Достигъ я наконецъ вершины горъ надмѣнной,
Дѣлящей облака, ходящія подъ ней.
Какое зрѣлище! — мой взоръ обвороженной
Леталъ въ безмѣрности, разстланной предо мной;
Явилось море мнѣ равниною чудесной,
Сліянною вдали съ лазурію небесной!
Минута! — все цвѣтетъ; — и въ ясности живой
Играющій зефиръ жаръ солнца прохлаждаетъ;
Но вдругъ — повсюду тма! — и буря завываетъ!
Когда зима престолъ свой ставитъ на горахъ,
Въ то время лѣтній зной свирѣпствуетъ въ поляхъ!

*

Въ громовомъ шествіи пылающія лавы
Погибли всѣ весны забавы и труды; —
Растопленный гранитъ являлъ ея слѣды. —
Древа зачахли вкругъ; въ уныніи дубравы.
Ни милый птичекъ гласъ, ни дикій резъ звѣрей,
Не смѣютъ пробудить пустыни мрачной сей!
Все тихо, все мертво! — — — умритежь воздыханья!
Умрите бурныя желанья! —
Моя надежда — призракъ сна! —

Прежде женщины почитали своею должностїю говорить о новыхъ сочиненїяхъ и новыхъ идеяхъ. Положимъ, что онѣ только повторяли слышанное; по крайней мѣрѣ у нихъ всегда что-нибудь оставалось въ памяти, и бесѣды отъ того были занимательнѣе: нынѣ женщины проводятъ время въ пустословїи, а мущины, чтобъ угодить имъ, по неволѣ должны казаться простяками.

Есть эмблемма, представляющая Время, которое серпомъ отрѣзываетъ голову спящаго Эрота. Вотъ точная эмблемма нашего времени. Мы теперь освободились отъ всѣхъ романическихъ обольщенїй. Умъ нашъ испорченъ пороками, и любовное обращенїе съ женщинами основано только на суетности. Модныя Дамы не покоряются ни чувствамъ своимъ, ни склонностямъ; выбираютъ себѣ любовниковъ, смотря по тому, какое мнѣнїе о нихъ имѣютъ тѣ или другїе люди: ибо приличїя все еще уважаются. Отнимаютъ одна у другой любовниковъ для того, чтобъ тѣмъ прославиться, и сдѣлать досаду соперницѣ; оставляютъ, или обманываютъ человѣка, которой могъ бы быть другомъ, и гоняются за модными повѣсами, которые волокитствомъ сдѣлались извѣстными въ свѣтѣ, — гоняются для того, чтобы блеснуть новымъ знакомствомъ, и соглашаются даже сносить презрѣнїе отъ своихъ

идоловъ, лишь бы только удалось достигнуть своей цѣли. Каждая считаетъ непремѣннымъ долгомъ своимъ замѣчать, какъ обходятся съ прочими женщинами, и сердиться, если кому-нибудь оказывается исключительное уваженіе: ибо женщина полагаетъ все свое счастіе въ побѣдѣ, которую одерживаетъ въ присутствіи соперницъ. Дружество часто у нихъ есть не что иное, какъ ревнивость, заставляющая одну за другою присматривать; иногда оно есть надежда обратить на себя вниманіе посредствомъ связи съ тѣмъ или другимъ обществомъ. Модная кокетка посѣщаетъ Г-жу N., для того что Г-жа N. знакома съ особою, имѣющею связь съ волокитою, которой былъ любовникомъ многихъ женщинъ, и которой, не смотря на свою болтливость, не погубилъ ни одной изъ невѣрныхъ красавицъ, одолжавшихъ его нѣжными ласками. Какъ не втереться въ домъ Г-жи С., которая заслужила громкую славу удивительными своими проказами, — которая должна быть очень умна на словахъ, потому что клевещетъ на всѣхъ безъ пощады, — и которая должна быть еще умнѣе на дѣлѣ, потому что ни одного случая не пропустила вредить и тѣмъ, кои не подражаютъ ей, и даже тѣмъ, кои подражаютъ? Не посѣщая такой почтенной особы, подашь причину думать о себѣ, будто имѣешь знакомство съ дурными людьми, и не ра-

Почто не можно мнѣ въ юдоли сей блаженной
Отъ свѣта упаить остатокъ скорбныхъ
дней . . . .
Почто не льзя отдать ей горести своей! . . .
Она вездѣ со мной! — когда, ожесточенной,
Хочу невѣрную навѣки позабыть,
Языкъ мой измѣняетъ!
Онъ имя милое невольно повторяетъ;
Сказавъ однажды, я стремлюсь его твердить;
И дебрь пустынная, всѣхъ тайнъ моихъ
могила,
Ему отвѣтствуетъ стенаніемъ глухимъ; . . .
Моя рука его на камнѣ начертила
Со именемъ моимъ!
Быть можетъ, странникъ, здѣсь, на сихъ
древахъ почтенныхъ,
Найдетъ слѣды именъ, любовью освященныхъ,
Смутится онъ; — и въ мигъ восторга своего
Внезапно возгласитъ: чрезмѣрна страсть его! —
Онъ пѣлъ любезную во тмѣ уединенья;
Онъ плакалъ безъ друзей, страдалъ безъ
утѣшенья;
Прочтемъ его стихи, — слезами ихъ почтимъ:
Любовь, сама любовь рыдала вмѣстѣ съ нимъ!

А. Мрзлкв.

любитъ его, и воспитываетъ; но что значатъ его попеченія въ сравненіи съ заботами нѣжной матери, которая примѣромъ своимъ учитъ младенца быть постояннымъ и терпѣливымъ! Какая розница между нравами древнихъ и нашими! . . . . . Сколько такихъ мущинъ, которые думаютъ, что имѣютъ право презирать женщинъ! но тріумфы ихъ безчестятъ болѣе побѣдителей, нежели побѣжденныхъ.

Душевныя и тѣлесныя силы отца заставляютъ его часто разлучаться съ дѣтьми; слабое сложеніе и нѣжная любовь матери заставляетъ ее жить неразлучно съ ними. Она вдыхаетъ въ дѣтей первыя чувствованія. Религію и Мораль изображаютъ въ видѣ матери, преподающей наставленія дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ матери прилично наставлять дѣтей своихъ въ вѣрѣ и нравственности; она одна можетъ придать имъ небесную прелесть. Но чтобъ достойно исполнять сію важную обязанность, не надобно съ обнаженною грудью рыскать по баламъ, и подвергаться опасности на модномъ одрѣ умереть отъ простуды.

Прежде женщина берегла себя во время беременности, и послѣ родовъ долго не являлась въ обществахъ. Нынѣ беременность не мѣшаетъ бѣгать, танцовать, ѣздить въ

точки, или къ извѣстнымъ аспектамъ (*). Сей періодъ времени обыкновенно называется *великимъ годомъ*.

Такимъ образомъ девятьнадцатилѣтній кругъ, принесенный Метономъ отъ Востока въ Грецію, и содержащій въ себѣ время, продолжающееся между эпохами соединенія солнца и луны на одной точкѣ неба, назывался *великимъ годомъ*. Кромѣ сего девятьнадцатилѣтняго періода, восточнымъ народамъ извѣстенъ былъ еще другой, относящійся также до соглашенія бѣга солнечнаго съ луннымъ; это кругъ, содержащій въ себѣ шесть сотъ лѣтъ, по прошествіи коихъ солнце и луна соединяются на небѣ не только въ тотъ же день — какъ бываетъ послѣ девятьнадцати лѣтъ — но даже въ одинакой часъ. Сей годъ весьма полезенъ для вычисленія затмѣній.

Историкъ Іосифъ, и можетъ быть онъ только одинъ, упоминая о семъ періодѣ, приписываетъ (**) открытіе онаго Патріархамъ,

---

(*) Аспектъ, слово астрономическое, значитъ положеніе или разстояніе звѣздъ и планетъ, во взаимномъ ихъ отношеніи.

(**) См. Antiquit. Lib. 1. cap. 3. — Bailly, Astronomie ancien. pag. 67 et 309. Г. Соннератъ увѣряетъ, что сей періодъ и теперь извѣстенъ Индіянамъ.

жившимъ прежде потопа, и называетъ его *великимъ годомъ*.

Бюффонъ, въ своихъ *Эпохахъ природы*, пишетъ, что потребно было дѣлать наблюденія около шести тысячь лѣтъ, чтобы наконецъ дойти до открытія сего періода. Но непостоянство дѣйствій человѣческихъ и перемѣны, которымъ онѣ подвержены, дозволятъ ли столь долгое время заниматься безпрерывными наблюденіями? Имѣя познаніе о первыхъ отношеніяхъ между бѣгомъ солнечнымъ и бѣгомъ луннымъ, съ помощію теоріи можно идти далѣе. Если потребно было болѣе шести тысячь лѣтъ наблюденій для открытія шести-сотъ-лѣтняго періода, то сколько вѣковъ надлежитъ предполагать до открытія прочихъ великихъ періодовъ?

Великіе годы бываютъ различны: одни продолжительнѣе, другіе короче, смотря по тому, сколько свѣтилъ входитъ въ ихъ составленіе. „Но *великій годъ*, собственно такъ называемый — говоритъ Цицеронъ — есть время, въ которое вообще всѣ свѣтила, по прошествіи многихъ годовъ, возвратясь на тѣ точки, откуда начали бѣгъ свой, являются на небѣ въ прежнемъ положеніи. Не могу рѣшительно сказать — продолжаетъ Ораторъ — сколько для сего потребно вѣковъ. Въ то время, какъ душа Ромулова

вознеслась на небо, на землѣ было солнечное затмѣнїе. Когда всѣ свѣтила небесныя, всѣ планеты опять придутъ въ то же положенїе; тогда солнце, находясь на прежней точкѣ, въ тоже время опять затмится, и тогда совершится *великїй годъ* (*).“ Я привелъ мѣсто сїе почти отъ слова до слова; потому что оно хорошо объясняетъ, въ чемъ состоитъ истинный *великїй годъ*, которой Аристотелемъ, по свидѣтельству Ценсорина, названъ *великайшимъ годомъ*, для отличїя отъ другихъ меньшихъ перїодовъ. Продолженїе сего года было бы въ наши времена еще болѣе, ибо надлежало бы прибавить кругообращенїя трехъ планетъ, недавно открытыхъ.

Цицеронъ, какъ сказано выше, не смѣлъ опредѣлить продолженїя *великаго года*. Въ отрывкѣ своего *Трактата о Философїи*, которой дошелъ до нашихъ временъ черезъ Сервїя, онъ утверждаетъ, что *великїй годъ* содержитъ въ себѣ двѣнадцать тысячь девять сотъ пятьдесятъ четыре года. Впрочемъ, мнѣнїя о семъ были различны, какъ увидимъ ниже.

Надобно еще замѣтить, что не одному только возвращенїю многихъ или всѣхъ планетъ

(*) См. Cicer. in Somn. Scip. et De Natur. Deor.

на прежнее ихъ мѣсто давали наименованіе *великаго года*; кажется, подъ симъ же именемъ еще извѣстенъ былъ періодъ кругообращенія неподвижныхъ звѣздъ, или возвратное движеніе равноденственныхъ точекъ (la précession des équinoxes). Нѣкоторые народы, по обыкновенію Древнихъ, завѣсою иносказанія покрывали періоды, извѣстные подъ названіемъ *великаго года*. Они представляли его подъ эмблемою птицы, чудесной и единственной, похожей на орла, которая каждой разъ при наступленіи новаго періода вылетала изъ Аравіи, или изъ Индіи, или изъ рая земнаго на Востокѣ. Сія птица являлась людямъ и возраждалась изъ своего пепла, сперва сожегшись на кострѣ, сооруженномъ ею изъ благовонныхъ веществъ и деревъ ароматическихъ. Чудесное пернатое извѣстно было подъ названіемъ *феникса*. Тацитъ (*), упомянувъ объ его появленіи, и не понимая истиннаго смысла аллегоріи, не знаетъ, что о семъ думать должно. Мнѣнія были различны о времени появленія феникса. Одни думали, что онъ прие-

(*) Тацитъ Annal. VI, 28. Плиній Histor. Natur. X, 2. Солинъ, Cap. 45. Въ Замѣчаніяхъ Тритановыхъ на Біографіи Римскихъ Императоровъ есть изображенія медалей, гдѣ фениксъ представленъ съ лучами вокругъ головы; — ясное доказательство, что его почитали эмблемою солнечнаго кругообращенія.

шаетъ по прошествіи пяти сотъ лѣтъ; другіе полагали, что онъ является не прежде, какъ спустя тысячу четыреста шестьдесять одинъ годъ. Сей послѣдній періодъ былъ весьма славенъ у Египтянъ. Мы сказали въ прежней статьѣ, что хотя Египтяне знали истинное продолженіе года солнечнаго, но по причинѣ суевѣрія считали въ году только триста шестьдесять пять дней, а остающуюся четверть дня оставляли безъ вниманія; отъ чего годъ Египетской, которой начинался отъ возхожденія Песьей звѣзды на горизонтъ при солнечномъ освѣщеніи, отставалъ однимъ днемъ по прошествіи каждаго четырелѣтія, и приходилъ на прежній пунктъ не прежде, какъ спустя тысячу четыреста тестьдесять одинъ годъ. Это была важная эпоха въ Египтѣ, которую они представляли подъ эмблемою феникса. Однакожь Г. Бальи думаетъ, что не Египтяне изобрѣли оную. Будучи увѣренъ, что всѣ науки пришли отъ Сѣвера, онъ полагаетъ, что тамъ же родилась аллегорія и о фениксѣ. По его мнѣнію, обстоятельства жизни, странствованія и возвращенія сей птицы приличествуютъ однимъ только сѣвернымъ климатамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Эддѣ упоминается о птицѣ, подобной фениксу; однакожь и у Индіянъ находятъ преданіе о такой же птицѣ,

называемой *кокнусъ*; она складываетъ себѣ костеръ изъ дерева, воспламеняетъ его маханьемъ крыльевъ своихъ, сожигается, и потомъ возраждается къ новой жизни. Даже Іудеямъ была извѣстна сія аллегорія; одинъ стихъ Псалма Давидова очевидное имѣетъ къ ней отношеніе (*).

Различныя знаменованія, подъ которыми разумѣли слово *великой годъ*, необходимо смѣшивали понятія объ его продолженіи. Древніе о семъ думали весьма несогласно, какъ свидѣтельствуетъ Плутархъ, приводя ихъ мнѣнія о такомъ предметѣ, котораго по видимому онъ самъ не могъ понимать ясно.

Мнѣніе о *великомъ годѣ* было темное, основанное на весьма старинномъ преданіи, и извѣстное многимъ народамъ, обитающимъ въ разныхъ, взаимно отдаленныхъ, частяхъ земнаго шара; слѣдственно начальныя о немъ понятія необходимо должны были измѣниться (**).

Но если различно думали о продолженіи *великаго года*, за то всѣ одинакаго были мнѣнія, относительно произшествій, дол-

(*) Обновится яко орля юность твоя. Псал. 102. ст. 5.

(**) Индіяне, Китайцы, Халдеи, Египтяне, Греки, Римляне, каждой народъ особо, имѣли у себя *великой годъ*.

женствующихъ совершиться по окончанїи онаго, а именно: конца вѣковъ, разрушенїя и обновленїя вселенной. Восточные жители и теперь еще вѣрятъ, что въ эпоху окончанїя *великаго года* непремѣнно настанутъ сїи страшныя перемѣны.

Такїя мнѣнїя существовали на востокѣ во времена глубочайшей древности. Платонъ, которой тамъ почерпнулъ о нихъ свѣденїе, говоритъ, что по прошествїи извѣстнаго числа лѣтъ, образъ мїра совсѣмъ измѣняется, и что прежде много уже разъ случались такїя событїя. Въ Политикѣ своей также утверждаетъ онъ, что когда всѣ звѣзды совершатъ бѣгъ свой, послѣдуетъ всеобщее измѣненїе во вселенной. По свидѣтельству Сенеки, такъ думали и Халдеи.

Отецъ Бушетъ въ своихъ поучительныхъ Письмахъ замѣчаетъ сходство мнѣнїй Индїянъ и Платона о семъ предметѣ. Брамины и теперь увѣрены, что мїръ истребленъ будетъ огнемъ; Соннератъ говоритъ, что всѣ народы безъ изключенїя о семъ думаютъ одинаково; всѣ Древнїе были того же мнѣнїя: свидѣтели тому духовныя и свѣтскїя книги. Одинъ только Сенека, слѣдуя мнѣнїю какого-то Халдейскаго Автора, говоритъ, что мїръ обновляется огнемъ, если соединенїе всѣхъ планетъ бываетъ въ со-

подаренныя ему отъ Папы, и купленныя дорогою цѣною. Ломоносовъ, увидѣвъ оныя, и разсмотрѣвъ прилѣжно составленіе стеколъ, предпринялъ, съ помощію Химіи своей, произвесть нѣчто подобное; оградился философскою терпѣливостію, плавилъ вещества, дѣлалъ разные опыты, и наконецъ достигъ искуства приготовлять изъ стекла камни разныхъ цвѣтовъ для мозаическихъ изображеній. Въ описаніи жизни Ломоносова, помѣщенномъ при Академическомъ второмъ изданіи сочиненій его, сказано, что первая мозаическая картина, сдѣланная симъ знаменитымъ Художникомъ, была портретъ ПЕТРА Великаго, съ подлинника Дангауерова: но въ статьѣ, взятой изъ Ученыхъ Флорентинскихъ Вѣдомостей, и напечатанной на Россійскомъ языкѣ въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1764 года, то есть при жизни Ломоносова, упомянуто, что — первое произведеніе трудовъ его есть образъ Богоматери, сдѣланный мозаическимъ искуствомъ съ подлинника Соломенова, и поднесенный Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ, Которая, удостоивъ Автора высочайшимъ Своимъ ободреніемъ, пожаловала ему привилегію и деревни въ Ингерманландіи, гдѣ заведена была имъ фабрика для составленія разноцвѣтныхъ стеколъ Мозаическихъ. Ломоносовъ, безпрестанно занимаясь симъ художествомъ, столько успѣлъ, что могъ наконецъ приступить къ важнымъ

весьма удачно возпользовался молвою тогдашняго времени и общею увѣренностїю, будто великой перїодъ счастливо совершился.

Китайскїе Астрономы иногда прибѣгали къ такимъ же средствамъ, желая польстить своимъ Государямъ. Въ Мартѣ 1725 года, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурїй сблизились между собою. Китайскїе Астрономы тотчасъ предположили, что и Сатурнъ долженъ быть недалеко, и что всѣ сїи планеты находились въ соединенїи съ Солнцемъ и Луною. *Великїй годъ* въ Китаѣ, какъ и вездѣ, оканчивался соединенїемъ всѣхъ планетъ; почему Астрономы немедленно донесли Государю о мнимомъ совершенїи перїода, и поздравляли его съ обновленїемъ вѣковъ, случившимся въ его счастливое царствованїе. Монархъ принялъ поздравленїя отъ всего Двора своего, возвѣстилъ всей Имперїи о важномъ событїи, и повелѣлъ внести въ Лѣтописи, что *въ третїй годъ его царствованїя замѣчено соединенїе семи планетъ.* Тщетно старались Іезуиты вывести изъ заблужденїя Императора; ласкательство Китайцевъ одержало верхъ.

Изъ сего видно, должно ли имѣть довѣренность къ славнымъ астрономическимъ наблюденїямъ, содержащимся въ лѣтописяхъ Китайскаго народа, о которомъ Вольтеръ

изрекъ: „онъ соединяетъ Исторію неба съ Исторіею земли, и одну оправдываетъ другою.“

Мнимое соединеніе планетъ въ 1725 году есть не первая ложь, которую Исторія Китайская выдаетъ за правду. Она повѣствуетъ о другомъ, весьма славномъ соединеніи, случившемся будто бы въ царствованіе Шуэни около 2500 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія; однакожь новѣйшіе Астрономы никакъ не могли доказать истины сего событія. Г. Бальи справедливо почитаетъ его также выдуманнымъ.

Изъ мнѣній о *великомъ годѣ* сдѣлали весьма странное злоупотребленіе, вообразивъ, что можно угадать эпоху разрушенія міра по истеченіи извѣстнаго числа астрономическихъ періодовъ, и что, слѣдуя той же методѣ, можно вычислить, когда случались великія перемѣны на земномъ шарѣ. Люди искусные и опытные увѣряютъ, что всѣ хронологическія вычисленія, относительно произшествій глубочайшей древности, основаны на упомянутой методѣ.

Г. Жантиль, долго размышлявши о древности, которую Индіяне приписываютъ міру, и о разныхъ его возрастахъ, которые онъ сперва почиталъ нелѣпыми сказаніями,

наконецъ сталъ думать, не значатъ ли сіи возрасты извѣстнаго числа равноденственныхъ періодовъ. Его догадка превратилась въ увѣренность, когда онъ узналъ, что четыре возраста міра суть не что иное, какъ астрономическіе періоды, которые, по замѣчанію Соннерата, встарину извѣстны были Халдеямъ.

Изслѣдованія, сдѣланныя Калькутскимъ Азіатскимъ Обществомъ, подтвердили догадки Французскихъ Ученыхъ. Всѣ преданія древности и теперь еще, такъ сказать, живутъ въ Индіи; слѣдственно, судя по нимъ, можно заключать о томъ, какими онѣ были прежде въ другихъ мѣстахъ.

Капитанъ Франкъ Вильфордъ, написавшій Разсужденіе о лѣтосчисленіи Индіянъ, замѣчаетъ, что пристрастіе къ Астрологіи заставило ихъ вѣрить, будто во время соединенія небесныхъ свѣтилъ непремѣнно должно случиться что-нибудь столь же важное, какъ сотвореніе міра. Основываясь на семъ предположеніи, они ввели въ свою Хронологію столь странныя нелѣпости, что, по свидѣтельству Автора, теперь сами не вѣрятъ имъ.

Джонъ Бентлей, которой также сочинилъ Записки объ Индійскихъ періодахъ, раз-

дѣляетъ ихъ на историческіе, піитическіе и астрономическіе; послѣдніе два, а особливо астрономическіе, весьма далеки отъ истины, и никакъ не могутъ быть согласшены съ періодами историческими.

Хотя астрономическіе періоды очень стары въ Индіи; не смотря на то, во время путешествія Мегасѳенова, они не имѣли связи съ историческими. Мегасѳенъ, по видимому, занимавшійся Индійскою Исторіею, полагаетъ начало ея за 5000 лѣтъ съ небольшимъ до нашествія Александра Македонскаго. Сей счетъ почти согласенъ съ Библіею перевода семидесяти Толковниковъ; но онъ, по мнѣнію Боссюэта, слишкомъ великъ: ибо къ чему служитъ длинный рядъ годовъ, если сіи годы не заключаютъ въ себѣ важныхъ произшествій?

Сей недостатокъ еще болѣе ощутителенъ въ исторіяхъ, которыхъ начало теряется въ глубочайшей древности. Онѣ содержатъ въ себѣ множество годовъ, иногда длинные списки Государей, будто бы царствовавшихъ въ продолженіе показаннаго времени; но для чего же нигдѣ не упоминается, какимъ образомъ сохранены въ памяти ряды вѣковъ и Государей, и почему не осталось ниже слѣда о какомъ-нибудь важномъ произшествіи, которому, безъ всякаго сомнѣнія, надлежало бы случиться?

Такая пустота особенно видна въ Геродотовой Исторіи относительно Египта. Весьма немногое число историческихъ произшествій разсѣяно въ великомъ промежуткѣ.

Жрецы Египетскіе часто шутили надъ легковѣріемъ Грековъ, разсказывая имъ нелѣпыя басни. Самъ Геродотъ, кажется, примѣтилъ это; онъ повѣствуетъ, что нѣкогда Гекатей Милетскій представилъ жрецамъ свою родословную, и доказывалъ произхожденіе свое отъ одного изъ боговъ, которой въ шестьнадцатомъ колѣнѣ былъ его родоначальникомъ. Жрецы, желая похвастать древностію своего рода, привели его во храмъ и показали триста сорокъ пять деревянныхъ колоссовъ, которые представляли родословную Первосвященниковъ, непрерывно продолжавшуюся около одиннадцати тысячь лѣтъ. Геродотъ замѣчаетъ со всѣмъ простодушіемъ, что хотя онъ въ бытность въ Египтѣ и не хвастался передъ жрецами своею родословною, подобно Гекатею Милетскому, однакожь они не пропустили случая ввести его во святилище своихъ предковъ: Геродотъ, кажется, не сомнѣвался, что жрецы шутили и надъ нимъ и надъ Гекатеемъ.

Въ самомъ дѣлѣ не льзя статься, чтобы столь длинной рядъ поколѣній безпрерывно продолжался; покрайней мѣрѣ до сихъ поръ не видано подобныхъ примѣровъ. Сверхъ

шого, перемѣны, коимъ подвержены Государства, не моглиль бы разрушить сей мнимой цѣпи первосвященническаго рода? Манеѳонъ приводитъ слова Іосифа, которой свидѣтельствуетъ, что послѣ нашествія народовъ-пастырей всѣ храмы въ Египтѣ были изпровергнуты.

Почти также неосновательны и всѣ Хронологіи, которыхъ начало теряется въ невѣроятной древности. Справедливая исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ люди научились правильно измѣрять время, и когда установлена была эра, которая служила основаніемъ лѣтосчисленію. Но такія открытія у всѣхъ народовъ появились очень поздно, а притомъ у многихъ — въ грубомъ несовершенствѣ. Достойно особливаго вниманія, что эпоха, отъ которой начинается порядочная и вѣроятная исторія, почти у всѣхъ одна и та же. Г. Бальи и другіе Писатели замѣчаютъ, что сію эпоху полагать должно около семи сотъ лѣтъ до Рождества Христова. Все, что ни переходитъ далѣе упомянутаго времени, весьма запутано. Примѣромъ тому служитъ Паросская Лѣтопись, надъ которою потѣли Ученые: Фреретъ объяснилъ, что она не можетъ быть вѣрнымъ указателемъ произшествій, относящихся ко всеобщей и политической Исторіи Греческой, и часто противорѣчитъ са-

мымъ точнымъ Дѣеписателямъ, каковы, напримѣръ, Ксенофонъ, Діодоръ, Діонисій Галикарнасскій. Фреретъ прямо говоритъ, что сія Лѣтопись погрѣшаетъ; и такъ если въ показаніи извѣстныхъ временъ видимъ ошибки, что же надлежитъ думать о вѣкахъ глубочайшей древности?

Заключимъ: въ числѣ многихъ преимуществъ, которыя мы имѣемъ передъ Древними, должно полагать искуство измѣрять время, и вѣрнѣйшіе способы вести лѣтосчисленіе. Всѣ химерическія понятія, которыя приводили въ замѣшательства ихъ Хронологію, изчезли: наши старинныя Лѣтописи, сколь ни сухи, сколь ни отвратительны по причинѣ грубаго слога, удобнѣе могутъ быть соглашены съ порядкомъ времени, нежели плѣняющія Дѣеписанія Древнихъ.

Бернарден.

IV.

КРИТИКА.

Сочиненія и Переводы И. Дмитріева. Часть Третія, Москва, въ Типографіи *Платона Бекетова.* 1805.

(*Окончаніе.*)

Смѣсь начинается стихотворною повѣстію: *Филемонъ и Бавкида*, переведенною

съ Лафонтенова подражанія Овидію. Добродѣтельная чета старыхъ супруговъ угощаетъ въ бѣдной хижинѣ своей Юпитера и Меркурія, странствующихъ въ видѣ обыкновенныхъ путешественниковъ. Громовержецъ, бывъ очень доволенъ усердіемъ добродушныхъ поселянъ, превратилъ хижину ихъ во храмъ, а Филемона и Бавкиду сдѣлалъ священнослужителями. Старикъ и старуха долго потомъ наслаждались жизнію, и оба лишились ее въ одно время: это выпросили они у Юпитера, чтобы не страдать одному лишась другаго. Филемонъ превращенъ въ дубъ, а Бавкида въ липу. Въ этомъ состоитъ повѣсть, которую Овидій въ осьмой книгѣ *Превращеній* разсказалъ съ обыкновеннымъ своимъ искуствомъ. Не останавливаясь надъ симъ драгоцѣннымъ памятникомъ золотаго вѣка Латинской Словесности, слегка разсмотримъ переводъ нашего Автора.

Лафонтенъ, держась Овидіева порядка, разпространилъ и украсилъ повѣсть о добродѣтельныхъ супругахъ. Лагарпъ говоря, что есть въ ней слабыя мѣста, безъ сомнѣнія думалъ не о началѣ. Кто можетъ прочесть сіи прекрасные стихи, не чувствуя тихаго, сладостнаго удовольствія?

Ni l'or ni la grandeur ne nous rendent heureux.
Ces deux divinités n accordent à nos voeux

Que des biens peu certains, qu'un plaifir peu tranquille:
Des foucis devorans c'eft l'éternel afyle;
Veritables vautours, que le fils de Japet
Repréfente enchainé fur fon trifte fommet.
L'humble toit eft exempt d'un tribut fi funefte.
Le fage y vit en paix, et méprife le refte.

Вотъ переводъ:

Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда *со мной* заботы вѣкъ живутъ?
Когда духъ зависти несчастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь *его*, какъ *вранъ* у Промиѳея?
Ахъ, это сущій адъ! гдѣ жь счастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ, воленъ,
Не *алча лишняго*; и тѣмъ, что есть, доволенъ.

Странно было бы хотѣть, чтобы въ переводѣ, а особливо стиховъ, удержанъ былъ тотъ же порядокъ въ словахъ, какой находится у Автора. Отъ Переводчика требуется, чтобы мысль Автора выражена

была въ точности. Первой стихъ Русской ни въ чемъ не уступаетъ Французскому, не смотря на то, что фраза ne nous rendent heureux (не дѣлаютъ насъ счастливыми) замѣнена словами: *ко счастью не ведутъ*. Во второмъ и слѣдующихъ стихахъ видимъ, сколь трудно было удержать смыслъ Автора, которой именно хочетъ сказать, что знатность и богатство *доставляютъ* намъ блага непрочныя, и что съ ними *неразлучны* пожирающія заботы, прямые *коршуны*, vautours . . . . . Въ переводѣ, заботы не имѣютъ непосредственной связи со златомъ и чинами; отъ того и выходитъ, что онѣ только препятствуютъ наслаждаться выгодами богатства и знатности. Читая Лафонтена, вывожу слѣдствіе, что людямъ богатымъ и знатнымъ *не извѣстно* истинное счастіе. Читая переводъ, заключаю: кого не терзаютъ заботы (постороннія); тотъ, при знатности и богатствѣ, *можетъ* быть счастливъ. Сверхъ того, почему въ первыхъ двухъ стихахъ говорится *о себѣ*, а въ третьемъ и четвертомъ — *о немъ*? *Алчу*, по примѣру всѣхъ среднихъ глаголовъ, полагается безъ падежа; въ собственномъ значеніи нельзя сказать *алчу хлѣба*, *алчу земляники*; въ переносномъ — также.

Нашъ Авторъ умѣлъ остеречься отъ погрѣшности, въ которую впалъ Лафонтенъ,

разсказывая о трапезѣ, приготовленной для небесныхъ путешественниковъ.

La table, où l'on ſervit le champêtre repas
Fut d'ais non façonnés à l'aide du compas :
Encore aſſure-t-on, si l'hiſtoire en eſt crue,
Qu'en un de ſes ſupports le temps l'avait rompue.
Baucis en égala les appuis chancelans
Du debris d'un vieux vaſe, autre injure des ans.

Шутка, единственная во всей повѣсти, здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Въ Русскомъ переводѣ то же самое сказано въ двухъ стихахъ, изъ которыхъ второй заслуживаетъ особливое вниманіе, потому что вмѣщаетъ въ себѣ все, содержащееся въ трехъ Французскихъ:

Бавкида между тѣмъ *трапезой поспѣшаетъ*,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ.

Желательно было бы, чтобъ Г. Переводчикъ исправилъ и другую ошибку Французскаго Поэта. Юпитеръ, опредѣливъ потопить всю страну, возвелъ Филемона и Бавкиду на холмъ (напрасно въ переводѣ не сказано на ближній изъ холмовъ, вмѣсто: на ближній изъ *хребтовъ*):

Вдругъ сонмы грозныхъ тучь подъ ними
разразились,
И съ шумомъ рѣки водъ *безъ отдыха*
пустились;
Валъ гонитъ валъ, и мчитъ все, *что*
ни попадетъ,
Скотъ, кущи и людей . . . . изчезли!
слѣда нѣтъ.
Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвя-
щаетъ,
И взоромъ, полнымъ слезъ, у Бога во-
прошаетъ:
Пусть люди . . . *но почто животныхъ*
Онъ казнитъ?

Лафонтенъ заставляетъ Бавкиду жалѣть о животныхъ, когда люди гибнутъ! У Овидія нѣтъ картины, но также нѣтъ и ошибки, столь непростительной.

Замѣтимъ еще нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, сомнительныя мѣста въ переводѣ. Все *старится* (стр. 52), вмѣсто: старѣется. Въ минуту *на крыльцѣ* (тамъ же) и проч.; читателю пріятнѣе воображать бѣдную хижину безъ крыльца. *Повечеряя* съ нами (тамъ же) — вмѣсто: повечерявши, то есть поужинавши. И самъ Юпитеръ *изъ коры* (стр. 53) поставлено для рифмы; надле-

жало сказать изъ дерева. Но *менѣе ль* тогда, и проч. (тамъ же); правильнѣе сказать бы:

Но въ меньшемъ ли тогда они привольѣ жили?

У Лафонтена Бавкида гоняется за ручною куропаткою, желая приготовить изъ нее кушанье для гостей; въ переводѣ (стр. 54) старуха ловитъ перепела, для принесенія его на жертву богамъ. Вѣтръ (тамъ же) *отвсюду* началъ дуть; то есть, со всѣхъ сторонъ? не возможно!

Мы хотѣлибъ останавливаться надъ каждою піэсою, но опасаясь, чтобы статья сія для нѣкоторыхъ читателей не показалась слишкомъ длинною, пропускаемъ множество прекрасныхъ стихотвореній, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ публикѣ, и заключаемъ разсмотрѣніемъ одной изъ двухъ Одъ Горацієвыхъ, которыми оканчивается книга.

Г. Переводчикъ выбралъ третью Оду первой книги, — ту самую, которая почитается образцовымъ произведеніемъ Лирическаго Генія. Она лучше всѣхъ правилъ объясняетъ, что значитъ *прелестной безпорядокъ*, что значатъ слова Боаловы, для многихъ Пѣвцовъ непонятныя:

Son ſtyle impétueux ſouvent marche au hasard:
Chez elle un beau déſordre eſt un effet de l'art.

Горацій желаетъ счастливаго плаванія Виргилію, отправляющемуся въ Аѳины. За симъ слѣдуетъ отступленіе, которое по видимому не имѣетъ никакой связи съ предметомъ:

Конечно твердою, дубовою *корой*
Тройнымъ булатомъ грудь была *вооружена*,
Того, въ комъ перва мысль родилась дерзновенна:
Невѣрной поручить стихіи жребій свой!
Ни дожденосныя зловѣщія Гіады,
Ни Африканской вѣтръ, ни бурный Аквилонъ,
Ни Нотъ, не знающій пощады,
Не сдѣлали ему препонъ.

Robur значитъ не *кору* дубовую, но самой *дубъ*. Намъ кажется справедливымъ мнѣніе Комментаторовъ, которые стиху: illi robur et aes triplex, даютъ слѣдующій смыслъ: „У того было нечувствительное, мѣдное сердце, кто первой дерзнулъ пуститься въ открытое море.“ Въ самомъ дѣлѣ, броня и доспѣхи не предохраняютъ отъ кораблекрушенія.

И что они (*)? Какой родъ смерти былъ ужасенъ
Тому, чей смѣлый взоръ былъ неподвиженъ (**), ясенъ,
Когда зіяла хлябь, горой вздымался валъ,
Изъ волнъ чудовища скакали,
И стрѣлы молній обвивали
Верхи Эпирскихъ грозныхъ скалъ?

Негодованіе Горація на безразсудную отважность людей увеличивается по мѣрѣ продолженія Оды:

Такъ, втуне отъ небесъ народы *раздѣлены*,
Обширныя моря въ предѣлъ имъ *положены*!
Аѳетовъ дерзкій сынъ все *смѣетъ одолѣть*:
Хотѣлъ, *и могъ* сіи пространства пролетѣть;
Хотѣлъ, и святость всѣхъ законовъ *нарушаетъ*,
И даже огнь съ небесъ коварно похищаетъ.

(*) То есть вѣтры и зловѣщія созвѣздія.
(**) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Горація стоитъ. ficcis oculis. Кажется fixis правильнѣе, то есть, какъ здѣсь переведено; ибо отъ ужаса не плачутъ.

О святотатство! сколь твой гибеленъ
былъ слѣдъ!
По свѣту Океанъ разлился новыхъ бѣдъ,
И неизбѣжна смерть, но медленна до
толѣ,
Удвоила свой шагъ, и всѣхъ разитъ
по волѣ!
Но только ли? Дедалъ, родившійся безъ
крилъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ;
Геркулъ потрясъ *предѣломъ* ада!
Гдѣ нашей дерзости преграда?
Мы въ буйствѣ даже въ брань вступа-
емъ съ божествомъ,
И Діевъ никогда не умолкаетъ громъ.

Раздѣленны и *положенны* стоятъ здѣсь вмѣсто глаголовъ страдательныхъ: раздѣлены, положены (суть), — имѣющихъ, какъ извѣстно, удареніе надъ послѣднимъ слогомъ.

Nequicquam Deus abſcidit
Prudens oceano diſſociabili
Terras; si tamen impiae
Non tangenda rates transiliunt vada.
Avdax omnia perpeti
Gens humana ruit per vetitum nefas.

Горацій обвиняетъ не Промиѳея, но вообще *людей*, дерзнувшихъ переплыть моря, которыми Премудрый Творецъ раздѣлилъ землю. Поэтъ негодуетъ на сына Японетова только за то, что онъ похитилъ огонь съ неба, а не за то, чего онъ совсѣмъ не дѣлалъ:

Avdax Japeti genus
Ignem fraude mala gentibus intulit.

Мысль и намѣреніе Автора должны быть съ точностію выражены: вольность Переводчика, а особливо перелагающаго образцовыя, всѣмъ извѣстныя творенія, простирается весьма недалеко. Критикъ, не боясь упрековъ за послабленіе, могъ бы одобрить стихъ:

Аѳетовъ дерзскій сынъ все *смѣетъ одолѣть*

и два, за нимъ слѣдующіе, хотя въ нихъ есть прибавленія и перемѣны противъ подлинника, — могъ бы, говорю, смѣло одобрить, еслибъ не замѣшались фразы: *смѣетъ одолѣть*, *хотѣлъ и могъ*, *хотѣлъ и нарушаетъ*. *Иракла* приличнѣе бы заставить потрясти *предѣлы* ада; потрясти можно *головою*, *рукою*, и даже — что въ рукахъ держимъ — *щитомъ*, *копіемъ*; въ иносказательномъ же смыслѣ, по свойству языка, надлежитъ говорить: по-

трясти *область*, *государство*, не областїю, не государствомъ.

Горацїй при самомъ началѣ Оды уклоняется отъ предположенной цѣли; быстро переходитъ къ предметамъ, по видимому постороннимъ, неимѣющимъ никакой связи съ началомъ. Но сїи отступленїя, сїи внезапные переходы суть слѣдствїе восторга, разсудкомъ управляемаго. Лирикъ обдумалъ и расположилъ планъ Оды; обозрѣлъ всѣ стороны своего предмета; видѣлъ отношенїя, самыя отдаленнѣйшїя, сблизилъ ихъ и связалъ цѣпью, почти непримѣтною. Въ жару чувства и страсти, онъ отдаетъ себя произволу влекущей силы; но держитъ въ рукѣ тайную нить Арїаднину, и не выпускаетъ изъ виду главной цѣли. Что заставляетъ его отъ корабля, на которомъ отправился Виргилїй въ путь, перейти къ Промиѳею, Дедалу, Геркулесу? отъ жалѣнїя къ негодованїю? Опасность, грозящая мореходцамъ. Этотъ страхъ, это нѣжное участїе въ судьбѣ друга, которымъ занята душа его, есть главной, такъ сказать, тонъ Оды, управляющїй всѣми измѣненїями напѣва. И такъ въ семъ мнимомъ безпорядкѣ, въ сихъ невольныхъ отступленїяхъ отъ матерїи, въ сихъ несвязныхъ переходахъ господствуютъ строгой порядокъ, обдуманное намѣренїе, точная соотвѣтственность.

Оканчиваемъ замѣчанія, которыми ограничиваются права Рецензента, разсматривающаго сочиненія знаменитыхъ Писателей. По счастію мы живемъ въ такое время, когда богиня славы, не откладывая до будущихъ столѣтій, вѣнчаетъ лаврами достойныхъ любимцевъ своихъ, заслужившихъ благосклонность дѣвъ Парнасскихъ, — и награждаетъ ихъ завидною судьбою наслаждаться выгодами безсмертія, не разставшись со здѣшнимъ свѣтомъ. Похвала наша почтеннѣйшему Господину Автору была бы не что иное, какъ отголосокъ общей молвы: слѣдственно она безполезна.

V.

Смѣсь.

Крезе, весьма ученый Мужъ, и великій знатокъ Греческаго и Еврейскаго языковъ, не выпускалъ изъ рукъ Гомеровыхъ поэмъ и библіи; безпрестанно читалъ ихъ, и сравнивалъ; наконецъ, по видимому отъ излишняго напряженія умственныхъ силъ, до того забылся, что вздумалъ утверждать, будто Одиссея есть не иное что, какъ *Исторія Израильтянъ, жившихъ во времена Патріарховъ*, а Иліада — *Повѣсть о покореніи Іерихона*! Онъ доказывалъ свое

мнѣніе тѣмъ, что собственныя и многія другія имена въ Гомеровыхъ поэмахъ суть — настоящія Еврейскія, обезображенныя Греческими окончаніями! Основываясь на семъ, Г. Крезе выдалъ Томъ своихъ примѣчаній на Одиссею. Этотъ бредъ имѣетъ великое сходство съ пустословіемъ Бенедиктинца Пернетія, которой не шутя увѣрялъ и доказывалъ, что Гомеръ, научась Алхиміи въ Египтѣ, въ сказкѣ своей о войнѣ Троянской преподаетъ аллегорическія наставленія о сей наукѣ, и что странствованія Улиссовы значатъ — заблужденія герметическихъ (то есть упражняющихся въ искуствѣ превращать металлы) Философовъ, въ которыя впадаютъ они, прежде нежели достигаютъ святилища истины. Премудрый Пернетій такимъ же образомъ толковалъ Египетскую и Греческую Миѳологію!

❁

Октября 22 дня, ввечеру въ 7. часовъ, Г. Гутъ, пребывающій во Франкфуртѣ, что при Одерѣ, открылъ новую комету въ созвѣздіи *Андромеды*. Въ восемь часовъ прямое восхожденіе оной было 11 гр. 10 мин.; удаленіе отъ экватора 35 гр. 20 мин. На другой день въ тотъ же часъ она была на 10 гр. 37 мин. прямаго возхожденія, и на 34 гр. 40 мин. удаленія отъ экватора, слѣдственно подвинулась къ югу на 45 ми-

нутъ. Комета сія простому глазу казалась пятномъ не столько яснымъ, какъ большое пятно въ созвѣздіи *Андромеды*, отъ котораго она отстоитъ на пять градусовъ къ сторонѣ южной; черезъ телескопъ представлялась весьма яркою планетою. Видимая величина кометы должна казаться часъ отъ часу большею, потому что она приближается къ солнцу, взявъ направленіе черезъ крыло Пегаса.

*

Нѣмецкіе художники трудятся надъ изобрѣтеніемъ памятника, которой патріоты желаютъ воздвигнуть знаменитому Шиллеру. Г. Беккеръ предложилъ планъ, достойный вниманія публики. Извѣстно, что сумма, назначаемая для сооруженія памятника, будетъ составлена изъ театральныхъ сборовъ за представленіе Шиллеровыхъ Трагедій. Г. Беккеръ предлагаетъ на сіи деньги купить мызу, которая имѣла бы прелестное и, если можно, романтическое мѣстоположеніе; у Государя изходатайствовать дозволеніе назвать мызу *Шиллерсруге*, или *Шиллерсгайнъ* (Шиллерово упокоеніе, Шиллерова роща), или какимъ-нибудь другимъ именемъ, которое внесется въ Государственные архивы, и въ Географическія карты, и такимъ образомъ сохранитъ имя Поэта вѣрнѣе всякаго памятника. Сіе помѣстье должно принадлежать непремѣнно

Шиллерову потомству, и непремѣнно такой особѣ, которая носитъ на себѣ имя Шиллера. Въ надписи надъ главными воротами дома будетъ сказано о семъ учрежденіи, равно и о томъ, какіе именно театры пожертвовали для него денежными суммами; наконецъ бюстъ Шиллера, изваянный другомъ его Даннекеромъ, будетъ поставленъ въ саду, или въ роще. Г. Беккеръ справедливо замѣчаетъ, что симъ способомъ можетъ сохраниться память Шиллера, и что потомки его всегда будутъ пользоваться вѣрнымъ доходомъ. Но если оба сыновья Шиллеровы умрутъ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, если область достанется другому Государю, — кто поручится, что мыза удержитъ прежнее названіе? . . . . Шиллеровы Трагедіи пребудутъ долговѣчнѣе всѣхъ памятниковъ!

*

Ни что столько чести не дѣлаетъ ученой Германіи, какъ ревностное упражненіе въ древней Греческой Литтературѣ. Напротивъ того во Франціи весьма немногіе занимаются языкомъ Софокловъ и Эврипидовъ. Лагарповъ *Курсъ Литтературы*, впрочемъ достойный особеннаго уваженія, есть памятникъ упадка Французской учености. Въ немъ вообще о Греческой Литтературѣ менѣе сказано, нежели объ одномъ изъ Французскихъ Писателей особенно. Чтобы достигнуть извѣстной степени совершенства, по-

требна ученость, не одно богатое воображенїе, не одинъ умъ тонкой и проницательной; все сїе непремѣнно долженъ имѣть тотъ, кто хочетъ понять и сдѣлать для другихъ понятными творенїя Древнихъ. Г. Виландъ, обладающїй сими преимуществами, теперь издаетъ *Древнїй Музей*, которой печатается въ Цирихѣ у Гесснера. Въ вышедшихъ двухъ тетрадяхъ содержится нѣсколько Греческихъ Трагедїй на Нѣмецкомъ языкѣ; за ними будутъ слѣдовать Аристофановы Комедїи. — Виланда называютъ Нѣмецкимъ Вольтеромъ; во Францїи похвалу сїю считаютъ чрезмѣрною, и даже ругаютъ Виланда, не зная, въ чемъ состоятъ его достоинства. Можетъ быть разность между Вольтеромъ и Виландомъ въ самомъ дѣлѣ такъ велика, что ихъ не льзя сравнивать; но то достовѣрно, что для чести Французской Словесности желательно было бы, чтобы Вольтеръ имѣлъ Виландовы познанїя въ древней Литтературѣ.

*

Воспитанники Сен-Пьерскаго Училища, въ Вестминстерѣ, по введенному обыкновенїю ежегодно представляютъ одну изъ Теренцїевыхъ Комедїй на Латинскомъ языкѣ. Въ нынѣшнемъ году играли *Формїона*.

*

Наблюдатели Гринвичской Обсерваторїи примѣтили, ночью 8 Декабря, комету, по-

добную звѣздѣ четвертой величины, съ яркими лучами, но безъ хвоста. Ея прямое возхожденіе было 353 гр. 6 мин., удаленіе отъ экватора къ югу 23 гр. 41 минута. Докторъ Гершель видѣлъ ее почти въ то же время, находясь въ *Слугѣ*, недалеко отъ Виндзора. На другой день ввечеру при ясной погодѣ комета уже не была видна, вѣроятно потому, что, стремясь быстро къ югу, она сокрылась за горизонтъ, или за пары, которыми обыкновенно закрыты бываютъ предѣлы горизонта.

*

Въ Американскихъ листкахъ напечатано слѣдующее: Въ новомъ Йоркѣ одна дѣвушка пожертвовала своею непорочностію человѣку, давшему обѣщаніе на ней жениться. За симъ первымъ проступкомъ слѣдовали другіе. Надобно знать, что въ Американскихъ Соединенныхъ Областяхъ за подобныя шалости или наказываютъ тѣлесно, или взыскиваютъ денежную пеню. Виновная, въ пятой разъ бывъ приведена въ судъ, въ которомъ засѣдалъ ея соблазнитель, для защищенія себя произнесла слѣдующую рѣчь:

„Уже въ пятой разъ, милостивые государи, приводятъ меня въ сіе судилище за одинакія

преступленія. Я дала жизнь пятерымъ младенцамъ, и каждой разъ подвергалась опасности потерять свою собственную. Воспитываю ихъ по возможности; воспитывала бы еще лучше, еслибъ не принуждали меня часто платить пени. Законъ, осуждающій меня, справедливъ, но можетъ быть слишкомъ строгъ. Я не развратила ни одного супруга, не соблазнила ни одного молодаго человѣка. Не моя вина, если священникъ можетъ жаловаться, что плодовитостію моею доставляю ему доходъ за крещенье, а не за вѣнчанье; развѣ отъ меня зависитъ согласиться на почтенной союзъ, или отъ него отказаться? я всегда желала, и теперь желаю сочетаться бракомъ. Супругъ получилъ бы за мною въ приданое охоту къ трудолюбію, склонность къ бережливости, испытанную плодовитость. Я съ радостію приняла руку перваго мущины, которой объявилъ, что хочетъ имѣть меня своею женою. Излишняя довѣренность къ его добродушію была причиною, что я лишилась непорочности. Я была безразсудна; онъ здѣлался вѣроломнымъ. Вы знаете его, милостивые государи! онъ сидитъ между вами. И такъ, виновникъ и соучастникъ въ моихъ проступкахъ занимаетъ почетное мѣсто, а я . . . я осуждена терпѣть безславіе! . . "

Сїя рѣчь тронула судей; они простили виновную, а соблазнитель на ней женился.

*

Въ одномъ городѣ, въ Нормандїи, *отвращенїе отъ воды* (die Wasserscheue, Hydrophobia, извѣстное слѣдствїе укушенїя бѣшеною собакою) появилось совсѣмъ въ новомъ видѣ, которой многихъ врачей приведетъ въ замѣшательство. Одна женщина изобличена, что съ нѣкотораго времени мѣшала ядъ въ кушанье, приготовляемое для мужа, которой занемогъ отъ того, и умеръ бы конечно, еслибъ злодѣйство заблаговременно не было открыто. Въ допросѣ виновная объявила, что „не знала другаго способа избавиться отъ *множества дурныхъ стиховъ*, которые мужъ сочинялъ ежедневно, и принуждалъ ее слушать.“ Сїе произшествїе разпространило ужасъ между стихотворцами и писателями въ цѣлой провинцїи!

*

Въ Парижѣ хотятъ соорудить высокїя трїумфальныя ворота въ память войны, недавно оконченной. Одинъ Медикъ, по имени Марїя де Сентъ-Юрсень, предложилъ слѣдующую мысль: на воротахъ поставить великолѣпную торжественную колесницу, въ которую впрячь славныхъ бронзовыхъ коней, привезенныхъ изъ Венецїи; далѣе —

на колесницѣ посадить статую Наполеонову, держащую въ рукѣ копье и щитъ Аполлоновъ, и окруженную Горами; богиню общественнаго блага представить на древнемъ треножникѣ приносящею жертвы; каждой вечеръ освѣщать великими огнями сїе огромное зданїе, чтобы оно даже ночью было видимо для всѣхъ и для каждаго! — Журналъ, изъ котораго взята сїя статья, не говоритъ, принято ли такое остроумное предложенїе.

ПОЛИТИКА.

I.

Выписка изъ Лондонскихъ Вѣдомостей.

Новѣйшіе публичные листки — которыхъ сочинители хотятъ увѣрить, будто имъ извѣстны тайныя намѣренія нашего правительства, — утверждаютъ, что въ наступающее лѣто мы опять пошлемъ войска свои на твердую землю. Эта догадка неосновательна и совсѣмъ несбыточна. Бонапарте имѣетъ войска по крайней мѣрѣ 600,000 человѣкъ; сверхъ того ему весьма легко набирать рекрутъ. Теперь во Франціи военное поприще есть единственный путь къ почестямъ и славѣ. Тамъ всѣ бѣгутъ къ военнымъ знаменамъ, какъ мы стремимся къ кораблямъ, къ мануфактурамъ, къ земледѣлію. Даже упадокъ Французской торговли служитъ къ укрѣпленію военной силы Наполеоновой. Прибавимъ еще, что мужество Французскаго войска ужасно для Австріи, для Пруссіи, для всѣхъ Государствъ, кромѣ Россіи и Швеціи, и что Французы тѣмъ храбрѣе, чѣмъ трусливѣе ихъ непріятели. Австрійцы, прежде еще нежели отдались въ плѣнъ Наполеону при

рѣкѣ Иллерѣ, уже были побѣждены собственнымъ своимъ страхомъ. Такимъ образомъ многочисленность Французскаго войска, удобность дополнять его свѣжими людьми, робость и уныніе притѣсненныхъ его непріятелей, раздѣленіе земель, которыя Бонапарте роздалъ своимъ вазалламъ — все благопріятствуетъ похитителю, все даетъ ему вѣрныя средства выставить на твердой землѣ противъ Англіи и союзниковъ ея такую силу, которую побѣдить трудно. Мы не думаемъ, чтобы Министры захотѣли начать войну на сушѣ противъ столь сильнаго непріятеля.

Теперь уже болѣе не льзя намъ полагаться на медленность и затруднительности союзниковъ, ниже на планы, предлагаемые ими одинъ другому. Согласіе, поспѣшность, единство въ начальствѣ и вѣрнѣйшіе способы довольствовать войско — вотъ что необходимо нужно тому, кто захочетъ вести войну со Франціею на твердой землѣ. Александръ поспѣшностію завоевалъ Персію. Цезарь одной только поспѣшности обязанъ тѣмъ, что могъ сказать: *пришелъ*, *увидѣлъ*, *побѣдилъ*! Поспѣшностію и согласнымъ дѣйствіемъ немногочисленной флотъ Англійской одержалъ славную побѣду надъ страшною Испанскою Армадою. Великій Чатамъ, Министръ удивительный

съ мѣстъ своихъ и скинули шляпы. Когда всѣ по прежнему сѣли, Ораторъ Палаты, Г. Бижеловъ, поздравилъ Старѣйшинъ слѣдующимъ образомъ:

„Братья! привѣтствуемъ васъ среди великаго Совѣта. Поздравляемъ васъ съ благополучнымъ къ намъ прибытіемъ. Наши отцы не знали васъ; пускай же мы и наши дѣти васъ знаютъ. Искренне желаемъ, чтобы дружество утвердилось между вами и нами, и между дѣтьми нашими. Оба великіе Совѣта наши просили добраго и знаменитаго своего Начальника, чтобы дозволилъ вручить вамъ серебряныя цѣпи, въ залогъ нашей привязанности. Хотя мы и разнимся цвѣтами, но не лишайте насъ своего дружества: будемъ стараться одни другихъ превзойти взаимными услугами. Да продолжается вѣчно миръ между нами. Возвѣстите, братья, своимъ народамъ, что мы желаемъ имъ удачи во всѣхъ предпріятіяхъ. Просимъ Великаго Духа, чтобы даровалъ имъ счастье въ звѣроловствѣ и во всемъ; чтобы низпослалъ имъ времена благопріятныя и обиліе плодовъ. Возвѣстите имъ также, что Бѣлые и народъ Соединенныхъ Областей приняли васъ, и обошлись съ вами усердно и дружески, и что просимъ отъ нихъ взаимной благосклонности, когда наши придутъ въ ихъ области. Мы будемъ молить Великаго Духа, чтобы въ обратномъ путешествіи хранилъ

ся склонить Датчанъ на свою сторону. Мы даже готовы, сколько можемъ, споспѣшествовать возвеличенію Пруссіи. Теперь Австрія; по-видимому — равно какъ Баденъ, Виртембергъ и Баварія — принуждена носить оковы *союзничества* со Франціею; не смотря на то, да будетъ намъ позволено напомнить Императорскому Дому прежнее его величіе, и пожелать ему временъ счастливѣйшихъ. Мы имѣемъ еще способы отвести опасность, угрожающую Португаліи и Испаніи; по крайней мѣрѣ можемъ сберечь Сицилію для Короля Неаполитанскаго; можемъ непокоренной части твердой земли подать сильную руку помощи, и быть надежными ея защитниками. Отъ насъ зависитъ утомлять тирана Франціи.

Спросятъ: гдѣ и какъ можемъ вредить ему? — На моряхъ. Мысъ доброй Надежды взятъ. Никогда Англичане славнѣе не доказали храбрости своей, какъ при случаѣ выступленія войскъ на берегъ; и при сраженіи, на которомъ Голландцы, защищавшіе колонію, разсыпаны. Англійскіе солдаты и матросы всегда отличаются въ подобныхъ случаяхъ, всегда побѣждаютъ. Зачемъ оставлять Иль-де-Франсъ въ рукахъ непріятеля? надобно непремѣнно завладѣть имъ. Мартиника, Гваделупа и другія Французскія колоніи также должны перей-

ти въ наше владѣнїе, по крайней мѣрѣ для выгоднѣйшаго мира. Для чего не раздѣлить намъ съ Англо-Американцами Испанскихъ колонїй? Постараемся заключить нѣкоторыя соглашенїя съ Сен-Домингскими Неграми; это трудно по извѣстнымъ причинамъ, однакожь не невозможно. — Слѣдуя сей системѣ, и соображая ее съ политикою, относительно Державъ твердой земли, мы заставимъ Францїю повергнуться къ стопамъ нашимъ, и это будетъ для насъ гораздо полезнѣе войны на твердой землѣ.

Въ заключенїе скажемъ еще, что Французскїя пристани будутъ находиться въ осадномъ состоянїи. Если Францїя вздумаетъ низвергнуть Испанскую Монархїю; мы овладѣемъ Ферролемъ, Кадиксомъ и другими гаванями. Если Португаллїя будетъ въ опасности, мы займемъ главные порты ея. Наконецъ, мы можемъ надѣлать много зла; можемъ достать въ свои руки нѣсколько залоговъ, и такимъ образомъ, безъ войны на сушѣ, предписать статьи мира выгоднаго и прочнаго.

II.

Письмо изъ Лондона.

Министры наши, собравшись въ Канцеляріи Г-на Фокса, долго разсуждали о извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Франціи. Сказываютъ, что Бонапарте предложилъ мирныя условія, но такія, на которыя никакъ не можно согласиться.

Въ Парламентѣ до сихъ поръ еще ничего не слышно о новыхъ планахъ Министерства. Жители Вестминстерскіе въ собраніи 10 числа Марта, подъ предсѣдательствомъ великаго Бальи, опредѣлили поднести Королю поздравительной адрессъ по случаю утвержденія новыхъ Министровъ. Г. Висгартъ, представивъ о томъ собранію, сказалъ, что Англія можетъ совершенно положиться на новыхъ Министровъ, — что прежнія злоупотребленія и ошибки уже не существуютъ, — что Королевство приведено въ оборонительное состояніе, и готово отразить нападенія дѣятельнаго непріятеля, — что новые Министры конечно постараются прекратить бѣдствія войны, и заключить миръ выгодный и прочный, какъ скоро усмотрятъ возможность достигнуть сей вожделѣнной цѣли.

Г. Гулинсъ сильно оспоривалъ предложеніе. Онъ сказалъ между прочимъ, что

поздравительной адрессъ не только не приличенъ настоящимъ обстоятельствамъ, но даже опасенъ, — что, хотя многіе изъ новыхъ Министровъ имѣютъ великія дарованія, однакожь не возможно, чтобы они были одного мнѣнія, по крайней мѣрѣ если не откажутся отъ прежнихъ своихъ правилъ. Одинъ изъ сихъ Министровъ — продолжалъ Г. Гулинсъ — твердо былъ увѣренъ, что волонтеры защитятъ отечество: другой напротивъ того систему сію почиталъ пагубною для регулярнаго войска; — одинъ требовалъ, чтобы Ирландія была присоединена къ Англіи: другой кричалъ, что это противно политикѣ и справедливости; — одни съ жаромъ защищаютъ Французскую революцію: другіе проклинаютъ ее. Чего ожидать отъ людей, сколь несогласныхъ въ своихъ чувствахъ и мнѣніяхъ? Положимъ, каждой что-нибудь уступитъ съ своей стороны; но слѣдствіемъ такой снизходительности будетъ — недостатокъ въ силѣ и напряженіи. И такъ жители Вестминстерскіе должны подождать съ своимъ благодарительнымъ адрессомъ до тѣхъ поръ, пока новые Министры не покажутъ въ планахъ своихъ чего-нибудь важнаго и сильнаго. Мы еще ни о чемъ не слыхали, кромѣ какъ о званыхъ обѣдахъ Министерскихъ и проч.

Противная сторона утверждала, что Г. Фоксъ призванъ къ Министерству для

того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ особами, которыя напитаны правилами Клуба Виговъ, правилами доставшимися въ наслѣдство отъ предковъ, — что хотя они во время Французской революцiи, кажется, и удалились-было отъ своихъ коренныхъ мнѣнiй, однакожь скоро почувствовали свое заблужденiе, и взяли сторону Г-на Фокса, — и что снова предложили ему должность, которую онъ отправлялъ съ такимъ успѣхомъ, для прекращенiя военныхъ бѣдствiй и для заключенiя выгоднаго мира. — Послѣ того, предложенiе о поднесенiи Королю поздравительнаго адресса принято и одобрено.

Теперь сокращенно упомяну о дѣлахъ нижняго Парламента. Въ бывшее 17 Марта засѣданiе Г. Тарлетонъ сказалъ, что послѣ праздника, которой данъ будетъ Французскому войску въ Маѣ мѣсяцѣ, вѣроятно Булоньскiя флотилiи сдѣлаютъ какое-нибудь покушенiе на берега Англiи. — Лордъ Кастлеригъ думалъ, согласно съ Генераломъ Тарлетономъ, что надобно пригоповиться на всѣ случаи, и беречься отъ опасностей, какъ бы онѣ ни казались маловажными. Онъ думалъ также, что несправедливо скрывать отъ публики участь биля о собиранiи рекрутъ со всѣхъ приходовъ. Во многихъ Графствахъ жители, зная, что съ нихъ не потребуютъ никакой пени, совсѣмъ не за-

боятся о поставкѣ рекрутъ. *Враги* Государственные такъ медлительны въ своихъ совѣтованіяхъ, что больной прежде умретъ, нежели они согласятся въ способѣ лѣченія.

Г. Виндамъ сказалъ, что ни онъ самъ, ни его друзья не считали нужнымъ объявлять объ упоминаемомъ билѣ, — что повторяемые запросы почтенныхъ Членовъ (прежнихъ Министровъ) суть нѣкотораго рода признаніе въ томъ, что военныя дѣла оставлены ими весьма въ дурномъ положеніи; ибо что другое заставляло бы теперь такъ прилѣжно ими заниматься? Благородный Лордъ (Кастлеригъ) имѣлъ самыя основательныя причины сравнить Государство съ больнымъ, находящимся подъ присмотромъ Медиковъ; однакожь то странно, что прежніе врачи, почти уморившіе своего больнаго, теперь жалуются и кричатъ, для чего вдругъ его не вылѣчатъ. Г. Виндамъ, поблагодаривъ Лорда за совѣты, сказалъ, что не станетъ отвѣчать на его вопросы, не потому что не можетъ, но потому что не чего. Если же и было бы что отвѣчать, такъ развѣ только то, что рекрутской наборъ изъ приходовъ не принадлежитъ къ его плану.

Г. Каннингъ замѣтилъ, что нынѣшніе Министры, бывъ членами Оппозиціи, на первомъ же засѣданіи тотчасъ объявили, что

обстоятельства Англїи не дозволяютъ откладывать ни на одну минуту попеченїй о защитѣ Государства; но по вступленїи въ Министерство много обѣщаютъ и ничего не дѣлаютъ. Развѣ этого ожидали отъ *сїянїя* всѣхъ талантовъ, какїе ни есть въ Англїи, по мнѣнїю Министровъ и друзей ихъ? Почтеннѣйшїй Секретарь (Г. Виндамъ) объявилъ, что наши военныя силы надлежитъ привести въ однообразїе, и что учрежденїе волонтеровъ никуда не годится. Такое объявленїе, безъ сомнѣнїя, охладило ревность въ волонтерахъ. Неизвѣстность, вразсужденїи биля о наборѣ рекрутъ въ приходахъ, мѣшаетъ его исполненїю. Удивляюсь — продолжалъ Г. Каннингъ — дарованїямъ нынѣшнихъ Министровъ; но не одобряю распоряженїй, относительно опредѣленїя къ должностямъ разныхъ чиновниковъ. Не ожидаю ничего добраго отъ почтеннѣйшаго Секретаря военныхъ дѣлъ, и думаю, что девяносто девять частей нацїи имѣетъ со мною одинакїя мысли. Не могу также много полагаться и на такого человѣка, которой объявилъ, что бывъ девять лѣтъ Членомъ Министерства; никогда не одобрялъ мѣръ, имъ принимаемыхъ.

Мы получили прїятное извѣстїе о вновь одержанной морской побѣдѣ. Вице - Адмиралъ

Сиръ Дуквортъ нашелъ въ заливѣ Санто-Доминго Французскую эскадру, состоявшую изъ 5 линейныхъ кораблей (въ томъ числѣ былъ одинъ трехъ-палубный), 2 фрегатовъ и 1 корветты, напалъ на нее, и разбилъ совершенно. Сраженіе продолжалось два часа. Подъ начальствомъ нашего Вице-Адмирала было 7 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и 3 слупа. Три корабля непріятельскіе достались въ наши руки; два другіе, изъ которыхъ одинъ трехъ-палубный со флагомъ Контръ-Адмирала Лейссега, пристали-было къ берегу весьма въ худомъ состояніи. Мы взяли ихъ, и сожгли. Фрегаты и корветта спаслись бѣгствомъ. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными 1200 человѣкъ; наша потеря простирается не болѣе какъ до 338 человѣкъ. Ни одинъ изъ Аглинскихъ Офицеровъ не лишился жизни. Вице-Адмиралъ съ добычами своими отправился въ Ямайку.

Санто-Доминго, главной городъ Испанской части на островѣ Сен-Доминго, есть самое лучшее убѣжище для Французовъ. Непріятельская эскадра, за три недѣли до встрѣчи съ Дуквортомъ, привезла 1500 человѣкъ высаднаго войска, для усиленія корпуса Генерала Ферранда, начальствующаго надъ Французами въ Санто Доминго. — По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Бальтимора видно, что слухи о смерти Дессалина несправедливы. Хри-

стофъ имѣетъ гораздо болѣе способности управлять народомъ, и кажется ожидаетъ удобнаго времени свергнуть тирана, котораго всѣ Негры ненавидятъ за его жестокость. Дессалинъ за малѣйшій проступокъ казнитъ смертію, почти каждую минуту впадаетъ въ бѣшенство, и ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ о висѣлицахъ и казняхъ. Сей извергъ съ нѣкотораго времени ищетъ сокровищъ, зарытыхъ въ землю по повелѣнію *Туссеня-Лувертюра*; однакожь едва ли удастся ему найти ихъ, ибо *Туссень*, закопавши кладъ, разстрѣлялъ 8 гренадеръ — которымъ поручена была работа — чтобы никто не могъ узнать его тайны.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ послѣдній день Марта было весьма важное засѣданіе во Французскомъ Сенатѣ. Г. Камбасересъ (Князь Архиканцлеръ), занимавшій мѣсто Президента, увѣдомилъ собраніе о новыхъ разпоряженіяхъ Наполеона Бонапарте; потомъ прочитано было нѣсколько Декретовъ, которыхъ содержаніе здѣсь сообщаемъ. Въ *первомъ* опредѣляются повин-

помѣщенныхъ въ иностранныхъ газетахъ. Коронованію Лудовика Бонапарте назначено быть въ Амстердамѣ. Іоакимъ Мюра уступитъ свои области новому Королю, а самъ получитъ Швейцарію и титло Королевское. Адмиралъ Верієль въ качествѣ Вице-Короля будетъ управлять Голландіею въ отсутствіе Лудовика. — Въ другое время читатели нашедши въ Журналѣ столько невѣроятныхъ странностей, могли бы сказать: „какой вздоръ! какъ на это положиться?“ Но теперь, къ несчастію, много страннаго сбывается на самомъ дѣлѣ. Нынѣ Журналисты не боятся упрековъ въ излишнемъ легковѣріи, и смѣло выписываютъ одинъ у другаго извѣстія и догадки, изъ которыхъ большая часть оправдывается событіями.

*

Вся надежда на возстановленіе мира между Англіею и Франціею изчезла. Увѣряютъ, что Англія отказалась вступать въ переговоры безъ участія могущественной своей Союзницы. Чего ожидать отъ мирныхъ предложеній властолюбиваго Наполеона, которой на первой случай требовалъ, чтобъ Англія уменьшила число своихъ флотовъ, между тѣмъ какъ самъ безпрестанно умножаетъ войска свои и порабощаетъ независимыя Государства?

проступковъ и тому подобнаго. Г. Бонапарте объявляетъ далѣе, что можетъ, кого захочетъ, изъ ближайшихъ своихъ родственниковъ посадить въ Государственную тюрму на два года.

Второй Декретъ относится до присоединенія Венеціянскихъ областей къ Италіянскому Королевству. Съ 1 числа Мая онѣ составлять должны существенную часть сего Королевства. Кодексъ Наполеоновъ, Французская монетная Система и Конкордатъ суть коренные законы упомянутыхъ областей. Слѣдующіе 12 провинцій будутъ возведены на степень Герцогствъ Французской Имперіи, или помѣстій: Далмація, Истрія, Фріуль, Кадоръ, Беллуно, Конеліано, Тревизо, Фельтри, Бассано, Виченца, Падуа и Ровиго. Г. Бонапарте предоставляетъ себѣ право раздавать сіи помѣстья кому заблагоразсудитъ. Когда пресѣчется наслѣдство владѣльца, помѣстье переходитъ въ непосредственное владѣніе короны. Пока Королевство Италіянское не учредитъ собственнаго своего войска въ достаточномъ количествѣ, до тѣхъ поръ будетъ охранять его Французское. Королевское Казначейство Италіи платитъ ежемѣсячно Франціи по два съ половиною милліона франковъ. Срокъ пребыванія Французскаго войска въ Италіянскомъ Королевствѣ, впредь до перемѣны, на-

значается шестилѣтній. Наслѣдникъ Королевства Италіи будетъ имѣть титулъ Венеціянскаго Принца.

По силѣ *третьяго* Декрета Наполеонъ отдаетъ Неаполитанское Королевство брату своему Іосифу Бонапарте, съ правомъ потомственнаго владѣнія по первородству въ мужескомъ колѣнѣ, по пресѣченіи котораго, корона достается дѣтямъ Лудовика Бонапарте, если отъ Наполеона не останутся дѣти мужескаго пола. Если же Іосифъ умретъ бездѣтнымъ при жизни Наполеона, въ такомъ случаѣ сей предоставляетъ себѣ право подарить Королевство, кому захочетъ. Въ Неаполитанскомъ Королевствѣ и въ Сициліи будетъ учреждено шесть большихъ помѣстій съ титулами Герцогствъ, которыя Г. Бонапарте роздастъ во владѣніе разнымъ людямъ. Мнимой Король Неаполитанскій будетъ носить на себѣ по прежнему титло Великаго Избирателя Франціи. Короны Французская и Неаполитанская никогда не должны быть на главѣ одной особы.

Въ *четвертомъ* Декретѣ сказано, что Герцогства Клевское и Бергское (полученныя отъ Пруссіи и Баваріи) отдаются Іоакиму Мюра, съ тѣмъ, что по прекращеніи мужескаго поколѣнія онѣ доставаться должны наслѣдникамъ Наполеона; а если не будетъ

ихъ, то наслѣдникамъ Іосифа и Лудовика. Упомянутыя Герцогства никогда не будутъ присоединены ко Франціи. Достоинство Великаго Адмирала Французскаго остается наслѣдственнымъ въ фамиліи Г-на Мюра.

По *пятому* акту, Княжество Гваѐталла отдано Павлинѣ, сестрѣ Наполеоновой, и супругу ея Князю Боргезе, которой впредь будетъ именоваться Принцемъ и Герцогомъ Гвастальскимъ.

Шестой Декретъ гласитъ о пожалованіи Невшательскаго Княжества (уступленнаго Пруссіею) съ титломъ Князя и Герцога, и съ правомъ наслѣдованія для мужескаго колѣна, въ полное владѣніе Маршалу, Оберъ-Егермейстеру и военному Министру Г-ну Бертье, которой однакожь долженъ присягнуть, что будетъ служить Наполеону, какъ вѣрный и доброй подданной.

По *седьмому* Декрету области Масса-Карара и Гарфиньяна присоединяются къ Лукскому Княжеству.

По содержанію *осьмаго* Декрета въ областяхъ Пармы и Піаченцы учреждены будутъ три Герцогства въ качествѣ ленныхъ помѣстій Франціи.

По прочтенїи актовъ тотчасъ отправлена депутацїя къ Г-ну Бонапарте съ благодаренїемъ. Три Сенатора поѣдутъ въ Неаполь къ Іосифу Бонапарте, для поздравленїя его съ короною. — Извѣстїя изъ сего Королевства получаются не очень благопрїятныя. Вопреки жестокимъ мѣрамъ, принимаемымъ для покоренїя всего Королевства и усмиренїя жителей, недовольныхъ насилїствомъ Французовъ; вездѣ собираются скопища; и составляются заговоры противъ неносныхъ притѣснителей. Крѣпость Гаэта все еще сопротивляется. Князь Гессенъ-Филипсталвскїй, начальствующїй надъ войсками осажденными, рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Сицилїя приводится въ оборонительное состоянїе. Вооруженїя въ Неаполитанскомъ Королевствѣ безпрестанно продолжаются: Французамъ не дешево станетъ покоренїе всего полуострова. Слухъ объ усмиренїи жителей Калабрїи оказался ложнымъ. Войско идетъ тремя отдѣленїями противъ сей провинцїи. Массена начальствуетъ въ срединѣ, Лекки на лѣвомъ крылѣ, Ренье — на правомъ. Сей послѣднїй выдержалъ весьма жаркое сраженїе съ Калабрїйцами и Королевскими войсками; недалеко отъ Лаго-Неро.

Увѣряютъ, что Риму грозитъ политическая опасность. Святый Отецъ лишится

гражданской власти, и по требованію Г-на Бонапарте перенесетъ престолъ свой или въ Авиньйонъ, или въ Венецію. Симъ объясняется, для чего Бонапарте не называетъ Франца II Римскимъ Императоромъ; но всегда — Австрійскимъ. —

Война между Англіею и Пруссіею неизбѣжна. Уже извѣстно, что на Прусскіе корабли наложено амбарго; пишутъ даже; что Англійскимъ Адмираламъ дано повелѣніе начать непріятельскія дѣйствія.

Россійскія войска заняли важную крѣпость Каттаро; въ Венеціянской Албаніи; которая по трактату Пресбургскому Австріею уступлена, такъ называемому, Италіянскому Королевству. Черногорцы, состоящіе подъ высокимъ покровительствомъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, будутъ защищать ее отъ внѣшняго нападенія. — Россійскіе и Англійскіе корабли, разъѣзжающіе по Адріятическому заливу; стѣснили торговлю тамошнихъ портовъ непріятельскихъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1806.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Двѣ сестры.

Въ одномъ большомъ городѣ жили двѣ сестры, Жанетта и Павлина. Жанетта, по счастїю, была красавица, и — по несчастїю, очень рано сама о томъ узнала. Любила часто смотрѣться въ зеркало — это натурально; любила наряжаться — это простительно; старалась обработать свои способности — это похвально; наконецъ, думала, что ей болѣе уже ничего не нужно — это глупо. Въ самомъ дѣлѣ, она искусно играла на клависинѣ, пѣла бравуръ-арїи до высшаго F, рисовала сельскїе виды съ образцовъ Гакертовыхъ, вышивала цвѣты съ натуры. Надобно однакожь замѣтить, что Жанетта играла на клависинѣ только въ большихъ собранїяхъ, пѣла арїи только

въ концертахъ, рисовала — для публичной галереи, вышивала цвѣты для щегольскихъ подвязокъ и для заслоновъ передъ каминомъ. Сидя дома, безпрестанно жаловалась на скуку, потому что уже болѣе ста разъ отъ матери слыхала похвалы красотѣ своей. Чтобы старая истина сія казалась новѣе и любезнѣе, надлежало слушать ее отъ людей постороннихъ; для того Жанетта каждой день хотѣла быть въ собраніяхъ. Но какъ извѣстно, что женщины не очень щедры на похвалы особамъ одного съ ними пола, и что мущины, напротивъ того, всегда и вездѣ прославляютъ милыхъ; то Жанетта любила быть болѣе — съ мущинами.

Можетъ быть Павлина, сестра ея, такъ же думала бы и поступала; но, по счастію или по несчастію, никто не хотѣлъ хвалить ее, никто не замѣчалъ ее, потому что оспа безъ милосердія изуродовала лице ея. Въ пріятныхъ дарованіяхъ также она не могла ровняться съ сестрою; изрядно бренчала на гитарѣ; пѣла изрядно же, но только простыя пѣсни. Хотя въ рисованьи она успѣла столько же, какъ и Жанетта; однакожь никто не замѣтилъ ея искуства. Три ландшафта, ею нарисованные, висѣли въ спальнѣ матери; никто другой не могъ ихъ видѣть, потому что сколько прелестная

жется, была второю побудительною причиною. Весьма вѣроятно, что для удовлетворенія гордости нашли бы способъ воздвигать памятники инымъ образомъ. — Желаніе, съ возможнѣйшимъ тщаніемъ сберегать тѣла умершихъ, точно было главною причиною сооружать мавзолеи.

Оттуда произошло въ Египтѣ обыкновеніе намащать трупы, — оттуда стараніе скрывать самыя могилы, — оттуда сіи неприступныя твердыни, которыя до нынѣ противятся разрушенію. Подъ каменными ихъ горами и теперь еще, по прошествіи нѣсколькихъ тысящелѣтій, лежатъ муміи Царей Египетскихъ. Пирамиды сдѣланы очень искусно; покушеніе разрушить нѣкоторыя изъ сихъ памятниковъ стоило такого труда, что надлежало отказаться отъ принятаго намѣренія, и оставить ихъ въ прежнемъ состояніи. Корыстолюбіе искало сокровищь, и обманулось въ своей надеждѣ; любопытство могло бы теперь возобновить покушенія свои проникнуть въ сіи таинственныя святилища, но кажется едва ли нашло бы тамъ что-нибудь для своего удовлетворенія.

Можно сказать утвердительно, что въ пирамидахъ не заключены ни сокровища, ни драгоцѣнныя рѣдкости; иначе, это было бы

это сдѣлалось обыкновенїемъ; очередь была забыта; наконецъ, Жанетта совсѣмъ уже не заботилась о своей должности. Слабая мать глядѣла сквозь пальцы на поведенїе Жанетты, и никакъ не могла сердиться на милое личико, приводившее всѣхъ въ восхищенїе. Не было ни одного большаго собранїя, въ которомъ не отличалась бы Жанетта фонъ Вестернъ; стихотворцы прославляли ея имя; охотники веселиться пили за ея здоровье; а о томъ, есть ли у нее сестра, знали весьма немногїе.

Два молодые Офицера, Эдуардъ и Морицъ, увидѣвъ Жанетту, влюбились въ нее до безумїя. Оба они были знатны породою, храбры, богаты. Жанетта прыгала отъ радости, а мать, которая была не очень достаточна, предавалась сладостнымъ мечтамъ, размышляя о будущемъ изобилїи. „Еслибъ они оба стали свататься — спросила она свою дочь — кому ты отдала бы преимущество?“ — Я и сама еще не знаю — отвѣчала Жанетта — мнѣ нравятся оба; однакожь кто богаче, тотъ и для меня будетъ милѣе. Я могла бы, любезная маменька, помогать вамъ въ старости; а сестрицу взяла бы къ себѣ, и поручилабъ ей домашнее хозяйство.

Добрая старуха плакала отъ радости, видя усердное разположенїе своей дочери;

Павлина съ нѣжностїю благодарила ее за любовь родственную. Между тѣмъ Эдуардъ и Морицъ старались приобрѣсть благосклонность красавицы, и не сердились на непригожую Павлину, которая охотно оставляла ихъ съ сестрою.

Жанетта въ самомъ дѣлѣ не могла рѣшиться, кого изъ нихъ объявить своимъ героемъ. Эдуардъ далъ праздникъ въ честь своей богини; Жанеттѣ въ сей вечеръ казалось, что сердце ея готово любить Эдуарда. Морицъ далъ катанье на саняхъ, и возилъ свою любезную по улицамъ въ пышномъ экипажѣ; Жанетта думала, что Морицъ милѣе Эдуарда. Такимъ образомъ она откладывала съ одной недѣли на другую рѣшительной выборъ, и называла это колебанїемъ сердца.

„Будучи на твоемъ мѣстѣ — сказала въ одинъ день Павлина — я предпочла бы Эдуарда.“ — Почему? Морицъ также богатъ, какъ и соперникъ его; ты признаешься однакожь, что онъ статнѣе Эдуарда. — „И въ честности ему не уступаетъ“ — примолвила мать. — Морицъ легкомысленъ — возразила Павлина — тетушка все разсказала мнѣ. — „Твоя тетушка — отвѣчала Жанетта съ досадою — есть не что иное, какъ старая тетушка.“ — Напротивъ того Эду-

ардъ — продолжала Павлина — гораздо степеннѣе; я замѣтила также, если не ошибаюсь, что онъ и чувствительнѣе Морица. — „О! что касается до чувствительности — отвѣчала Жанетта, вздернувъ остренькой свой носикъ, и прикалывая къ головѣ цвѣтокъ противъ зеркала — — я право не знаю, чью взять сторону; они оба равно чувствительны. Впрочемъ, какая бѣда, если я еще помедлю нѣсколько времени? Ихъ старанія угождать доставляютъ мнѣ пріятныя минуты; случай рѣшитъ судьбу нашу.“ — Павлина молчала. — Оба женихи продолжали добиваться.

Въ одинъ день Эдуардъ, вошедши въ комнату, увидѣлъ, что Павлина плакала, между тѣмъ какъ Жанетта хохотала; съ осторожностію спросилъ онъ о причинѣ того и другаго. „Я робенокъ“ — отвѣчала Павлина закраснѣвшись, и тотчасъ вышла. „Подлинно робенокъ — подхватила Жанетта, продолжая смѣяться — вы никогда не угадаете, отъ чего она плакала.“ — Можно ли спросить? . . . — „Можно, очень можно. Вы конечно замѣтили старую слѣпую собаку, которая иногда ползала здѣсь на софѣ?“ — Замѣтилъ. — „Она была моя собственная, и въ дѣтскія лѣта доставляла мнѣ много удовольствій. Эта тварь сего дня поутру разбила мою прекрасную чашку съ изобра-

женіемъ Вѣчности. Сперва я было-разсердилась; но скоро вспало мнѣ на умъ, что старое слѣпое животное ни къ чему не годится, и дѣлаетъ только вредъ. Я тотчасъ отослаала собаку къ егерю, и велѣла застрѣлить ее." — Такъ сестрица ваша отъ этого плакала? — „Да; можно подумать, что мы все еще живемъ во времена Сигварта!"

Эдуардъ замолчалъ; потомъ завелъ разговоръ о другомъ дѣлѣ. Съ сего времени онъ сдѣлался внимательнѣе къ Павлинѣ; иногда начиналъ съ нею разговаривать, находилъ ее трудолюбивою, удивлялся ея скромности; наконецъ она стала казаться ему не столь безобразною, какъ прежде. Однакожь, лишь только прелестная, *побѣдоносная* Жанетта являлась, лишь только наводила на Эдуарда пламенной взоръ свой, — Павлина тотчасъ была забыта.

Жанетта заказала сдѣлать для себя прекрасное маскерадное платье къ заговѣнью. Ей хотѣлось нарядиться Султаншею; Павлина, которая должна была провожать ее въ качествѣ невольницы, также выбрала для себя простое, но красивое платье. Между тѣмъ мать ихъ занемогла. Настала день заговѣнья, и болѣзнь матери усилилась; Лѣкарь не сказалъ ничего рѣшительнаго, однакожь на лицѣ его видно было какое-то не-

доумѣнїе. Павлина примѣтила это, и объявила, что въ маскерадъ не поѣдетъ. Жанетта, не почитая нужнымъ уговаривать ее, отправилась одна.

„Гдѣ ваша сестрица?“ спросилъ Эдуардъ. — Осталась дома; матушка не очень здорова. — Это понравилось Эдуарду, но некогда тутъ было думать о Павлинѣ — Жанетта казалась тогда совершеннымъ Ангеломъ! Эдуардъ и Морицъ не отлучались отъ нее ни на минуту. Жанетта до пресыщенїя наслаждалась торжествомъ своимъ. Гдѣ она танцовала, тамъ составлялся кругъ зрителей; гдѣ проходила, тамъ перешептывались.

Около полуночи, лишь только она готовилась танцовать кадриль съ Эдуардомъ, подходитъ къ ней человѣкъ въ доминѣ (это былъ Лѣкарь), снимаетъ маску, и говоритъ: „Я теперь только изъ вашего дому, сударыня; совѣсть обязываетъ меня увѣдомить васъ, что матушка опасно больна.“ — Ахъ, Боже мой! — вскричала Жанетта въ *ужасѣ*, но и въ *нерѣшительности* — такъ мнѣ должно сїю же минуту. . . — „Конечно — прервалъ Эдуардъ — выступимъ изъ круга.“

Въ то самое время заиграла музыка. Жанетта въ замѣшательствѣ осматривалась

кругомъ; Эдуардъ спросилъ, не прикажетъ ли позвать лакеевъ; Жанетта хотѣла отвѣчать: пожалуйте потрудитесь — какъ вдругъ одинъ изъ танцующихъ ухватилъ ея руку, и началъ первой *туръ*. Жанетта неумышленно повиновалась, однакожь сказала стоящей подлѣ себя дѣвицѣ: *мнѣ право не льзя танцовать; матушка нездорова. . .* — „Не отнимайте, сударыня, самаго лучшаго украшенія въ нашемъ кадрилѣ — отвѣчалъ одинъ молодой, богатой Англичанинъ — нѣсколько минутъ не сдѣлаютъ розницы.“ Жанетта робко взглянула на Эдуарда, какъ будто давая замѣтить, что ей будетъ не противно, если онъ также станетъ принуждать ее; но Эдуардъ молчалъ. Между тѣмъ дошла до него очередь; надлежало дѣлать *туръ*. Сосѣдъ толкаетъ его: пора начинать; — Эдуардъ еще разъ быстро взглядываетъ на Жанетту; — сосѣдъ еще разъ напоминаетъ; — Жанетта не упрямится; — не говоря ни слова, начинаютъ *вальсъ*, и — танцуютъ кадриль до конца.

Жанетта хотѣла тотчасъ уѣхать. Боясь, чтобъ, въ поту вышедши на холодной воздухъ, не занемочь отъ простуды, она принуждена была еще на четверть часа остаться въ комнатахъ, для освѣженія себя умѣренною прохладою. Потомъ отправилась домой вмѣстѣ съ Эдуардомъ. Взошедши на

гробницы, не требуя того рѣшительно) не входятъ въ планы нашихъ художниковъ. Мы не имѣемъ въ семъ родѣ, такъ называемаго, главнаго образца (type), или по-крайней мѣрѣ сей образецъ измѣнялся по мѣрѣ продолженія времени.

Въ среднїе вѣки, то есть въ вѣки невѣжества, образецъ мавзолеевъ былъ весьма простъ; тогда обыкновенно представляли мертваго лежащимъ на спинѣ, сложа руки, — представляли въ такомъ положеніи, въ какомъ покойникъ лежалъ до погребенія, или въ какомъ воображали его лежащимъ во гробѣ. Таковы были всѣ памятники готическїе, находившїеся въ Аббатствѣ Св. Дениса и въ катедральныхъ Французскихъ Соборахъ; таковы находящїеся теперь въ подземельяхъ Святаго Петра, перенесенные туда изъ древней Соборной церкви.

По возрожденіи искуствъ охота воздвигать памятники получила болѣе дѣятельности; они сдѣлались предметомъ честолюбія вельможъ и соревнованія между художниками.

Первое въ семъ родѣ произведеніе — которое огромностїю превосходило бы всѣ прочїя, если бъ планъ художника не остался безъ дѣйствія — былъ памятникъ, на-

чертанный Микель-Анжеломъ для Юлїя II; художникъ сдѣлалъ нѣсколько статуй, представляющихъ Папу, но только одна изъ нихъ докончана славнымъ Моисеемъ, и служитъ нынѣ главнымъ украшенїемъ сдѣланнаго въ маломъ видѣ мавзолея для сего Папы въ церкви Св. Петра in Vincoli. Вазари сохранилъ намъ начертанїе цѣлаго памятника. Но можно ли по первому рисунку, столь несовершенному, угадывать намѣренїе изобрѣтателя, и производить такую важную работу? Я скажу только, что сей единственный памятникъ, составленный изъ ваянїя и зодчества, служилъ образцемъ для искусныхъ художниковъ XVI вѣка, которые въ церкви Св. Дениса сдѣлали мавзолеи Лудовика XII, Франциска I и Генриха II.

Микель-Анжело для памятниковъ, сооруженныхъ надъ Медицисами, выдумалъ другой образецъ, которому долгое время подражали художники. Каждой изъ сихъ памятниковъ представляетъ сидящую статую покойника съ двумя аллегорическими лицами, помѣщенными на гробѣ; однѣ имѣютъ наружность прїятную, другїя нѣсколько принужденную.

Гильйомъ де ла Портъ съ великимъ успѣхомъ слѣдовалъ сему образцу при сооруженїи мавзолея Папѣ Павлу III въ церкви

глазахъ ея слезы навернулись. „Болѣе же всего — продолжалъ онъ — терзаетъ меня внезапная бѣдность моей матери, нѣжной, чадолюбивой матери! — Конечно, я по возможности моей стану удѣлять ей часть изъ своего жалованья; но слабая помощь сія доставитъ ли ей изобилїе, къ которому привыкла? а вы знаете, что бѣдность измѣряется нуждами человѣка.“ — При сихъ словахъ Павлина, поднявъ голову, съ усерднымъ участїемъ взглянула на Эдуарда; не говорила ни слова, но — сказала очень много; иголка дрожала въ рукѣ ея. Павлина, подумавши нѣсколько, снова принялась работать. Послѣ короткаго молчанїя, она спросила, будто для продолженїя разговора: „Гдѣ живетъ ваша матушка?“ — Эдуардъ отвѣчалъ: въ Штуттгардѣ. Въ самомъ дѣлѣ домъ ея былъ одинъ изъ первыхъ въ семъ городѣ. Павлина нашла случай поговорить о прелестныхъ окрестностяхъ, не упоминая о несчастїи Эдуарда. — Чтобы выдумкѣ придать видъ правды, онъ отослалъ прекрасныхъ лошадей своихъ, и уменшилъ расходы; продолжалъ посѣщать обѣихъ сестеръ, и при спокойствїи сердца имѣлъ случай замѣтить множество такихъ мѣлочей, которыхъ прежде совсѣмъ не могъ видѣть. Замѣчанїя его клонились не къ тому, чтобы возобновить прежнюю любовь; нѣтъ, Павлина казалась ему день ото дня

болѣе достойною почтенія, день ото дня менѣе безобразною. Эдуардъ разговаривалъ съ нею чаще, нежели съ Жанеттою: Павлина стала имѣть къ нему болѣе довѣренности; застѣнчивость ея изчезла; сердце разкрылось. Къ тому особливо способствовала скромная увѣренность, что Эдуардъ не думаетъ жениться на ней; будучи въ сихъ мысляхъ, она обходилась съ нимъ свободно, питала къ нему любовь братнюю.

Напротивъ того Жанетта не очень рада была его посѣщеніямъ, а особливо въ присутствіи Морица, которой былъ единственнымъ предметомъ ея кокетства. Морицъ ежедневно падалъ передъ нею на колѣна, ежедневно умолялъ осчастливить его передъ олтаремъ. Жанетта, съ притворною нерѣшимостію откладывая признаніе, возбуждала въ немъ нетерпѣливость; наконецъ, съ застѣнчивою улыбкою вымолвила роковое слово, и восхищенный Морицъ бросился въ ея объятія. Сдѣланы приготовленія къ пышной свадьбѣ.

Эдуардъ смотрѣлъ на все окомъ спокойнымъ. Онъ не былъ уже *смертельно влюбленъ*, но чувствовалъ иногда, что *любитъ* Павлину. Внутреннее, непреодолимое побужденіе лежѣть къ Павлинѣ послѣ двухъ-

дневной разлуки, необыкновенно быстрое теченіе времени, провождаемаго вмѣстѣ съ нею, непріятное ощущеніе, когда надлежало разставаться — все сіе такъ дѣйствовало на Эдуарда, что въ головѣ его часто раждалась мысль: *не предложить ли своей руки Павлинѣ?* Хотя чувственныя вожделѣнія еще боролись въ немъ съ разумомъ и сердцемъ, однакожь бывали минуты, въ которыя хотѣлось ему имѣть Павлину въ своихъ объятіяхъ. Нечаянной случай рѣшилъ судьбу его.

Эдуардъ получилъ отъ своей матери письмо, съ приложеніемъ ассигнаціи на полученіе ста талеровъ въ Штутгардѣ, по назначенію одного изъ первыхъ купеческихъ домовъ города, въ которомъ Эдуардъ находился. „Не понимаю — между прочимъ было написано въ письмѣ — какъ это сдѣлалось! ко мнѣ прислана сія бумага при запискѣ отъ незнакомаго, которой проситъ, чтобы я не отринула сего малаго приношенія.“ Пламя вспыхнуло въ груди Эдуарда; онъ затрепеталъ, и съ нетерпѣливостію побѣжалъ къ купцу.

„Не вы ли ассигновали заплатить деньги по этой бумагѣ?“ — Точно я. — „За кого?“ — Я получилъ наличныя деньги. — „Отъ кого?“ — Этого не могу сказать

вамъ. — „Ассигнація прислана къ моей матушкѣ.“ — Не знаю; мнѣ до того нѣтъ дѣла. — „Бога ради скажите, кто? . .“ — Не смѣю. — „Скажите; можетъ быть отъ этого зависитъ счастіе моей жизни“ — Купецъ взглянулъ на него съ изумленіемъ. — „Скажете ли вы правду, если я самъ назову особу?“ — Охотно. — „Дѣвица Павлина фонъ Вестернъ?“ — Вы угадали. —

Эдуардъ черезъ двѣ минуты очутился у ногъ Павлины, и неотступно просилъ руки ея. Павлина не знала, что съ нею дѣлается, — не могла отвѣчать ни слова, — заикалась. „Не ужели . . . . я противенъ вамъ?“ — сказалъ Эдуардъ съ робкимъ смущеніемъ. — О Боже! — отвѣчала Павлина, склонясь на грудь его — я давно любила васъ, но не смѣла надѣяться. — Первой восторгъ любви проникъ сердца благородныя. Павлина не понимала, что заставило Эдуарда внезапно рѣшиться. Спрашивала его нѣсколько разъ; Эдуардъ улыбался.

Сочетанію Павлины съ *бѣднымъ* Эдуардомъ положено совершиться въ тотъ самой день, въ которой Жанетта должна была выдти за *богатаго* Морица. Павлина дѣлала приготовленія къ свадьбѣ съ крайнею бережливостію. Какая противуположность между ея бѣлымъ, простымъ свадеб-

нымъ платьемъ и глазетовою робою сестры ея! — „Завтра — сказалъ Эдуардъ, нѣжно прижимая невѣсту къ своему сердцу — завтра увѣдомлю матушку о моемъ выборѣ; вы вѣрно не откажетесь написать отъ себя нѣсколько строчекъ?“ — Павлина обѣщалась, и не могла скрыть своего замѣшательства. Эдуардъ улыбался.

На другой день Павлина подала ему письмо, и показывая перевязанной палецъ свой, объявила, что не могши сама писать, просила сестру выразить слова свои и мысли. Эдуардъ съ нѣжностію поцѣловалъ палецъ, и бросилъ на Павлину значительный взглядъ; слезы показались на сверкающихъ глазахъ его. Павлина закраснѣлась, и не понимала. Эдуардъ улыбался и молчалъ.

Наступилъ день свадьбы. Рано поутру явился Эдуардъ у своей невѣсты съ богатымъ свадебнымъ уборомъ. Павлина изумилась; Жанетта изумилась еще болѣе, потому что уборъ сей былъ весьма дорогой цѣны. „Я пустился въ лихоимство — сказалъ Эдуардъ — небольшая сумма, отданная въ ростъ одною доброю пріятельницею, увеличилась въ тысячу разъ.“ — Доброю пріятельницею? — повторила Павлина. — „Уборъ изрядной! — продолжалъ Эдуардъ — но въ этой бумагѣ завернута вещь, которая всего

болѣе украситъ васъ, а меня сдѣлаетъ счастливѣйшимъ человѣкомъ." Это было кольцо, завернутое въ ассигнацію. Павлина съ перваго взгляда узнавъ бумагу, потупила взоры. Эдуардъ съ живѣйшимъ чувствомъ нѣжности обнялъ колѣна ея; Павлина шептала, наклонясь къ нему: „можно ли такъ обманывать!" — — Когда все объяснилось, мать поцѣловала добрую дочь свою. Жанетта поморщилась; тщетно хотѣла она скрыть свою досаду; такимъ образомъ день брака былъ первымъ скучнымъ днемъ въ супружеской ея жизни.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Эдуардъ къ крайнему своему удивленію узналъ, что прежде былъ слѣпъ, и что жена его *красавица*. Въ домѣ его обитало завидное счастіе, которое Жанеттѣ совсѣмъ было не извѣстно. Вокругъ Павлины рѣзвились прекрасныя дѣти; вокругъ Жанетты лаяли постельныя собачки. Обѣ сестры рѣдко видѣлись; ибо Павлина жила для мужа и дѣтей своихъ, Жанетта — для моднаго общества, въ которомъ находила блестящую замѣну супружескаго истиннаго счастія, — находила замѣну до тѣхъ поръ, пока красота ея нравилась волокитамъ, и пока имѣнія мужа ея доставало на прихотливыя издержки. Но — увы! — красота отцвѣтаетъ, здоровье слабѣетъ, ненасытная чувственность ищетъ

новыхъ удовольствій, шкатулка истощается; недостатокъ ведетъ за собою раздоры. Наши супруги начали бѣгать одинъ отъ другаго. Госпожа Морицъ вошла въ долги; господинъ Морицъ проигралъ ея уборы. Будучи наединѣ, они молчали; страшная скука грызла душу. Началось жалобами, кончилось упреками. Въ одинъ день поутру Морицъ не простясь уѣхалъ, и — болѣе не являлся.

Бѣдная, безпомощная Жанетта должна была у сестры своей просить убѣжища. Ее приняли дружелюбно, съ нѣжною осторожностію обходились съ нею: но совѣсть не имѣла къ ней подобной жалости; чахотка изсушила ее, и на 28 году не осталось ниже слѣда прежней красоты. Нравъ ея сдѣлался безпокойнымъ, несноснымъ. Служители въ домѣ трепетали передъ нею. Кормилицѣ, чтобы заставить молчать робенка, стоило только сказать: *тетушка идетъ!* — Играющія дѣти, услышавъ издали кашель ея, тотчасъ прятались за печку, говоря тихонько между собою: *тетушка идетъ! тетушка идетъ!*

Коцебу.

II.

Титиръ и Мелибей (*).

(Эклога изъ Виргилія)

Мелибей.

Покоясь въ тѣни развѣсистаго бука,
Пастухъ; не знаешь ты; что горести, что скука,
Съ свирѣлью; съ Музою спокойствіе дѣля;
А я оставилъ домъ; родительски поля,
Отечества бѣжалъ. — Подъ тѣнію счастливой
Здѣсь Титиръ учитъ лѣсъ, и Эхо говорливо
На имя милое отвѣтствовать стократъ. —

Титиръ.

О Мелибей! есть богъ; податель сихъ отрадъ. —
И будетъ онъ мой богъ. — Его олтарь священный
Ягненокъ; съ матерью лишь только разлученный,

(*) Октавій Августъ, отнявъ у Мантуанскихъ жителей поля, роздалъ ихъ заслуженнымъ своимъ воинамъ. Виргилію, по предстательству Азинія Полліона и Меценатта, отдана обратно часть его. Подъ именемъ *Титира* Поэтъ разумѣетъ себя самаго, а подъ именемъ *Мелибея* — жителей Мантуа.

Изд.

Омоетъ кровію своею завсегда. —
Ты видишь: здѣсь мои веселыя стада.
Здѣсь я пою, рѣзвлюсь, что въ умъ придетъ,
играю. —
Ему обязанъ всѣмъ.

Мелибей.

Я зависти не знаю,
Дивлюся болѣе. — Гроза во всѣхъ мѣстахъ,
Смущаются поля! — я самъ, при сѣдинахъ
И дряхлъ и слабъ, влекусь за тощими ов-
цами, —
А эту чуть веду! — — лишь только за
кустами
Бѣдняжка двухъ ягнятъ несчастно родила. —
На нихъ-то вся моя надежда и была!
Какъ угадать бѣду? — а молніи не даромъ
На дубы древніе спустилися съ пожаромъ,
И враны вѣщіе кричали надо мной . . . .
Но, *Титиръ*, кто сей богъ, благотворитель
твой? —

Титиръ.

Ахъ! какъ же я былъ простъ! — послушай
для забавы —
Я думалъ: — городъ сей, о коемъ столько
славы,
Что Римомъ всѣ зовутъ, похожъ на нашъ
родной,
Куда водили мы ягнятъ своихъ весной. —

Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался,
Такъ малое съ большимъ сливать я приучался;
Нѣтъ! нѣтъ! — сей славный градъ среди другихъ градовъ
Есть то, что кипарисъ, всходящій межь кустовъ. —

Мелибей.

Чтожь въ Римъ тебя влекло, повѣдай мнѣ!

Титиръ.

Свобода! —
Хоть поздно, такъ какъ Фебъ въ туманные дни года,
Блеснула ласково одна и надо мной! —
Я молодъ былъ, лѣнивъ — заботы никакой!
Едва вкругъ щекъ моихъ пушокъ развился нѣжной; —
Блеснула наконецъ — хоть долго ждалъ, небрежной! —
Забытъ невѣрною, другую полюбя;
Что я искалъ вдали, нашолъ подлѣ себя! —
Скажу — доколѣ я жестокою плѣнялся,
Ни стадомъ, ни собой тогда не занимался. —
Хоть часто въ городъ я водилъ своихъ ягнятъ,
Хоть сыромъ, молокомъ всегда бывалъ богатъ,
Но пользы — . . . . . .

Мелибей.

Все теперь открылось предо мною,
Кто, Амарилла, былъ тоски твоей виною,
По комъ, печальная, взывала ты въ слезахъ,
Кому ты берегла плоды на деревахъ! — —
Такъ, Титиръ, ты любимъ! — тебя, пастухъ счастливый,
И рѣчки ждали здѣсь, и рощи молчаливы,
И дубы важные склонялись предъ тобой! —

Титиръ.

Что дѣлать? — я стоналъ въ цѣпяхъ неволи злой. —
И не было боговъ, страдальцу въ утѣшенье! —
Въ семъ градѣ, Мелибей, — мой богъ, мое спасенье! —
Въ семъ градѣ видѣлъ я того, кому отъ насъ
Курятся олтари въ году двенадцать разъ.
Со взоромъ кротости онъ внялъ мое моленье;
Сказалъ: не бойтеся! — вотъ вамъ мое владѣнье!
Здѣсь разводите скотъ! — пасите здѣсь стада. —

Мелибей.

И такъ — твои поля съ тобою навсегда!
О счастливый пастухъ! — и ты богатъ довольно! —

Когда луга другихъ — смотрѣть на это
больно! —
Болотомъ сдѣлались, иль камнемъ поросли —
А ты нашелъ свое! — и вредной плодъ земли
Не будетъ пищею ягнятъ новорожденныхъ,
Ни язва не придетъ отъ стадъ къ нимъ за-
раженныхъ; —
Жестокій брани кликъ не загремитъ въ твой
слухъ,
Не придетъ злобный врагъ! — о счастливый
пастухъ! —
На красныхъ берегахъ спокойныхъ рѣкъ, ро-
димыхъ,
При свѣтлыхъ ручейкахъ, въ тѣни деревъ
любимыхъ
Прохладу ты найдешь. — Шагъ ступишь,
и — лѣсокъ!
Тамъ пчелка рѣяся съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Шумкомъ своимъ къ тебѣ сонъ сладкій при-
зываетъ; —
Здѣсь пѣсни нѣжныя садовникъ напѣваетъ,
И голуби твои, утѣха позднихъ дней —
Воркуютъ о любви надъ хижиной твоей!

Титиръ.

И прежде робка лань, забывъ долины мирны,
Для паствы возлетитъ въ обители эфирны; —
И море быстрыхъ рыбъ разсѣетъ по брегамъ; —

И прежде, измѣнивъ родительскимъ полямъ,
Германцы, странствуя, возлюбятъ Тигръ
священный, —
А Пареяне — Араръ; — такъ, прежде, чѣмъ
почтенный,
Чѣмъ кроткій взоръ его погаснетъ въ сей
груди.

Мелибей.

А намъ изгнанникамъ нѣтъ болѣе пути!....
Мы повлечемъ теперь свои бѣды и горе
Иль въ Либію, иль въ Кипръ; пройдемъ про-
странно море
Туда, гдѣ Новый свѣтъ — въ Бриттанскіе
лѣса! —
Такъ! если нѣкогда позволятъ Небеса
Еще хоть разъ одинъ увидѣть лѣсъ зна-
комой,
И бѣдну хижину, покрытую соломой; —
Что, что тогда найду на нивѣ золотой? —
Колосьевъ нѣсколько, подавленныхъ травой! —
Какъ! — лучшія поля, трудовъ и поту
траша,
Должны добычей быть пришельца, супос-
тата?
Добычей варваровъ и жатва и плоды! —
Вотъ, вотъ что дѣлаютъ гражданскія
вражды! —

Ахъ! съ тѣмъ ли я привыкъ къ полямъ своимъ
такъ нѣжно! . . . . .
Теперь-то, Мелибей, разсаживай надежно
Свой милой виноградъ, и овощи свои! . . .
Ступайте козы! . . . вы, товарищи мои, —
Счастливый прежде скотъ, — ступайте! —
Нѣтъ! ужь болѣ —
Сидя въ прохладѣ древъ, въ безпечности на
волѣ,
Я не увижу васъ, любуясь издали,
Висящихъ на краю тѣнистыя скалы! —
Простите радости! — и пѣсенки про-
стите! . . . .
Что, овцы бѣдныя, что томно вы глядите!
Нѣтъ! вы не будете уже въ глазахъ моихъ
Ощипывать листы кустарниковъ младыхъ! —

Титиръ.

Постой же, что спѣшишь! — я всей моей
душою
Жалѣю о тебѣ. — Переночуй со мною
Въ зеленой сей тѣни. — Есть яблоки у насъ,
Каштаны, добрый сыръ; теперь покоя
часъ! —
Смотри: уже вдали туманъ сталъ подни-
маться,
И тѣни, съ горъ склонясь, длиннѣе стано-
вятся! —

А. Мерзлк.

Русскіе Анекдоты (*).

(Послѣдней войны съ Французами.)

Генералъ-Маіоръ Князь *Багратіонъ* (пожалованный въ сію же кампанію въ Генералъ-Лейтенанты), начальствуя надъ передовыми войсками, состоявшими изъ шести тысячь человѣкъ, по неимовѣрной оплошности Австрійскаго Генерала *Ностица*, былъ окруженъ непріятельскою тридцати-тысячною арміею. Маршалъ *Мюра*, начальствуя надъ Французскою арміею съ другими Генералами, видѣлъ, что имѣетъ въ рукахъ все наше передовое войско; и потому навѣрное полагалъ внезапнымъ нападеніемъ истребить цѣлую армію, предводительствуемую Ге-

(*) „Посылаю *Русскіе Анекдоты прошедшей войны съ Французами.* Если они „входятъ въ планъ вашего Журнала, „то прошу непечатать. О произшествіяхъ, заслуживающихъ вниманіе, никогда „не поздно извѣщать Публику. Къ томуже „я ожидалъ прибытія войскъ въ Санктпетербургъ, чтобы изустно слышать „отъ бывшихъ въ арміи очевидцами или „дѣйствующими лицами въ нѣкоторыхъ „изъ сихъ произшествій.“ — Издатель съ благодарностію исполняетъ препорученіе. Два или три Анекдота можетъ быть извѣстны нѣкоторымъ читателямъ Вѣстника; здѣсь они помѣщаются для соблюденія историческаго порядка.

пераломъ *Голенищевымъ-Кутузовымъ.* Князь *Багратіонъ*, съ согласія своего войска, одушевленнаго неустрашимостію Начальника, предпринялъ пробиться на штыкахъ сквозь непріятеля; далъ знакъ къ сраженію — и непріятель почувствовалъ смертоносный штыкъ въ рукахъ Русскаго солдата. Вездѣ открывался ему путь, и самая непріятельская конница была имъ не однократно опрокинута. Наконецъ, къ удивленію какъ самихъ непріятелей, такъ и цѣлой арміи Россійской (почитавшей погибшимъ свое передовое войско), Князь *Багратіонъ* присоединился къ ней, приведя съ собою многихъ плѣнныхъ. Важный и трудный сей подвигъ Князя *Багратіона* показываетъ въ немъ достойнаго ревнителя славы *Великаго Суворова*!..

*

Шефъ 8 го егерьскаго полку, Полковникъ Графъ *Головкинъ*, прикрывая своимъ полкомъ отступленіе Цесарскихъ войскъ при *Лайбихѣ*, во все время сраженія находился въ самомъ сильномъ огнѣ. Онъ бросался во всѣ опасности, и примѣромъ своимъ одушевлялъ весь полкъ свой, не переставая кричать солдатамъ, чтобъ они *не робѣли*. При полученіи смертельнаго удара пулею, онъ успѣлъ еще закричать — *не робейте*! . . Герой чрезъ три дни умеръ отъ раны . . . .

Гусарской Полковникъ Г. Бердяевъ съ полкомъ своимъ неустрашимо сражался противъ трехъ конныхъ непріятельскихъ полковъ, и усмотрѣвъ, что еще идутъ противъ него два полка, съ рѣшимымъ отчаяніемъ врѣзался въ непріятеля, желая лучше съ цѣлымъ полкомъ лечь на полѣ брани, нежели попасться въ плѣнъ. Однако же, бывъ тяжело раненъ, не избѣжалъ плѣна, и приведенъ къ самому *Бонапарте*, который всему этому былъ очевидцемъ. *Бонапарте* спросилъ у него: конечно не зналъ онъ числа войскъ, противъ которыхъ столь упорно сражался. Храбрый Полковникъ безъ околичности отвѣчалъ, что его долгъ обязывалъ не *считать*, но *сражаться*, хотя бы сто полковъ было противъ него. *Бонапарте*, удивленный такою неустрашимостью Русскаго Героя, возвратилъ ему свободу.

*

Во время сраженія при *Просницахъ*, одинъ Офицеръ, бывъ раненъ пулею въ лѣвую руку — продолжалъ сражаться; ранили въ другой разъ ту же руку — онъ не переставалъ дѣйствовать; наконецъ, оторвало ядромъ кисть той же руки. Офицеръ былъ отведенъ въ больницу, гдѣ неотступно просилъ Лѣкаря скорѣй ему отпилить руку, и перевязавъ, отпустить его въ сраженіе. Лѣкарь представлялъ всѣ невозможности. — „Какъ! отвѣчаетъ съ досадою храбрый Офицеръ —

развѣ нѣтъ у меня правой руки? Пока она не оторвана, есть еще чѣмъ защищать нашего *Отца Государя.* — МОНАРХЪ, какъ увѣряютъ, былъ свидѣтелемъ этого разговора, но раненный ЕГО не примѣтилъ.

*

Россійской *арїеръ - гардъ*, прикрывая отступленїе Австрїйскихъ войскъ, былъ отрѣзанъ непрїятелемъ. Генералъ Французской, коммандовавшїй *семнадцатью* тысячьми человѣкъ, посылаетъ требовать, чтобы Русскїе сдались. Начальствующїй *арїеръ - гардомъ*, имѣя у себя войскъ только *семь* тысячь, созываетъ на совѣтъ Штабъ-и Оберъ-Офицеровъ, также отличнѣйшихъ изъ нижнихъ чиновъ, и извѣщаетъ ихъ о требованїи непрїятеля. — Начинается общїй шопотъ; потомъ выходитъ впередъ одинъ рядовой, посѣдѣвшїй на полѣ брани — въ чемъ удостовѣряли три медали на его груди — спрашиваетъ своего Начальника, сколько числомъ непрїятелей, и сколько своихъ. Тотъ отвѣчаетъ ему, что непрїятелей *семнадцать* тысячь, а своихъ только *семь* тысячь. Рядовой долго считалъ по пальцамъ, подумалъ — наконецъ съ рѣшимостью вскричалъ: „*Ну, по пяти что ли на человѣка? побѣдимъ, или умремъ!*“ — *Побѣдимъ, или умремъ!* раздалось въ собранїи; и съ такимъ отвѣтомъ присланный отъ непрїятеля, бывши

всему этому свидѣтелемъ, отосланъ обратно. — Въ короткое время непріятель напалъ на *аріеръ-гардъ*, но былъ разбитъ, преслѣдованъ, и потерялъ множество людей.

❋

Одинъ Русской солдатъ, отставши отъ своего полку во время погони за непріятелемъ, видитъ троихъ Французовъ, погибающихъ въ болотѣ; кидается къ нимъ на помощь, и успѣваетъ ихъ спасти. Неблагодарные, вмѣсто награды, бросаются на своего избавителя. Солдатъ, оборонявшись, двоихъ ранитъ, а третьяго бросаетъ опять въ болото; однако же, пришедши въ себя, вторично его вытаскиваетъ, и всѣхъ троихъ сдаетъ случившемуся на сей разъ непріятельскому объѣзду; которой почтилъ великодушнаго героя, и отпустилъ его къ своему полку.

❋

Одинъ грайодеръ *Фанагорійскаго* полку, будучи окруженъ четырьмя Французами, успѣлъ въ минуту однимъ выстрѣломъ двоихъ повалить, третьяго штыкомъ заколоть, а четвертаго обратить въ бѣгство. Послѣ такого примѣрнаго подвига, герой сталъ въ рядъ свой, совсѣмъ не думая, что отличился.

❋

Одинъ егерь изъ передовыхъ войскъ, подкравшись весьма близко къ непріятелю,

усматриваетъ Генерала, прицѣливается на него — ружье осѣкается въ первой и въ другой разъ; тутъ схватилъ онъ заряженное ружье у своего товарища, и ранилъ Генерала. Французской гусаръ, бывшій при Генералѣ; скачетъ къ мѣсту, откуда былъ выстрѣлъ. Проворной егерь тотчасъ стрѣляетъ по немъ; сбиваетъ его съ лошади — садится самъ на нее, и прискакиваетъ къ своему полку. — Раненый Генералъ, какъ догадывались, былъ Маршалъ *Мортье*, главноначальствующій надъ Французскими войсками.

❖

Сказываютъ, что въ одинъ день ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ; объѣзжая передовые притины; увидѣлъ часоваго съ подвязанною головою, и узнавъ, что у него разсѣчена голова въ бывшее сраженіе, спрашиваетъ солдата; за чемъ нейдетъ въ больницу? Часовой съ хладнокровіемъ, свойственнымъ одному Русскому часовому, отвѣчаетъ: *пока голова на плечахъ, къ чему мнѣ сходить съ мѣста! — я вѣдь не Цесарецъ. . .*

❖

Въ одномъ сраженіи въ числѣ плѣнныхъ Французовъ попался необыкновенной силы гранодеръ, роста 2 аршинъ и 14 вершковъ. Французской исполинъ неотступно просилъ, чтобъ показали ему того, кто взялъ его

въ плѣнъ. Это былъ козакъ въ 2 аршина и 4 вершка, обыкновенной силы, но весьма проворной и ловкой. Французъ не могъ надивиться, увидѣвъ такое неравенство.

❊

Разсказываютъ, что одинъ козакъ во время сраженія, продолжавшагося около 8 часовъ, оборонялся отъ Французовъ одною только *нагайкою*, и ею нѣсколько десятковъ ихъ перебилъ.

❊

Одинъ полковой кузнецъ (Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку) увидѣлъ, что непріятель нападаетъ на пороховые ящики, недалеко отъ полка стоявшіе; проворно садится на одинъ изъ такихъ ящиковъ, и — уѣзжаетъ въ ближайшій лѣсъ. Тамъ разломалъ ящикъ, съ намѣреніемъ истребить порохъ, чтобы не достался непріятелю; — но, къ удивленію своему, увидѣлъ въ немъ нѣсколько тысячь рублей полковыхъ денегъ, и дорогой цѣны бриллїантовые знаки ордена Св. Анны первой степени. Кузнецъ поспѣшно все это прячетъ къ себѣ, и не является нѣсколько дней. Въ полку думали, что ящикъ взятъ непріятелемъ. Вдругъ приходитъ кузнецъ, и приноситъ въ цѣлости все положенное въ ящикъ. Начальствующій надъ полкомъ, уважая примѣръ безкорыстія и честности, наградилъ кузнеца сотнею червонцевъ.

❊

Красавицы всегда были неравнодушны къ героямъ; вотъ новый тому примѣръ и доказательство. Одного изъ храбрыхъ Офицеровъ нашли мертваго на мѣстѣ сраженія. — Онъ, будучи смертельно раненъ въ сердце, прижалъ къ ранѣ своей письмо обожаемаго предмета, которое получилъ незадолго до сраженія, и съ которымъ въ рукахъ, какъ съ таинственнымъ талисманомъ, леталъ среди враговъ отечества, и умеръ, какъ герой и — вѣрной любовникъ.

❧

Императорская Гвардія была въ самомъ сильномъ огнѣ (20 Ноября 1805 года) при *Аустерлицѣ*. — Каждый шагъ Россійскаго воина ознаменованъ геройствомъ. Гвардейскіе Офицеры, примѣрнымъ мужествомъ своимъ одушевляя солдатъ, на каждомъ шагу боролись со смертью, и славно преодолѣвали ее. Ни разсѣянная жизнь столичная, ни ласки красавицъ, — ни что не ослабило ихъ духа. Они симъ доказали, что Россіянинъ на полѣ брани забываетъ роскошь и нѣгу. — МОНАРХЪ наградилъ орденами Гвардейскихъ Офицеровъ, бывшихъ на сраженіи (*). „ —„

(*Продолженіе обѣщано.*)

(*) Это однакожь не анекдотъ, но только замѣчаніе. *Изд.*

IV.

О новомъ Романѣ Г-жи Жанлисъ: Альфонсина, или матерняя любовь.

Сіе, недавно вышедшее, сочиненіе любимой Писательницы теперь занимаетъ публику во Франціи. Нѣмцы успѣли уже перевести его на свой языкъ. Не сомнѣваясь, что *Альфонсина* скоро появится и въ Русскихъ книжныхъ лавкахъ, и зная, съ какою благосклонностію принимаются сочиненія Г-жи Жанлисъ, надѣемся оказать услугу нашимъ читателямъ, сообщивъ имъ извѣстіе о сей книгѣ съ замѣчаніями одного иностраннаго Журналиста.

„Признаюсь — такъ написано во Французскомъ Журналѣ — что разсматривая сочиненіе Г-жи Жанлисъ, чувствую въ себѣ охоту быть строгимъ. Противъ воли забываю, что она женщина и Авторъ пріятныхъ сказокъ. Вижу въ ней упорнаго охуждателя, которой уже около 30 лѣтъ старается помрачить блестящую славу знаменитѣйшихъ Писателей; чернитъ и злословитъ людей съ великими дарованіями, своихъ современниковъ и учителей. Съ какою неутомимостію написала она цѣлые томы, желая доказать, напримѣръ, что Ж. Ж. Руссо выдавалъ порокъ за добродѣтель, и былъ опаснѣйшій изъ Софистовъ!

„Соглашаюсь, что надлежитъ быть снизходительнымъ къ скромной женщинѣ, которая хочетъ сорвать нѣсколько цвѣтовъ на грядахъ Парнасскихъ, — къ опытамъ молодаго человѣка, робко вступающаго на поприще Словесности, — къ послѣднимъ усиліямъ ослабѣвшаго таланта. Но можно ли требовать снизхожденія къ такому Автору, которой выставляетъ себя строгимъ судьею минувшаго столѣтія, и мещетъ стрѣлы проклятія на вѣкъ текущій? Скажутъ: какая нужда опровергать мнѣнія женщины? О, великая! не стыдно отражать нападенія такой Писательницы, какова Г-жа Жанлисъ (*).

„Строгость есть долгъ непремѣнный Рецензента, которой разсматриваетъ книги, содержащія въ себѣ правила или описанія противныя благонравію, а особливо если Авторъ опасныя мнѣнія свои прикрываетъ завѣсою религіи. *Альфонсина* принадлежитъ къ сему классу; доказать это весьма не трудно. Впрочемъ, не объ одномъ только семъ

(*) „Изъ всѣхъ Авторовъ, которые присягнули вести войну съ Науками и Философіею, только Г-жа Жанлисъ и Авторъ Аталы (Шатобріанъ) заслуживаютъ нѣкоторое уваженіе; на ихъ только сочиненія можно иногда отвѣчать, не унижаясь. Прочіе не стоятъ того, чтобъ говорить о нихъ.“ *Прим. Фр. Журн.*

Романѣ Г-жи Жанлисъ можно сдѣлать такое замѣчанїе, но и о другомъ еще, на примѣръ о *Госложѣ Лавальеръ*. Героини въ обоихъ Романахъ суть женщины законопреступныя, хотя, по несчастїю, послѣднїй написанъ гораздо лучше; ибо надлежало призвать на помощь все краснорѣчїе, всѣ прелести слога, чтобы заставить читателя принимать участїе въ женщинѣ, которая явно любится съ женатымъ мущиною, съ *отцемъ семейства*. Романъ *Альфонсина* еще большаго достоинъ порицанїя, потому что женщина, пренебрегшая свою должность, представлена героинею и образцомъ воспитанїя.

„Первой томъ почти совсѣмъ не принадлежитъ къ главному дѣйствїю, и содержитъ въ себѣ повѣствованїе о любовныхъ шалостяхъ одного пажа съ пожилою кокеткою *Эльвирою*. Надобно признаться, что въ этомъ длинномъ эпизодѣ о старанїи пожилой прелестницы понравиться красивому пажу, по моему мнѣнїю, Сочинительница наиболѣе оказала искуства и тонкости въ наблюденїяхъ. Сладострастныя приготовленїя, прелесть тайны, способы одержать побѣду надъ прекраснымъ пажемъ, и продлить его восторги, наконецъ все, что только можетъ затѣять и исполнить страстная женщина, все выдумано и выражено съ искуствомъ необыкновеннымъ. Признаюсь, многїя мѣста сего

эпизода заставляли меня вспоминать прелестныя картины изъ *Приключенiй Фоблаза.* Прибавлю, что Эльвира могла бы занимать не послѣднее мѣсто въ славномъ романѣ: *Опасныя связи.* Не знаю, понравится ли Г-жѣ Жанлисъ ученая похвала сiя, которой вѣроятно она совсѣмъ не ожидала. Сладострастныя отступленiя суть порывы пылкаго воображенiя, увлекаемаго восхитительными воспоминанiями. *Воспоминанiя молодости* — говоритъ Г-жа Жанлисъ — *столь пылки, столь стремительны!* .... Странное дѣло! Г-жа Жанлисъ вездѣ говоритъ, что не вѣритъ любви, — и ничего не описываетъ лучше любовныхъ приключенiй.

„Сочинительница хотѣла представить планъ и образецъ материнскаго воспитанiя. Чтобы сiе воспитанiе было *единственно* материнское, Г-жа Жанлисъ выводитъ на сцену младенца, которой ничего не видитъ, даже ничего не чувствуетъ, кромѣ матери. Для того Г-жа Жанлисъ избрала *погребъ* театромъ своихъ опытовъ.

„*Дiана* вышла за мужъ за Графа *Монкальда*, человѣка распутнаго, честолюбиваго, жестокаго, а что всего хуже, за *Философа.* Этотъ Графъ *Монкальдъ* въ первую ночь брака объявляетъ супругѣ своей, которая любитъ его, что онъ женился на ней только

для богатства, — что будетъ съ нею обходиться всегда учтиво, но холодно, — и что наконецъ *Діана* будетъ супругою его только по имени. *Діана* въ отчаяніи. Донъ *Саншъ*, другъ и тварь *Монкальда*, представляетъ ей себя въ качествѣ утѣшителя. *Монкальдъ* самъ препоручаетъ Донъ *Санша* въ благосклонность жены своей. *Діана* досадуетъ и не соглашается. Черезъ нѣсколько времени она отдается Донъ *Педру*, человѣку ничтожному, котораго не любитъ, но которой присыпаетъ голову своею душистою пудрою, точно такою, какую носитъ любезный, неблагодарный супругъ ея.

,,*Монкальдъ* знаетъ, что Донъ *Педро* проводитъ ночи съ *Діаною*, и не заботится о томъ. Однакожь ему хочется разорвать бракъ, и удержать у себя женино имѣніе. Онъ ищетъ къ тому случая, и находитъ. Въ одинъ день она выѣзжаетъ изъ дому; *Монкальдъ*, съ помощію Донъ *Санша*, отвозитъ ее въ замокъ, запираетъ въ погребъ, и оставляетъ тамъ подъ надзираніемъ *Леоноры*, набожной старухи, преданной *Монкальду*. Чтобы сей погребъ, или пещеру, сдѣлать удобною для жительства, и даже выгодною, Сочинительница заставила другую особу, кромѣ *Леоноры*, принимать участіе въ судьбѣ *Діаны*, — а именно Донъ *Санша*, которой все еще любитъ ее, и не отчаевается заступить мѣсто Донъ *Педра*

въ ея сердцѣ. Спустя семь мѣсяцовъ, *Діана* начала мучиться родами. Отсюда начинаются странныя приключенія.

„ *Альфонсина* раждается. Судьба опредѣлила ей жить въ семъ гробѣ тринадцать лѣтъ. Здравомыслящій человѣкъ никакъ не можетъ равнодушно читать подробностей воспитанія. *Альфонсина* не видитъ свѣта. Она лишена чувства зрѣнія — коего выгоды едва ли замѣняются осязаніемъ — чувства, которое, по системѣ остроумнаго Кондильяка, весьма много способствуетъ разкрытію человѣческаго разума. Ни одно живое существо, кромѣ матери и маленькой собачки, не живетъ съ *Альфонсиною*. Она не слышитъ ни о людяхъ, ни о животныхъ, населяющихъ землю; однакожь это не мѣшаетъ ей научиться многимъ языкамъ, имѣть отвлеченныя понятія, знать Христіанскую религію, догматы, таинства, и проч.! Г-жа Жандисъ много трудилась, чтобы несбыточныя произшествія представить правдоподобными. Какажь въ томъ польза? за чѣмъ было столько принуждать себя?

Turpe eſt difficiles habere nugas,
Et ſtultus labor eſt ineptiarum.

„ Такимъ образомъ повѣсть о рожденіи и воспитаніи *Альфонсины* наполняетъ собою почти весь второй томъ, или лучше сказать, второй романъ этого романа.

„Пора къ концу. Послѣ смерти *Монкальда*, вторая жена его, узнавъ объ участи *Діаны* и *Альфонсины*, освобождаетъ ихъ изъ погреба, въ которомъ были заключены тринадцать лѣтъ. Новыя лица являются на сценѣ: новая завязка, новыя картины, новой романъ. Донъ *Альваръ*, сынъ Графини *Монкальдъ*, увозитъ *Альфонсину*, которую *Діана*, не извѣстно для чего, не хотѣла за него выдать; потомъ женится на ней съ согласія матери. — *Діана* находитъ своего Донъ *Педра*, и романъ оканчивается, какъ водится.

„Въ томъ состоитъ содержаніе. Подземелья Г-жи Радклифъ мнѣ болѣе нравятся, нежели подземелья Г-жи Жанлисъ. Первая умѣетъ изумлять чудесностію произшествій, умѣетъ возбуждать любопытство. Для меня кажется гораздо занимательнѣе прежнее подземелье Г-жи Жанлисъ, въ которомъ она поселила свою *Камилу*; Сочинительница тогда была моложе, однакожь — странное дѣло! — въ сочиненіяхъ ея видѣли мы болѣе ума и основательности.

„Сказываютъ, что Г-жа Жанлисъ почитаетъ *Альфонсину* лучшимъ изъ своихъ романовъ. Пожалѣемъ о ней, если это правда. *Вечера въ замкѣ* и многія *Нравоучительныя Повѣсти* — вотъ истинныя права ея на Авторскую славу!

„Талантъ Г-жи Жанлисъ отличается точностїю наблюденїй и мастерскими описанїями сценъ, обыкновенныхъ въ жизни; слогъ ея отличается точностїю выраженїй и чистотою. Желательно, чтобъ друзья Г-жи Жанлисъ сказали ей: Пишите малыя картины, — вы умѣете украшать ихъ прїятностїю, умомъ, прелестїю слога; но оставьте другимъ изображать предметы возвышенные или ужасные.“

V.

Отвѣтъ на Suum cuique.

Можетъ быть не для многихъ читателей прїятно находить въ Русскихъ Журналахъ обвиненїя и оправданїя, бранные вызовы и отвѣты, словомъ — *ученыя* распри. Въ самомъ дѣлѣ, брань Журналистовъ едва ли не то же, что драка на улицѣ: чернь съ любопытствомъ и удовольствїемъ смотритъ на такїя сцены; человѣкъ благовоспитанный проходитъ мимо, негодуетъ и жалѣетъ о безумныхъ. Въ Германїи, напротивъ того, оскорбительныя клеветы, площадныя ругательства, нелѣпыя обвиненїя и оправданїя въ великой модѣ; сїе замѣчанїе — если оно справедливо — относится къ чести нашихъ

соотечественниковъ, и служитъ доказательствомъ, что вкусъ Россійской Публики нѣжнѣе и разборчивѣе. Бывъ твердо увѣренъ въ сей истинѣ, Издатель Вѣстника положилъ себѣ за правило, никогда и никакъ не отвѣчать на брань или обвиненія, даже не читать ихъ, если можно. Теперь находитъ себя принужденнымъ нарушить обѣтъ свой, признаться въ своемъ . . . непостоянствѣ, и просить у читателей . . . . великодушнаго терпѣнія. Статья сія не совсѣмъ безполезна: предлагаемъ ее драматическимъ авторамъ какъ матерію для комическаго *фарса* въ одномъ дѣйствіи.

Въ третей книжкѣ *Лицея* на страницѣ 87 помѣщена прокламація слѣдующаго содержанія: „*Suum cuique* (*всякому свое*). *Вѣстникъ Европы* оказалъ мнѣ честь, *переведя* „*и напечатавъ* (1) въ обоихъ Генварскихъ „номерахъ сего 1806 года *мое* (2) разсужденіе „о томъ, *что сдѣлали Владѣтели Россіи* „*для образованія и просвѣщенія своего на-* „*рода до ПЕТРА Великаго*, помѣщенное въ

(1) По ученому это — Метонимія. Простые люди каждую вещь называютъ своимъ именемъ; ученые напротивъ: у нихъ Авторъ идетъ часто за книгу, а книга за Автора — какъ видимъ здѣсь изъ примѣра. *Изд. В.*

(2) *Мое*. Просимъ замѣтить. *Изд. В.*

„С. П. бургскомъ Журналѣ (3), въ Генвар-„ской тетради прошлаго 1805 года. Сколь „ни лестно для меня, что издатель Вѣст-„ника Европы находитъ мое Разсужденіе „столько занимательнымъ и важнымъ, что „оно можетъ быть сообщено и *его* отече-„ству; однакожь *справедливость, которую „мы чужимъ заслугамъ отдавать долж-„ны* (4), *историческая истина и вѣрность*, „требовали бы, чтобъ не только напечатано „было имя сочинителя, но и помѣщено со-„чиненіе, какъ оно есть, безъ пропусковъ и „обезображенія начала и конца; или не по-„казалось ли, можетъ быть, переводчику „начало слишкомъ трудно?“ — Гроза прошла; слѣдуетъ милостивое предложеніе, потомъ отеческой упрекъ. „Цѣ-„лыя изданія любимыхъ Россійскихъ Жур-„наловъ лежатъ предо мною, въ коихъ на-„ходятся многія весьма хорошія разсужденія; „но рѣдко, весьма рѣдко показано; переводы „ли они, или подлинныя сочиненія; я бы „охотно и часто нѣкоторыя изъ нихъ на „Нѣмецкій языкъ переводилъ, дабы въ чу-„жихъ краяхъ узнали успѣхи Россійской „Словесности; но сомнѣваюсь, не взяты ли „они изъ какого либо другаго мѣста; из-„слѣдовать издателей и сыскать источники, „которыми они пользовались, время мнѣ не

(3) Издаваемомъ на Нѣмецкомъ языкѣ. *И. В.*
(4) Опять просимъ замѣтить. *И. В.*

„ позволяетъ. — Мы Нѣмцы справедливѣе „ поступаемъ. Мы также пересаживаемъ цвѣ- „ ты изъ сада нашего сосѣда въ свой садъ; „ но съ благодарностїю признаемъ садовника, „ которой ихъ завелъ.“ Подписано: „ *Шре-* „ *деръ.*“

Вѣрно не одна особа, прочитавъ это въ *Лицеѣ*, взяла сторону Г-на Шредера, и обвинила Сочинителя Русскаго Разсужденїя, напечатаннаго въ первыхъ двухъ книжкахъ Вѣстника Европы нынѣшняго году. Постараемся оправдать его; это очень не мудрено сдѣлать.

Г. Шредеръ и Русской Авторъ попали почти на одну матерїю. Розница въ томъ только, что первой перевелъ Латинскую рѣчь (5) Г-на *Баузе*, Профессора Московскаго Университета, разположилъ ее по своему, приставилъ отъ себя начало и конецъ, далъ ей другое названїе, и выпустилъ въ свѣтъ за собственное сочиненїе, подписавъ имя свое и прозванїе: другой, кромѣ рѣчи Г-на Баузе и ея перевода,

(5) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, non parum adeo de litteris earumque studiis merita. Dicta a Theodoro Bause, die XXX Jun. an. 1796.

имѣлъ передъ собою нѣкоторые источники, собралъ историческія извѣстія и замѣчанія (*), соотвѣтствующія предмету, составилъ и сочинилъ свое Разсужденіе, не находя нужнымъ ни подписывать имени своего, ни отдавать отчета, откуда почерпалъ свѣденія, и какимъ Авторамъ слѣдовалъ. Одинъ, обѣщавшись говорить о томъ, *что сдѣлали Владѣтели Россіи для образованія и просвѣщенія своего народа до ПЕТРА Великаго*, на первой же страницѣ противурѣчитъ самъ себѣ; ибо, по его словамъ: „*Геній времени* (!!) покрывалъ Россію толстою фатою „невѣжества и варварства даже до половины шестьнадцатаго столѣтія ..... однакожь исконні Россійскіе Государи много „трудились, чтобъ сдѣлать народъ свой „образованнѣе и просвѣщеннѣе, трудились столь „ревностно, столь умно, что позднѣйшее потомство удивляется тому, и изумляется;“ много трудились, много дѣлали, и ничего не сдѣлали — прекрасная похвала! а все это случилось отъ того, что нѣкоторые иностран-

(*) Напримѣръ *о правописаніи въ Славянскихъ книгахъ*, — *о Лѣтописцахъ*, *послѣдователяхъ Нестора*, — *объ ученыхъ Князьяхъ Россійскихъ*, — *о письмѣ Царя Іоанна Васильевича къ Св. Гурію, Архіепископу Казанскому* и проч. взято конечно не у Г-на Шредера. *Изд.*

цы охотнѣе соглашаются нести околесную, нежели не потолковать о варварствѣ и невѣжествѣ Русскихъ. Другой, обѣщавшись упомянуть, *что сдѣлано въ Россіи* (не одними только Государями) *для просвѣщенія народа и для славы Отечества отъ временъ Рюрика до ПЕТРА Великаго*, съ возможною вѣрностію продолжаетъ до конца свое сочиненіе.

Положимъ, что Русской Авторъ въ самомъ дѣлѣ, переводя Разсужденіе Г-на Шредера, не понялъ бы нѣкоторыхъ мѣстъ. Развѣ этому нельзя было помочь? Стоило бы только трудное мѣсто перевода пріискать въ подлинникѣ, то есть въ Рѣчи Г-на Бауэе. Возьмемъ въ примѣръ слѣдующее мѣсто, на которое цѣлитъ Г-нъ Шредеръ, насмѣшливо спрашивая, *не показалось ли оно переводчику слишкомъ труднымъ*:

Kultur und Erziehung sind beinahe eins; jene besitzen Erwachsene, diese Knaben; beide werden auf verschiedene Weise bewirkt, nicht nur durch Lehre und Unterricht, sondern auch durch Beispiel und Uebung, damit der Mensch seine Kräfte, welche ihm die Natur verliehen, kennen lerne, entwickele, übe, stärke; damit er sie zu seinem eigenen und zu seiner Mitbrüder Nutzen gebrauche und anwende; damit er nach Vernunftgründen überlege, wähle, handle, und nicht aus blossem Instinkt und blossen Trieben der Natur.

Мѣсто сіе, также какъ и *все Разсужденіе* — кромѣ весьма немногихъ, *заимѣт-*

ныхъ прибавокъ, а особливо при началѣ и при концѣ — отъ слова до слова взято изъ рѣчи Г-на Баузе. Вотъ подлинникъ; просимъ сличить:

Nimirum cultus et educationis ratio est eadem fere; ille obtinet in adultis, haec in pueris. Utroque autem variis rationibus, non solum institutione et doctrina, sed etiam exercitatione atque exemplo efficitur, ut homo vires a natura sibi datas cognoscat, explicet, exerceat, firmet, adeoque iis facilius & rectius utatur in suam & alorum utilitatem; imprimis autem eo efficitur, ut homo discat & assuescat cogitare, sentire & agere ex rationibus, ex principiis, justis & rectis, ne scilicet feratur caeco impetu, sed ratione regatur, ne fluctuet, sed sibi constet.

Теперь спрашиваемъ, слѣдовало ли Г-ну Шредеру говорить: „Мы Нѣмцы справедливѣе поступаемъ. Мы также пересаживаемъ „цвѣты изъ сада нашего сосѣда въ свой „садъ; но съ благодарностію признаемъ са„довника, который ихъ завелъ?“ — Гдѣ же справедливость?

Что подало поводъ къ такой неосторожности? Рѣчи, произносимыя при торжественныхъ собраніяхъ въ здѣшнемъ Университетѣ, раздаются только посѣтителямъ; ихъ печатается весьма немногое число экземпляровъ, которые хранятся у охотниковъ до сочиненій сего рода. Г. Шредеръ,

по видимому, думая, что о рѣчи Г-на Баузе одни не знаютъ, другіе забыли, рѣшился присвоить чужіе труды, — плодъ долговременныхъ изслѣдованій достопочтеннаго Профессора, извѣстнаго ученому свѣту любителя и знатока Россійскихъ древностей. — Иностранные Журналисты, которымъ — скажемъ словами Г-на Шредера — *время не позволяетъ изслѣдовать издателя и сыскать источники* — приняли переводъ за сочиненіе, осыпали мнимаго Автора похвалами, и подали ему поводъ къ написанію прокламаціи противъ Сочинителя Русскаго Разсужденія. Издатель Вѣстника Европы почитаетъ долгомъ оправдать Журналъ свой передъ Публикою.

ПОЛИТИКА.

I.

Историческія и политическія замѣчанія о Союзѣ Ганзеатическомъ.

Въ Парижѣ недавно вышла въ свѣтъ книга: *О Союзѣ Ганзеатическомъ, его началѣ, успѣхахъ, могуществѣ и политическомъ учрежденіи, до упадка онаго въ XVI столѣтіи*, сочиненная славнымъ *Маллетомъ*. Переведемъ изъ одного Французскаго Журнала замѣчанія на сіе важное сочиненіе. Онѣ должны быть занимательны для нашихъ читателей и потому, что послѣдняя тѣнь Ганзеатическаго Союза при угрожающей нынѣ перемѣнѣ въ конституціи Нѣмецкой Имперіи скоро изчезнетъ, и потому, что Ганзеатическіе города нѣкогда имѣли тѣснѣйшую связь съ Россіею.

Знаменитой Авторъ Датской Исторіи — лучше нежели кто-нибудь другой могъ бы это сдѣлать — начерталъ намъ Исторію Ганзеатическаго Союза, которой отъ начала своего до эпохи цвѣтущаго состоянія, и потомъ почти до упадка, имѣлъ весьма близкія и весьма частыя отношенія къ Даніи.

Союзъ Ганзеатической содержалъ собственныя свои войска, нѣсколько вѣковъ сряду производилъ изключительную торговлю всего Сѣвера съ прочею Европою, и вмѣщалъ въ себѣ - семдесять знатныхъ городовъ: слѣдственно его Исторія тѣсно соединена съ Исторіею многихъ Государствъ.

Во времена безначалія и замѣшательствъ, въ которыя погружена была большая часть Европы, когда пресѣклось поколѣніе Карловейское, города начали разпространяться и помышлять о независимости. Наконецъ нѣсколько городовъ, лежащихъ при берегахъ Балтійскаго моря, заключили между собою союзъ, къ которому скоро пристали и другіе города, отдаленные отъ моря. Въ 1364 году число союзныхъ городовъ уже простиралось до *семнадцати*. Съ того времени началось соперничество между Государями и вольными городами; но могущество сихъ послѣднихъ не встрѣчало для себя важнаго препятства. Война между Ганзеатическимъ Союзомъ и Королемъ Датскимъ еще болѣе укрѣпила силы перваго. Кому не покажется удивительнымъ, что союзные купеческіе города владѣли Копенгагеномъ и Штокгольмомъ, нынѣшними столицами Даніи и Швеціи? Зундъ находился въ ихъ власти. Учредивъ контору въ великомъ Новѣгородѣ, они имѣли въ рукахъ своихъ торговлю Рос-

сійскую; учредивъ контору въ Бергенѣ, торговали со всею Норвегіею. Изъ конторы своей, находившейся въ Лондонѣ, получали Англійскія сукна и олово для всей Европы. Изъ Нидерландъ, также черезъ конторы свои, выписывали тамошнія мануфактурныя издѣлія, а особливо комнатныя обои. Сія обширная торговля, или лучше сказать, сія монополія простерлась даже до южной Европы, до Испаніи, Португаллїи, Италїи. Договоръ, подписанный Лудовикомъ XI и подтвержденный преемникомъ его Карломъ VIII, доставилъ случай Союзу овладѣть неважною торговлею, производившеюся тогда во Франціи. Страшный флотъ, нѣсколько разъ побѣждавшій морскія ополченія Датчанъ, былъ непоколебимою подпорою столь чрезвычайнаго могущества.

Г. Маллетъ подробно разбираетъ законы политическіе, которымъ Союзъ вольныхъ городовъ обязанъ былъ своимъ благоденствіемъ. Однакожь иногда между ними происходили несогласія, даже мятежи отъ раздѣленія партій; сторона демократическая вооружалась противъ аристократической, захватившей всю власть въ свои руки. Сіи безпокойства случались по большей части въ Любекѣ, главномъ городѣ, въ которомъ Ганзеатическая Директорія имѣла всегдашнее свое пребываніе, и гдѣ обыкно-

венно отправлялись важныя дѣла Союза. Правительство, свергнутое народомъ, скоро потомъ опять утвердилось.

Одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ книгѣ Г-на Маллета есть описанїе устройства и порядка, заведеннаго въ конторахъ. — Въ Бергенѣ, въ Норвегїи, Ганзейцы имѣли пребыванїе свое въ особомъ, весьма обширномъ отдѣленїи города, въ которомъ жило нѣсколько тысячь Коммиссаровъ и служителей; симъ людямъ запрещено было жениться, для того чтобы они не приучили жителей къ отправленїю ремеслъ и торговли. Все отдѣленїе состояло изъ шести большихъ зданїй; каждое имѣло особаго начальника или судью, которой разбиралъ тяжбы, и опредѣлялъ наказанїя за проступки. Судьи находились подъ вѣдомствомъ купеческаго Совѣта, состоявшаго изъ одного или двухъ старѣйшинъ и осмнадцати засѣдателей. Старѣйшины присылаемы были въ Бергенъ изъ Любека, гдѣ ихъ избирали, на пять лѣтъ. Важныя дѣла переносимы были въ главную Директорїю для окончательнаго рѣшенїя. Совѣтъ обязанъ былъ не только смотрѣть за порядкомъ въ конторѣ, но и охранять привиллегїи Союза, защищать ихъ отъ притязанїй тамошняго правительства, отъ нападковъ Королей и Министровъ.

Члены конторы были, какъ сказано, не женаты; надлежало строго присматривать за ихъ поведенїемъ. Для того имъ запрещено было ночью выходить за ограду отдѣленїя. Большїя собаки стерегли выходы, и не допускали къ нимъ приближаться. Надежда, скоро приобрѣсть великое богатство, привлекала въ Бергенъ молодыхъ людей, которые толпами отовсюду стекались, желая занять должность при конторѣ; сїе обстоятельство заставило старѣйшинъ употреблять средства къ устраненїю нѣкоторыхъ, а особливо такихъ, которые, съ помощїю знатныхъ и богатыхъ родственниковъ своихъ, могли бы занять мѣста самыя выгоднѣйшїя. Для того подвергали ихъ нѣкотораго рода посвященїю, которое состояло въ испытанїяхъ, названныхъ *игрою*, но въ самомъ дѣлѣ несносныхъ. Такихъ испытанїй считалось болѣе тридцати; главнѣйшїя три производились *дымомъ*, *водою* и *плетью*, и были столь жестоки, что принимаемый иногда лишался отъ нихъ жизни. Все сїе также наблюдалось и въ Лондонской конторѣ.

Многїя причины споспѣшествовали упадку Ганзеатическаго Союза. Въ концѣ пятьнадцатаго вѣка, а особливо въ началѣ шестьнадцатаго, признаки упадка сдѣлались весьма опасными. Всѣ нацїи Европы начали сами упражняться

въ ремеслахъ; нѣкоторыя стали привозить на собственныхъ корабляхъ издѣлія, которыя прежде получали черезъ руки купцовъ Ганзеатическихъ. Особливо Англичане были опасные совмѣстники Ганзы. Городъ Любекъ, чтобъ вознаградить понесенные убытки, тщетно хотѣлъ овладѣть Зундомъ, пользуясь мятежами, раздиравшими Данію; покушеніе не имѣло успѣха. Данія свергнула съ себя иго, которое Союзъ наложилъ на нее, а особливо на Норвегію. Густавъ Ваза Шведскій столько же старался привести Союзъ въ безсиліе, сколько и современникъ его Фридерикъ II, Король Датскій. Россійскіе Цари, заключивъ торговые договоры съ Англіею, избавили свои области отъ монополіи Ганзеатической конторы. Члены Союза сами признавались, что наступило пагубное время упадка ихъ могущества. Когда въ 1630 году собранъ былъ общій сеймъ въ Любекѣ, всѣ присланные Депутаты объявили торжественно, что города ихъ рѣшились отстать отъ Союза. Это было послѣднее общее собраніе Депутатовъ Ганзеатическаго Союза, послѣдній признакъ его разрушенія; ибо собранія, бывшія потомъ, уже не принадлежатъ къ главному Союзу. Послѣ сей эпохи Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, которые и прежде еще соединены были между собою особыми договорами, заключили новой союзъ оборонительной и торговой. Они учредили общую Коллегію,

признанную многими трактатами, и даже трактатомъ о вознагражденіяхъ, подписаннымъ 25 Февраля 1803 года.

II.

Планъ дѣйствій, сочиненный Вѣнскимъ Кабинетомъ передъ послѣднею войною съ Французами.

Въ числѣ государственныхъ бумагъ, представленныхъ Великобриттанскому Парламенту прежними Министрами, для оправданія своей системы, находится также и слѣдующій, достойной примѣчанія планъ военныхъ дѣйствій, начертанный Вѣнскимъ Кабинетомъ. Имъ объясняются многія историческія произшествія нашего времени. Вотъ содержаніе:

„Франція, по новому ея образованію, имѣетъ

112	полковъ пѣхоты	404,828	человѣкъ.
30	— легкой пѣхоты	107,540	—
85	— — конницы	64,226	—
16	— — артиллеріи	21,436	—
		598,024	—

Если прибавить къ сему числу корпусы, находящіеся въ Корсикѣ и на другихъ остро-

вахъ, 21 полкъ Голландскихъ войскъ, 11 Швейцарскихъ полковъ, 18 полковъ Италіянскихъ вспомогательныхъ, и Гвардію, изъ 15,000 человѣкъ состоящую: то вся Французская военная сила простирается до 651,964 человѣкъ. Большая часть сихъ полковъ поставлена на военную ногу. Отъ высадки Англичанъ на берега Французскіе почти не льзя ожидать успѣха. Франціи не нужно внутри Государства и вдоль береговъ оставлять много войска. Хорошо устроенная народная Гвардія, въ случаѣ нужды, можетъ замѣнить регулярныя войска внутри Государства. Сіи примѣчанія показываютъ, что Французы въ состояніи выставить въ Италіи, Швейцаріи и Германіи 500,000 человѣкъ для военныхъ дѣйствій. А какъ въ сравненіи съ такимъ ополченіемъ число 250,000 Австрійцевъ и 115,000 Россіянъ, назначенныхъ въ пособіе по послѣднему трактату, кажется недостаточнымъ, ибо на Шведскія и Англійскія войска не льзя имѣть великой надежды; то и слѣдуетъ, что

1) Вразсужденіи сего изчисленія и мѣстныхъ выгодъ Франціи, которая по своему Географическому положенію съ удобностію можетъ дѣйствовать наступательно и оборонительно, желательнѣе было бы не разрывать мира впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ;

2) Если же непремѣнно надлежало бы начать войну, не столько для приобрѣтенія выгодъ, какъ для предотвращенія дальнѣйшихъ непріятностей: въ такомъ случаѣ союзники непремѣнно должны дѣйствовать съ неупомимѣйшимъ напряженіемъ, чтобы по крайней мѣрѣ противупоставить непріятелю равныя препятства, если бы не удалось преодолѣть его.

Военная часть, финансы и политика должны общими силами дѣйствовать для достиженія предполагаемой великой цѣли.

Содѣйствіе сихъ трехъ частей Государственнаго управленія будетъ тщетно, если Австрія не выставитъ въ поле болѣе 300,000 человѣкъ. Приложенные списки показываютъ, какой терпятъ недостатокъ Императорскія Королевскія войска въ людяхъ, лошадяхъ и вообще въ дополненіи; весьма трудно поставить полки на военную ногу, и умножить войска до того, чтобъ доставало ихъ и для охраненія безопасности внутри Государства, и для наблюденій на Прусской границѣ. Назначеніе полковъ по мѣстамъ еще болѣе умножаетъ неудобства. Правда, кордонъ пограничной для предотвращенія заразы частію облегчаетъ сіи трудности, охраняя провинціи Венеціянскія отъ нападенія Французовъ; однакожь, если бы надле-

жало выставить многочисленное войско противъ непріятельскаго ополченія, которое можетъ противъ насъ выдти, тогда необходимы были бы поспѣшнѣйшія разпоряженія, надлежало бы собрать Австрійскія войска, отдаленныя отъ границы, которой угрожаетъ опасность, поставить ихъ на военную ногу, и привести къ мѣстамъ, гдѣ нужна скорая защита. Сія первая мѣра требовала бы дѣятельнѣйшаго исполненія тѣмъ болѣе, что Россійскія войска, по причинѣ отдаленности, достигли бы къ назначенному мѣсту тогда, какъ Императорскимъ Королевскимъ надлежало бы отражать непріятельскія нападенія. Его Величество, въ случаѣ неизбѣжной войны, всѣми силами постарается преодолѣть сіи важныя неудобства, и исполнить свои обязанности; но для произведенія въ дѣйство столь твердаго намѣренія необходимо требуется, чтобы финансы были надежнымъ источникомъ пособій, и чтобы трудности по сему предмету были уничтожены. Россійскому Императорскому Двору уже дано знать, сколь великихъ необходимыхъ издержекъ будутъ стоить наполненіе людьми пѣхоты, конницы, артиллеріи, Коммиссаріата, — заложеніе магазиновъ и приведеніе полковъ въ состояніе начать военныя дѣйствія. Требуемыхъ отъ Англіи 15 милліоновъ гульденовъ едва достанетъ на половину издержекъ только при началѣ кампаніи. Каждая кампанія прошед-

шей войны стоила отъ 110 до 120 милліоновъ гульденовъ. Нынѣ издержки должны быть больше, по причинѣ увеличившейся на все дороговизны. Но предположимъ, что онѣ не превзойдутъ прежнихъ, — все еще къ требуемымъ отъ Англіи 30 милліонамъ, и ежегодной суммѣ, для арміи назначаемой, недоставать будетъ много денегъ, и едва ли Австрійское Казначейство, обремененное долгами, найдетъ средство выплачивать ихъ. Изъ того необходимо слѣдуетъ, что если Англія не выдастъ требуемой вспомогательной суммы, то Вѣнскому Двору, при всей его рѣшительности, никакъ не возможно готовиться къ войнѣ, ниже отважиться начать ее, пока не будетъ увѣренъ, что въ состояніи ее выдержать.

Послѣ сихъ разсужденій, надлежитъ перейти къ дѣйствіямъ, предполагаемымъ въ Италіи, въ Тиролѣ и въ Швейцаріи. Движенія войскъ должны быть слѣдствіемъ одного плана; соединенныя дѣйствія ихъ должны озабочивать непріятеля; отъ удачныхъ или неудачныхъ дѣйствій будетъ зависѣть судьба всей войны и цѣлой Европы.

Разсматривая географическое положеніе Франціи, и границъ ея со стороны Германіи, подвластныхъ ей Швейцаріи и Королевства Италіянскаго, и обращая вниманіе на области наслѣдственныя Австрійскія, нельзя

не видѣть, что неблагоразумно было бы начинать дѣйствія противъ Элзаса или на Рейнѣ, и что мѣры сіи тогда только обѣщать могли бы хорошій успѣхъ, когда бъ удалось переправиться за Рейнъ при Манхеймѣ, или осадить Майнцъ.

Въ семъ случаѣ предстояла бы та великая невыгода, что войско очутилось бы между первоклассными крѣпостями, и было принуждено вести осадную войну, которая обыкновенно стоитъ много людей и денегъ, и которой слѣдствіемъ, предполагая удачу, было бы покрайней мѣрѣ овладѣніе одною изъ сихъ крѣпостей. Для осады же Майнца и для прикрытія дѣйствій необходимо нужно употребить 50,000 человѣкъ. Укрѣпленный Майнцъ отнялъ бы у насъ цѣлую половину кампаніи, и каждое покушеніе овладѣть имъ оставалось бы безъ успѣха, потому что другія крѣпости непріятельскія удерживали бы дѣйствія войскъ нашихъ. Къ симъ важнымъ неудобствамъ прибавить должно еще одно, столь же важное, а именно: употребивъ большія силы для упомянутыхъ дѣйствій — нечего было бы оставить для прикрытія верхняго Рейна. Непріятель между тѣмъ могъ бы напасть на сію слабую сторону, приближился бы къ линіи нашего сообщенія, и безъ сраженія заставилъ бы насъ всѣмъ пожертвовать, чтобъ только не быть совершенно отрѣзаннымъ.

Дѣйствіе противъ Швейцаріи, а потомъ противъ Франціи, черезъ Франшъ-Конте безъ сомнѣнія было бы самое опасное для непріятеля. Здѣсь границы его открыты; но какъ для сего предпріятія надлежало бы взять направленіе черезъ Швабію, Форалбергъ и нижнюю часть Констанцскаго озера, ибо черезъ Тироль нельзя отправлять транспортовъ; то прежде всего должно было бы занять мѣста въ Швабіи, и охранять ихъ наблюдательнымъ корпусомъ отъ покушеній изъ Страсбурга. Сверхъ того, прежде нападенія на Швейцарію, надлежало бъ утвердиться въ Италіи. Тирольская армія не можетъ содѣйствовать при нападеніи на Швейцарію, если въ Италіи непріятель заставитъ насъ отступить къ Клагенфурту; ибо въ такомъ случаѣ онъ займетъ Пустерталь (что между Линцомъ и Бриксеномъ), посредствомъ котораго имѣемъ сообщеніе съ Тиролемъ; тогда принуждены будемъ отдѣлить отъ Нѣмецкой арміи людей для защищенія внутренней Австріи, и не только отказаться отъ наступательнаго плана, но отступить къ Лёху, или къ Инну, и занять положеніе оборонительное, для того чтобы недалеко быть отъ Австріи, и въ случаѣ нужды во всякое время послать къ ней помощь.

Слѣдствіемъ сего разсужденія есть, что война должна быть начата въ Италіи на-

ступательнымъ образомъ и съ большимъ количествомъ войска. Одержавъ побѣду, получимъ множество способовъ вести наступательную войну противъ Франціи; проигравъ сраженіе, подадимъ случай непріятельскому войску вторгнуться въ наслѣдственныя Австрійскія области. Если, разсматривая свое положеніе, находимъ трудности, даже невозможность поспѣшно вооружить и вывести на границу свои войска; то едвали можемъ надѣяться, чтобы Россіяне при началѣ войны могли придти на свое мѣсто въ надлежащее время (*).

Франція конечно употребитъ всѣ усилія, чтобъ въ превосходнѣйшемъ количествѣ заблаговременно вывести войска на границу; движенія нашихъ войскъ и походъ Русскихъ послужатъ для Наполеона предлогомъ немедленно объявить войну. Изъ сего замѣчанія слѣдуетъ, что при началѣ войны противъ Франціи одни Австрійцы будутъ дѣйствовать.

Армія въ Италіи должна будетъ начать свои движенія поспѣшнымъ переходомъ

(*) Напрасное опасеніе! Россійскія войска не опаздываютъ. Планъ сей не исполнился по другимъ причинамъ. Россіяне пришли на Иннъ за два дни прежде назначеннаго времени. *Изд.*

черезъ Адижъ, отогнать непріятеля отъ Минчіо, запереть Мантуу и Пескіеру, отрядить корпусъ на рѣку По для наблюденія за южною Италіею и для открытія себѣ пути до Адды, чтобы прикрывать осаду упомянутыхъ крѣпостей. Начальствующій Генералъ пойдетъ далѣе не прежде, какъ по овладѣніи крѣпостями, или получивъ другія важныя выгоды — на что однакожь не надлежитъ совершенно полагаться.

Войско въ Германіи должно начать свои движенія переходомъ черезъ Иннъ, вступить въ Баварію, и занявъ позиціи при Лехѣ, ожидать другихъ войскъ, а особливо Русскихъ. Корпусъ войска въ Тиролѣ долженъ будетъ соображать свои движенія съ движеніями войскъ, находящихся въ Италіи и Германіи. Въ случаѣ дѣйствія противъ Швейцаріи, одна часть Тирольскаго войска нападетъ на Граубинденъ и малые Кантоны, а другая, оставя свое оборонительное положеніе, соединится съ Италіянскою армією. Вотъ все, что можемъ сдѣлать до начатія общаго, главнаго дѣйствія — предположивъ, что употребимъ возможнѣйшія усилія, и будемъ имѣть счастливый успѣхъ. Италія есть пунктъ рѣшительный при началѣ войны, но Швейцарія сдѣлается для насъ не менѣе важною тогда, какъ получимъ въ ней нѣкоторые успѣхи, и подвинемся во внутренность

Швабіи. Покоривъ Швейцарію, побѣдитель может имѣть кратчайшее и удобнѣйшее сообщеніе между Италіею и Германіею; сіе преимущество подастъ способы легко и скоро посылать подкрѣпленія изъ одной страны въ другую, и оттуда то можно подойти ко Франціи со стороны Франшъ-Конте. Тогда останется только взять Бельфоръ и Гининген, и такимъ образомъ прикрыть себя со стороны Элзаса; между тѣмъ сильный корпусъ въ Швабіи долженъ охранять правое крыло Швейцарской арміи отъ нападенія Французовъ изъ Страсбурга, и прикрывать сообщеніе нашихъ транспортовъ. Обстоятельно изъяснены причины, почему въ семъ общемъ планѣ не показано, какимъ образомъ союзныя войска должны дѣйствовать, то есть, быть ли имъ перемѣшаннымъ между собою, или сражаться порознь по одному плану. Сперва надлежитъ предположить, что Франція нападетъ на Австрію прежде, нежели Россіяне придутъ въ Германію; далѣе, назначеніе общихъ дѣйствій обоихъ Дворовъ зависитъ отъ того, какую сторону возметъ Пруссія, и чего должно ожидать отъ нее — содѣйствія, неутралитета, или отказа. Благодаря мудрымъ мѣрамъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, рѣшеніе сей задачи скоро послѣдуетъ: тогда будемъ въ состояніи, согласно съ желаніемъ Россійскаго Двора, сообщить ему предложенія, относи-

тельно его содѣйствія къ достиженію общей цѣли.

Надобно прибавить здѣсь предварительное замѣчаніе, что черта военныхъ дѣйствій въ Италіи есть самая отдаленнѣйшая; что тамъ надлежитъ начать войну съ возможнѣйшимъ напряженіемъ; что Вѣнскій Дворъ съ поспѣшностію отправитъ туда большую армію, которая могла бы дѣйствовать съ быстротою молніи; что по прошествіи нѣкотораго времени прибытіе Россіянъ въ Италію, и замѣна ими войскъ Императорскихъ Королевскихъ среди движеній военныхъ, будутъ невозможны.

Лишь только узнаемъ о слѣдствіяхъ важнаго предпріятія Россійскаго Кабинета относительно Пруссіи, то немедленно постараемся, чего здѣсь недостаетъ, дополнить дружескими предложеніями и замѣчаніями о дѣйствіяхъ въ Германіи, и сообщить оныя Россіи."

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Какъ страсти унижаютъ человѣка! Ослѣпленный рабъ честолюбія, не видя существенныхъ выгодъ своихъ, дерзновенно по-

пираетъ священнѣйшіе законы; онъ не внемлетъ гласу совѣсти, и все приноситъ на жертву неистовымъ прихотямъ, — все, даже спокойствіе современныхъ и будущихъ поколѣній. Судьба указала Наполеону путь къ безсмертной славѣ; отъ него зависѣло утвердить порядокъ въ государствѣ, быть благодѣтелемъ націи, заслужить благодарность отъ народовъ сосѣдственныхъ, и сказать: „Я возстановилъ религію, умерщвилъ гидру безначалія, возвратилъ Французамъ личную безопасность, успокоилъ встревоженныхъ сосѣдовъ, поставилъ отечество на чреду государствъ благоустроенныхъ. Народы! живите въ мирѣ съ нами! Французы, обманутые блестящимъ призракомъ, наконецъ познали свое заблужденіе, покорились истинѣ, возлюбили порядокъ; они достойны быть вашими друзьями, потому что дорожатъ своимъ и вашимъ счастіемъ.“ Благодарные соотечественники — не рабы, не ласкатели — прославили бы его подвиги, признательные сосѣды назвали бы его своимъ другомъ, и Муза Исторіи напечатлѣла бы имя его въ книгѣ вѣчности подлѣ незабвенныхъ именъ благодѣтелей человѣчества. Еще Европа не отчаевалась въ своемъ спокойствіи, еще могла надѣяться, что любимецъ Фортуны не совсѣмъ забылъ свою должность, когда онъ въ законодательномъ Совѣтѣ (27 Дек. 1804) торжественно увѣрялъ собраніе,

что „не думаетъ разпространять предѣлы „Франціи, но желаетъ укрѣпить ея цѣ„лость; что не понуждается честолюбіемъ „усилить вліяніе свое на Европу, но не „хочетъ лишиться приобрѣтеннаго; что ни „одной области чужой не присоединитъ къ „Имперіи, но не откажется отъ правъ сво„ихъ на государства, имъ сотворенныя.“ Это слова Г-на Бонапарте! Что должно подумать о характерѣ его, сличивъ слова сіи съ дѣяніями? Не видѣли ль мы, что онъ, пользуясь стеченіемъ странныхъ обстоятельствъ, игралъ судьбою государствъ слабыхъ и беззащитныхъ? Не видимъ ли еще и теперь, какъ играетъ счастіемъ народовъ, засѣвая сѣмена раздоровъ и бѣдствій, изпровергая законныя правительства, и на ихъ развалинахъ воздвигая химерическія?

Наконецъ, порабощеніе твердой земли Европы до предѣловъ Россійскихъ, Датскихъ и Шведскихъ, кажется несомнительнымъ; ибо всѣ крѣпости, охранявшія Нѣмецкую Имперію, добровольно отданы Французамъ. Пруссія получила Ганноверъ, но потеряла свою независимость, уступивъ области, весьма важныя для ея безопасности и свободы политической. Англійское Правительство въ самую пору увѣдомилось о поведеніи Пруссіи, и успѣло наложить амбарго въ своихъ пристаняхъ на купеческіе корабли сей

Державы. Теперь уже извѣстно, что и Гамбургскіе корабли также задержаны въ Англійскихъ пристаняхъ. Г. Фоксъ извѣстилъ чужестранныхъ Министровъ, пребывающихъ въ Лондонѣ, что по повелѣнію Его Британскаго Величества устья рѣкъ Эмса, Везера, Эльбы и Травы будутъ заперты по прежнему. Г. Жаксонъ, Англійской Посолъ при Дворѣ Берлинскомъ, получилъ отъ своего Короля повелѣніе возвратиться въ Лондонъ.

*

Лордъ Петти, предлагая нижнему Парламенту новой планъ приходовъ и расходовъ, сказалъ: „Знаю, какъ трудно исполнить мнѣ свою должность, и полагаюсь на снизхожденіе Членовъ. Не останавливаясь надъ несбыточными вычисленіями, предложу въ короткихъ словахъ о состояніи финансовъ въ нашемъ отечествѣ. Въ 1 день Февраля 1806 года долгъ Государственный простирался до 517,283,000 фунтовъ стерлинговъ; сумма расходовъ была 29,760,000, а доходовъ 33,000,000, слѣдственно въ остаткѣ 3,240,000 ф. с. Теперь приступаю къ изчисленію суммъ, назначенныхъ уже, или такихъ, которыя назначены будутъ для издержекъ въ нынѣшнемъ году: На морской Департаментъ 15,281,000, на войска около 18,000,000, на артиллерію въ Англіи и Ирландіи 4,718,000, на разныя выдачи 2,170,000, на дополненіе недоплаченныхъ вспомогательныхъ денегъ 1,000,000

ф. с. Теперь посмотримъ доходы: Подати отъ солоду и недвижимыхъ имѣнїй составятъ 2,750,000; продажа кораблей, отнятыхъ у непрїятеля, принесетъ 1,000,000; отъ военныхъ налоговъ Казначейство получитъ 18,000,000; занять должно 18,000,000 ф. с. и проч. Изъ числа занятой суммы 5,000,000 поступитъ въ уплату стараго долгу; слѣдственно въ нынѣшнемъ году долгъ прибавится только 12,000,000. Предлагаю наложить десятой процентъ на имѣнїя, приносящїя доходу болѣе 50 фунтовъ стерлинговъ. Знаю, что новой налогъ сей будетъ весьма тягостенъ; но знаю также, что отечество дорого цѣнитъ свою независимость. Теперь граждане здѣшнїе должны показать свое постоянство, потому что на внѣшнїя пособїя уже не можемъ надѣяться. Они знаютъ, что ведемъ войну за безцѣнную свободу; знаютъ, что нынѣшнїе Министры обязались наблюдать бережливость, и что сложили бы со стыдомъ званїя свои, если бы не исполнили даннаго обѣщанїя. — Планъ Лорда Петти одобренъ всѣми Членами.

Почти въ то же время во Французскомъ законодательномъ Корпусѣ разсматривали буджетъ приходовъ и расходовъ. Государственный Совѣтникъ Г. Жоберъ по прочтенїи буджета говорилъ между прочимъ слѣдующее:

„Благоразумїе должно хранить то, что приобрѣтено генїемъ, могуществомъ, счастїемъ; благоразумїе требуетъ, чтобы мы ни на минуту не теряли изъ виду положенїя Имперїи, относительно намѣренїй, силы и политики народовъ, насъ окружающихъ. — Сказано было, и къ несчастїю справедливо, что Европа по видимому не можетъ болѣе уже надѣяться на благодѣянїя мира. Обманчивые трактаты обѣщаютъ миръ, неимѣющїй выгодъ перемирїя, то есть отсрочки до начатїя военныхъ дѣйствїй. Нѣтъ народнаго права; обѣщанїя не исполняются.

„Нельзя знать, долго ли продолжится война съ Англичанами, нашими непримиримыми врагами. Отъ обстоятельствъ зависитъ судьба будущаго времени; на нихъ основаны наши надежды вразсужденїи прочнаго мира. Въ срединѣ Европы образуется сила противъ Англїи.

„Англїя, употребивъ во зло страшное могущество свое на моряхъ, сама указала мѣста, гдѣ можно ей воспротивиться. Она напрягаетъ силы свои на моряхъ; надобно противупоставить имъ еще большїя усилїя на твердой землѣ; а какъ Англїя желаетъ отдѣлиться отъ другихъ нацїй, и запретить имъ участїе въ выгодахъ мореплаванїя, то справедливость требуетъ, чтобы и мы отъ нее отдѣлились, и какъ можно большее про-

странство на твердой землѣ сдѣлали для нее неприступнымъ.

„Для удержанія насильствъ надлежало составить союзъ, которой могъ бы *защитить Европу отъ порабощенія.* Франція приобрѣтаетъ себѣ союзниковъ, которые сосѣдствомъ, политикою, родствомъ соединены съ нею. Такимъ образомъ учреждается Французская Имперія, состоящая изъ собственно такъ называемой Франціи и государствъ, которыя соединены будутъ съ нею общими выгодами. Знаемъ, что сей священный союзъ, составляемый единственно для защищенія себя, найдетъ своихъ хулителей; наши непріятели назовутъ честолюбивыми затѣями тѣ мѣры, которыя они же заставляютъ насъ принимать. Но Европа не долго будетъ оставаться въ заблужденіи; она увидитъ, что для безопасности ея надобно чѣмъ-то другимъ замѣнить эту пустую, слабую систему равновѣсія, на которой была основана вся ея политика — систему, которая, вмѣсто спокойствія, производила потрясенія, то есть безпрестанно возраждающіяся бури военныя; надобно замѣнить сію систему простымъ закономъ тяготѣнія, и утвержденіемъ средоточія, неподвижнаго въ отношеніи къ силамъ, его окружающимъ.

„Пришло время противупоставить намѣреніямъ Англіи сильныя препятства; пускай онѣ въ прахъ разсыплются, пре-

ткнувшись о камень могущества Французской Имперіи.

„Англійскіе корабли, нагруженные безполезными сокровищами, тщетно поплывутъ къ берегамъ твердой земли; ихъ нигдѣ не пустятъ. Строгіе отказы наконецъ утомятъ Англію, и заставятъ ее заключить миръ прочный.

„Франція не можетъ надѣяться на миръ, и должна заниматься приготовленіями къ войнѣ на моряхъ и на сушѣ.“

Послѣ сей, достойной примѣчанія рѣчи, которой цѣлью было предложеніе способовъ умножить доходы Франціи, Члены занялись разсмотрѣніемъ счетовъ. Опредѣлено предоставить въ разпоряженіе правительства на издержки за 3 мѣсяца съ 10 днями, оставшіеся отъ республиканскаго 14 года, и на весь 1806 годъ, 894,340,359 франковъ, по слѣдующему раздѣленію: для военнаго Министерства 329,000,000; для морскаго Министерства 166,000,000; для военнаго Департамента 161,000,000; для Министерства юстиціи 25 милліоновъ съ половиною; для Департамента внѣшнихъ дѣлъ 10,000,000; для Департамента внутреннихъ дѣлъ 34,000,000; для Департамента финансовъ 34,000,000; для казны общественной 10,000,000, для духовнаго Департамента 36,000,000; для разныхъ препорученій 15,000,000; для Полиціи 894,445.

фр. Въ продолженіе сего времени въ приходъ имѣетъ поступить 894,000,000 франковъ. Государственной долгъ простирается до 60,000,000. Почтовой Департаментъ принесетъ доходу 11 милліоновъ съ половиною. Цѣна за пересылку писемъ, пошлины на табакъ, соль и проч., будутъ возвышены.

❋

Французы вездѣ оставляютъ послѣ себя плачевные слѣды опустошенія. Жителямъ Анспахскаго Княжества двухъ-мѣсячное содержаніе войска стоило 2,800,000 флориновъ. Недостатокъ во всѣхъ припасахъ увеличивается со дня на день. Въ деревняхъ совсѣмъ нѣтъ корму для скотины, которую поселяне принуждены отдавать за безцѣнокъ, или убивать. Крестьянъ почти всѣхъ выгоняютъ съ подводами для перевозки солдатъ; некому работать въ полѣ и засѣвать нивы: столь печальныя обстоятельства должны имѣть пагубнѣйшія слѣдствія.

Французы потребовали отъ города Франкфурта 4,000,000 флориновъ контрибуціи, обѣщаясь, получивъ половину, немедленно выдти изъ города, а уплату другой половины отсрочить. Требуемая сумма была представлена, и Французы сдержали слово: 4000 человѣкъ вышло изъ города. Обрадованные жители, думая, что избавились отъ

насильствѣ и хищенїй, въ восторгѣ поздравляли другъ друга со свободою; но на другой день, безъ всякаго предварительнаго увѣдомленїя, пришло въ городъ 7000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и прежнїе гости!

*

Между Вѣнскимъ Дворомъ и Французскимъ правительствомъ заключенъ, какъ сказываютъ, договоръ, по силѣ котораго послѣднему дозволяется свободно провести войска свои черезъ Понтебу и Трїестъ въ Истрїю и Далматїю. О числѣ не знаютъ еще достовѣрно: одни полагаютъ 45,000, другїе 30,000 человѣкъ. Но разность въ числѣ не важна; пропустивъ однажды Французовъ, не льзя уже будетъ отказать имъ въ другой и третїй разъ. Вѣнскїй Кабинетъ соглашается на всѣ требованїя Г-на Бонапарте, которой съ своей стороны не почитаетъ нужнымъ скрывать отъ Франца II своихъ намѣренїй лишить его Римской короны. Уже и въ Баварскомъ Королевствѣ запрещено духовенству въ церковныхъ молитвахъ упоминать о Римской Имперїи и Императорѣ. По-видимому очень скоро титулъ сей перейдетъ къ другому. Въ Римѣ дѣлаются приготовленїя къ коронованїю; но не Пїй VII, а Кардиналъ Фешь, дядя Г-на Бонапарте, совершитъ церемонїю; ибо Его Святѣйшество находитъ препятства вмѣшиваться въ дѣла, противныя совѣсти и системѣ поли-

тической. Онъ сомнѣвается, можно ли признать Іосифа Бонапарте въ достоинствѣ Короля Неаполитанскаго, — вѣроятно потому, что не надѣется отъ него получать ежегодно по одному бѣлому коню въ знакъ подданства. Сему-то сопротивленію приписываютъ разнесшійся слухъ, что Пій VII добровольно сложитъ съ себя тройственную корону, и что Кардиналъ Фешь будетъ вмѣсто его Папою.

*

Французы не только не очистили крѣпости Браунау, которую по силѣ Пресбургскаго договора надлежало отдать обратно Австрійцамъ, но стараются со всевозможною поспѣшностію укрѣпить ее. Три тысячи Баварскихъ крестьянъ безъ отдыха работаютъ въ окопахъ, шестьдесять пушекъ большаго калибра стоятъ на батареяхъ. Французскіе Генералы объявили, что не выдутъ изъ Браунау до тѣхъ поръ, пока Россіяне не отдадутъ Каттаро, что въ Далматіи. Такимъ образомъ Австрія можетъ всего лишиться, если Французы станутъ обвинять ее въ собственной своей оплошности.

*

Въ Парижскихъ публичныхъ листкахъ напечатана статья изъ Лейпцига слѣдующаго содержанія: „Слухи о возведеніи Саксонскаго Курфиршества на степень Королевства становятся часъ отъ часу правдо-

подобнѣе. Надѣются, что разные Домы Князей Саксонскихъ, ведущихъ родъ свой отъ линїи *Эрнестинской*, добровольно признаютъ надъ собою господство Курфирста Саксонскаго, произходящаго отъ линїи *Альбертинской*, — съ тѣмъ только условїемъ, чтобы имъ предоставлено было право пользоваться доходами съ своихъ владѣнїй. И такъ, будущее Королевство Саксонское можетъ составиться изъ слѣдующихъ земель: нынѣшняго Курфиршества Саксонскаго, и Лузацїи, въ которыхъ считается 2,150,000 жителей, занимающихъ 1,994 квадратныя мили; далѣе, изъ Герцогствъ и Княжествъ Саксенъ-Готскаго, Саксенъ-Веймарскаго, Саксенъ-Кобургскаго и Саксенъ-Мейнингскаго; изъ Графствъ — Шварцбургскаго, Рейсскаго, Шенбургскаго и округа Эрфуртскаго. Все Королевство Саксонское имѣть будетъ 2,618 кв. м. земли, и 2,850,000 жителей."

*

Въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ было достопамятное засѣданїе членовъ патрїотическаго Клуба. По прочтенїи экстраординарной придворной газеты, въ которой напечатаны донесенїя Вице-Адмирала и Кавалера Бани Сира Дукворта объ истребленїи Французской эскадры при заливѣ Сен-Домингскомъ 6 Февраля, собранїе опредѣлило поднести въ даръ Г-ну Дукворту вазу цѣною въ 400 фунтовъ стерлинговъ, укра-

щенную эмблематическими девизами и приличными надписями; КонтрЪ-АдмираламЪ Кохрану и Луи по одной вазѣ вЪ 300 ф. с., сЪ приличною надписью на каждой; КапитанамЪ и корабельнымЪ КоммандирамЪ — по вазѣ или по шпагѣ (что кому угодно будетЪ принять) во 100 ф. с.; морскимЪ ПоручикамЪ и войсковымЪ КапитанамЪ, тяжело раненымЪ, по 100 ф. с. каждому, получившимЪ легкія раны по 50 ф. с.; ОфицерамЪ третьяго класса, тяжело раненымЪ, по 50 ф. с., получившимЪ легкія раны по 25 ф. с. каждому; ОфицерамЪ четвертаго класса тяжело раненымЪ по 40 ф. с., получившимЪ легкія раны по 25 ф. с. каждому; матросамЪ и солдатамЪ, которые за ранами не могутЪ продолжать службы, по 40 ф. с., тяжело раненымЪ по 20 ф. с., легко раненымЪ по 10 ф. с. — НаконецЪ собраніе приняло на себя обязанность сдѣлать пристойное вспоможеніе бѣднымЪ вдовамЪ, сиротамЪ и родственникамЪ ОфицеровЪ и нижнихЪ чиновЪ, убитыхЪ на семЪ сраженіи.

*

Еще война! Король Шведскій, по благополучномЪ возвращеніи сЪ войскомЪ своимЪ вЪ Померанію, немедленно получилЪ донесеніе отЪ своего ГенералЪ-Адьютанта, начальствующаго на Лауенбургской границѣ, о приближеніи ПрусаковЪ и насильственномЪ вступленіи вЪ область, занятую ШведскимЪ

войскомъ. Была легкая сшибка; Шведы уступили превосходному числу непріятелей. Ожидаютъ обстоятельнѣйшаго извѣстія о происходившемъ сраженіи. Въ слѣдствіе того Король повелѣлъ наложить амбарго на всѣ Прусскіе корабли, находящіеся въ Шведскихъ гаваняхъ. — Главная квартира Королевская въ Грейфсвальдѣ.

Наслѣдный Принцъ Мекленбургскій сооружилъ памятникъ въ Бозѣ почившей Супругѣ своей, Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Ранняя кончина сей Государыни, обладавшей рѣдкими качествами души и сердца, не только опечалила Дворы, но привела въ уныніе всѣхъ Нѣмцовъ, разрѣшивъ нѣкоторымъ образомъ узы, соединявшія Россію съ угнетенною Германіею. Тишина и уединеніе мѣста, на которомъ покоится прахъ Незабвенной Княгини, должны быть священны для каждаго, кто любитъ въ сладкой задумчивости мечтать, какъ быстро летитъ время, какъ отцвѣтаетъ красота, какъ изчезаетъ величіе. Ни одинъ истинный Россіянинъ равнодушно не взглянетъ на храмину, сокрывающую драгоцѣнные остатки Пра-правнуки ПЕТРА Единственнаго, Внуки ЕКАТЕРИНЫ Великой. Надѣясь оказать [illegible]тателямъ пріятную услугу, прилагаемъ картинку съ изображеніемъ памятника.

Онъ имѣетъ видъ мавзолея. Сооруженіе поручено было живущему въ Гамбургѣ, славному Архитектору Раме, котораго отличнѣйшими дарованіями по части зодчества и садоводства, къ несчастію, мало пользуются въ наши времена, не весьма благопріятныя для обоихъ сихъ художествъ. — Принцъ выбралъ мѣсто самое приличнѣйшее, недалеко отъ Лудвигслуста: оно обширно, удалено отъ шуму, осѣнено и украшено дубами, буками, нарочно разсаженными сосновыми и еловыми деревами, ивами, тополями, благоухающими кустами, — словомъ, всѣмъ, что ни представляетъ Натура прекраснаго и соотвѣтственнаго мѣсту покоя и размышленій.

Мавзолей сооруженъ изъ камня, и имѣетъ въ длину 74, въ ширину 44 фута. Широкая лѣстница о 9 ступеняхъ ведетъ къ перистилю (родъ крытой галлереи), состоящему изъ четырехъ столбовъ дорическихъ, которые поддерживаютъ фронтонъ съ надписью Латинскими буквами: ЕЛЕНѢ ПАВЛОВНѢ; дверь сдѣлана изъ краснаго дерева съ бронзою. Изъ периситиля входятъ въ преддверіе, откуда лѣстница ведетъ на верхъ въ часовню Греко-Россійской вѣры. Изъ того же преддверія внизу дверь ведетъ во внутренность храмины, на срединѣ которой стоятъ два гроба — одинъ съ тлѣнными остатками Великой Княгини; другой для осиротѣвшаго Супруга. На каждомъ изъ

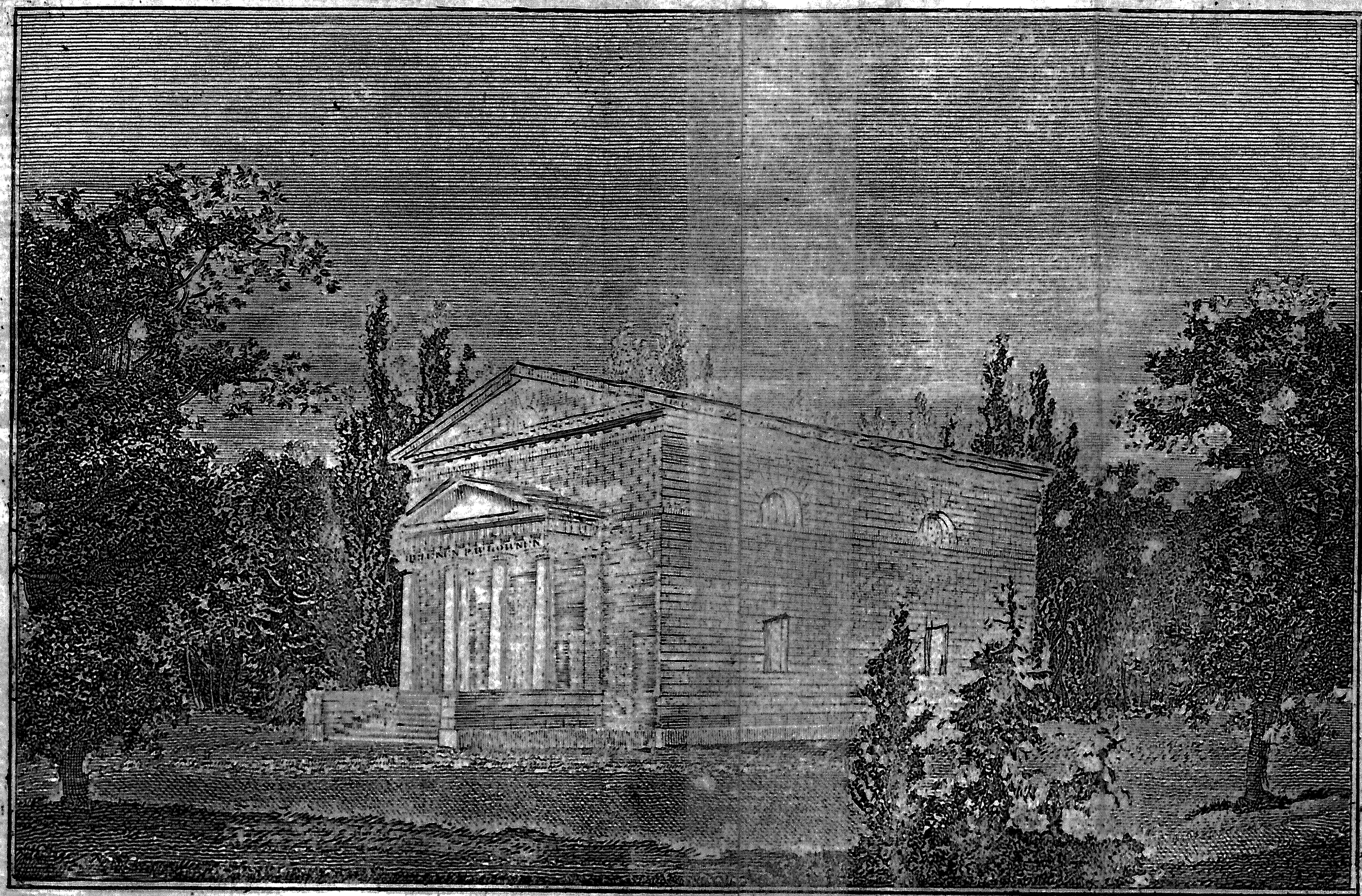
четырехъ угловъ амвона стоитъ по одному бронзовому подсвѣчнику. Гробы покрыты богатымъ, златошвейнымъ алымъ бархатомъ. Храмина со сводомъ имѣетъ въ діаметрѣ 38 футовъ, въ вышину столько же. Свѣтъ входитъ сверху; внутренность отдѣлана штукатурою; по синему полю разсѣяны бронзовыя, вызолоченныя звѣзды. — Отъ Россійскаго Двора дано повелѣніе Миссіи, находящейся въ Берлинѣ, ежегодно два раза посылать Священника въ Лудвигслустъ, для отправленія панихиды въ часовнѣ по обряду Греческой Церкви.

ОШИБКИ

въ 8мъ Нумерѣ Вѣстника Европы:

Напечатано:			*Читать должно:*
Стран.	стр.		
261	11	Предтечей	Предтеча
284	5	но Я	но я
286	24	fage	sage
295	18	и если дозволитъ взнуздать себя, если	Конь если Конь дозволитъ взнуздать себя, и если

При сей книжкѣ картинка.



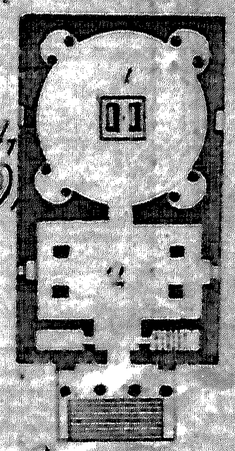
Мавзолей Великой Княгинѣ,

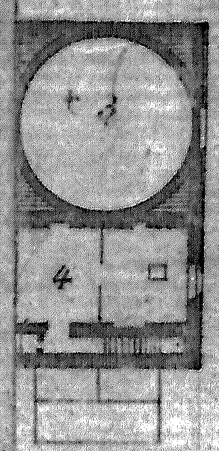
Елисаветѣ Павловнѣ,

соорудженной Супругою Ея,

Наслѣдною Принцею

Мекленбургскою.





№ 1. Хранилище со сводомъ для гробницъ. 2. Предсѣнь. 3. Планъ Храмовой на уровнѣ съ Гасовіемъ. 4 Гасовія.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ, 1806.

№ 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Вѣчность.

Завѣса вѣчности открылась;
И міръ вещественный исчезъ;
Мнѣ новая земля явилась
И новая краса небесъ;
Преобразилась вся вселенна;
Изъ тлѣнной сдѣлалась нетлѣнна. —
Сквозь свѣтъ я вижу лучшій свѣтъ;
Сіялъ, какъ солнце, онъ въ началѣ;
Но чѣмъ смотрю я далѣ — далѣ,
Тѣмъ паче блещетъ, — но не жжетъ.

*

Какое дивное сіянье
Явилося моимъ очамъ? —
То прежнее свѣтилъ сліянье
Составилось въ пресвѣтлый храмъ;

Тамъ души праведныхъ витаютъ,
Со Херувимами летаютъ, —
Познавъ небесную любовь,
То въ чистый свѣтъ соединятся,
Играя паки разлучатся,
И веселясь, сліются вновь.

*

Что въ мірѣ семъ существовало,
И что имѣло бренну плоть,
То въ вѣчности духовнымъ стало:
Вездѣ сіяетъ самъ Господь.
Безъ солнца тамо все свѣтлѣетъ,
И плоть безсмертную имѣетъ;
Нѣтъ мраковъ, бурь, ни облаковъ;
Перуновъ слышно чуть шептанье,
И молній сходствуетъ блистанье
Разсвѣту утреннихъ часовъ.

*

Которое всегда парило,
Не отдыхая вдаль текло,
Здѣсь время крылья отложило
И въ нѣдрахъ вѣчности легло.
Какъ въ море возвращенны рѣки,
Исчезли въ ней летящи вѣки,
Или какъ въ воздухѣ слова;
Вкушаютъ души жизни росу,
И смерть, свою отвергнувъ косу,
Лежитъ сама во тмѣ мертва.

*

Съ какою радостью Содѣтель
Зритъ души праведниковъ тѣхъ,
Любя которы добродѣтель,
Смиряя плоть, мертвили грѣхъ!
Подъ сѣнью Божеской порфиры
Настроивъ сладкострунны лиры,
Хоръ Ангельскій они поютъ;
Господнимъ взоромъ восхищенны,
Зарями свѣта облеченны
Сіянье сами издаютъ.

*

А вы, сердца ожесточенны,
Уничтожатели Творца,
Вы вѣчно, вѣчно отлученны
Отъ Всемогущаго Лица.
Враги внушенной свыше Вѣры,
Любили вы питать химеры
Плоды развратнаго ума;
Теперь вы правды свѣтъ познали,
Приближиться къ нему взалкали;
Но васъ въ оковахъ держитъ тма.

*

Страдальческой вѣнчанны кровью
Въ мученьяхъ, въ скорби, во слезахъ!
Съ какой небесною любовью
Вы приняты на небесахъ!
Чрезъ кои жизни вы лишились,
Тѣ язвы въ свѣтъ преобратились,

И лучь простерся въ темный адъ;
Убійцы вашу славу видятъ,
Свое злодѣйство ненавидятъ,
И тусклый потупляютъ взглядъ.

*

Открытымъ мнѣ лицемъ явилась
Натура въ новомъ существѣ;
О! какъ она преобразилась,
Сіяя въ самомъ Божествѣ!
Въ значеніи своемъ высокомъ
Она была Господнимъ окомъ,
И мысль Его была и слухъ;
Теперь въ спокойство возвращенна,
Ко свойствамъ Божьимъ приобщенна,
Въ ея вліяся чистый духъ.

*

Когда въ исходъ вѣковъ трубою
Усопшихъ Ангелъ воззоветъ;
Въ землѣ покрыты долго тмою,
Они проснутся — узрятъ свѣтъ, —
Не будутъ ихъ дѣла забвенны,
Имъ совѣсть чувства сокровенны
Какъ въ зеркалѣ изобразитъ;
Грѣхи, что были имъ любезны,
Отверзли имъ горящи бездны;
Надъ ними Божій гнѣвъ гремитъ.

*

Но Милость кроткій гласъ возноситъ,
Предъ Божіимъ склонясь лицемъ,
Въ слезахъ прощенья грѣшнымъ проситъ, —
И Богъ вины прощаетъ всѣмъ;
Тѣмъ всякая печаль забвенна;
Неизмѣримая вселенна
Единый кажется чертогъ,
Единой паствы зрится стадо,
Народы всѣ — едино чадо,
Ихъ Царь, ихъ жизнь — единый Богъ!

М. Херасковъ.

II.

Бездѣлки.

Что тамъ за щумъ? — вскричалъ Баронъ Глоссенъ, отворивъ дверь, за которою раздался глухой звукъ, подобный катящейся грудѣ снѣга. — „Ничего, милостивой государь! *бездѣлка*!“ — отвѣчалъ голосъ снизу лѣстницы. — Опять *бездѣлка*! вскричалъ Баронъ, и съ досадою хлопнулъ дверью. — „Не гнѣвайтесь, Ваше Превосходительство; по несчастію, я скатился внизъ съ лѣстницы;“ — сказалъ Управитель, стеная и боязливо отворяя дверь. — За чѣмъ такъ часто бѣгаешь туда и сюда? — „За суцею *бездѣлкою*, Ваше Превосходительство! мѣ-

сяцъ окончился; имѣю честь представить вамъ отчетъ въ расходахъ." — Баронъ расположился слушать со вниманіемъ. — „Во-первыхъ — продолжалъ Управитель — выдано на заплату за разныя *бездѣлки*, выписанныя изъ резиденціи для Ея Превосходительства, триста талеровъ . . ." — Триста талеровъ за *бездѣлки*! — вскричалъ Баронъ съ досадою, и вырвалъ бумагу изъ рукъ Управителя. — „Милостивый государь! это была коробочка, такая маленькая, что вещица, въ ней лежавшая, могла бы войти въ орѣховую скорлупинку." — Ты одинъ? — спросила Баронесса, отворяя дверь. — Управитель съ благоговѣніемъ отступилъ назадъ, и значительно посматривалъ на голову Баронессы, на которой развѣвалось кружевное покрывало въ триста талеровъ. — Взоры Бароновы слѣдовали за взорами Управителя; онъ кругомъ осмотрѣлъ Баронессу, ворча про себя. — „Я пришла къ тебѣ съ прозьбою: поѣдемъ вмѣстѣ къ старому Графу. Я получила изъ резиденціи эту *бездѣлку*, и хочу удивить ею нашихъ сосѣдокъ." Баронесса, держа покрывало передъ собою, видѣла сквозь него пылающіе взоры своего супруга, подобные яркому блеску солнца, закрытаго легкими облаками. — „Съ тобою, Эбергардъ, завтра увидимся — сказалъ Баронъ, давая знакъ Управителю, чтобъ онъ вышелъ; потомъ оборотясь къ женѣ своей, продол-

жалъ: — мы теперь одни, моя милая! знаешь ли, чего стоитъ бездѣлка, которою ты хочешь удивлять сосѣдовъ?" — Узнаю, когда скажешь, другъ мой! — „А я такъ знаю, — отвѣчалъ Баронъ, показывая ей расходную записку — прочтите, сударыня! прозрачное покрывало не помѣшаетъ вамъ увидѣть трехъ сотъ талеровъ, которые тутъ написаны." — Чтожь дѣлать! — со вздохомъ отвѣчала Баронесса — по несчастію, въ наше время модныя *бездѣлки* очень дороги... — „Не лучше ли, сударыня, выкинуть изъ головы модныя свои затѣи? проклятыя *бездѣлки* разоряютъ меня. Загляните въ этотъ шкапъ; тамъ лежитъ двадцать расходныхъ записокъ, по которымъ плачено за *бездѣлки* наличными деньгами. Увидѣвши вчера, какъ крестьяне встаскивали на лѣстницу два огромные короба, и какъ твоя горничная заботилась около другихъ трехъ длинныхъ коробокъ, я подумалъ-было, не появилась ли гдѣ-нибудь близко чума, которая заставляетъ сосѣдовъ переселяться въ домъ мой со всѣми пожитками. О, нѣтъ сударь — отвѣчала мнѣ дѣвка — это *бездѣлки*, присланныя изъ города Баронессѣ. Между тѣмъ крестьяне терпятъ голодъ, и я долженъ кормить ихъ своимъ запаснымъ хлѣбомъ." — Я слушала васъ терпѣливо, Баронъ, и ожидала конца проповѣди. Теперь дозвольте мнѣ воспользоваться сею минутою.

И такъ спрашиваю, за тѣмъ ли вы приѣхали въ этотъ горной замокъ, чтобъ только стрѣлять медвѣдей и орловъ? или хотите еще остаться въ нѣкоторой связи съ прочими живыми существами? — „Не о томъ рѣчь, моя милая!“ — Нѣтъ, о томъ рѣчь, мой милой! я хочу знать вашу волю, ибо вы человѣкъ странной своими поступками, которыхъ перемѣнять не любите. — Баронъ вздохнулъ, молчалъ и смотрѣлъ въ землю. — Если вы рѣшились быть настоящимъ Нимвродомъ — продолжала Баронесса, то, проклиная всѣ *бездѣлки*, модою изобрѣтаемыя, очень хорошо дѣлаете; но если имѣете намѣренїе иногда видѣться съ сосѣдами, иногда ѣздить въ городъ, то совѣтую вамъ не забывать сихъ *бездѣлокъ*, которыя свято уважаются и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ, и въ Мадритѣ, и въ Лиссабонѣ. — „Другъ мой! — сказалъ Баронъ боязливо — надобно, чтобъ всякое слово въ точности означало вещь, о которой даетъ понятїе. У насъ вошло въ обыкновенїе говорить о *бездѣлкахъ*, покупать *бездѣлки*, заказывать *бездѣлки*; въ счастливые два года нашего супружества мы издержали на *бездѣлки* 10,000 талеровъ; знатное имѣнїе истощается на *бездѣлки*, и наконецъ само превратится въ *бездѣлку*. Эта бездѣлка стоитъ того, чтобъ о ней подумать.“ — Душа моя! — отвѣчала Баронесса, ласково гладя щеку своего мужа: — мы

имѣемъ двѣ противныя слабости. У васъ жизнь то, что у черепахи черепъ, къ которому она приросла, и которой съ большимъ трудомъ принуждена вездѣ таскать съ собою; у меня она есть — кукла, которую раздѣваю и одѣваю по произволу. Кто изъ насъ счастливѣе? Внутреннее разположенїе наше дѣлаетъ жизнь или прїятною, или несносною. — Баронъ, пожавъ плечами, замолчалъ. — Поѣдемъ же къ Графу — продолжала Баронесса; а я обѣщаюсь за то ходить съ вами вмѣстѣ въ хлѣбные анбары, и даже смотрѣть, какъ станутъ стричь вашихъ Испанскихъ овецъ. — Баронъ приказалъ подать карету, и еще разъ прискорбно взглянулъ на кружевное покрывало. Подвезли карету; Баронесса дружески подала руку мужу, и оба отправились въ замокъ стараго Графа фонъ Гаузена, которой, укрывшись отъ свѣтскаго шума, въ семъ убѣжищѣ велъ спокойную жизнь съ дочерьми своими и внуками. Молодыя Графини тотчасъ увели Баронессу въ садъ, желая избавить ее отъ скучной бесѣды съ важнымъ старикомъ. Баронъ остался съ Графомъ. — „Дорогой сосѣдъ! — сказалъ Графъ, откупоривая бутылку — хочу потцеголять передъ вами стариннымъ запасомъ моихъ предковъ; выпьемъ за упокой благочестивыхъ душъ ихъ.“ — Баронъ не отказался, и вино мало по малу разгладило угрюмыя морщины на лицѣ стар-

ца. „Да — сказалъ Баронъ — о прежнихъ временахъ не льзя вспомнить безъ умиленія; тогда замки наши были обиталищемъ храбрости и домашняго счастія.“ — Не думаю — отвѣчалъ Графъ улыбаясь. Конечно, люди прославившіе четырнадцатый вѣкъ были храбры; однакожь, Богъ да упокоитъ ихъ души, они были бы колесованы, еслибъ дожили до осмнадцатаго. Какъ бы то ни было, но исторія ихъ занимательнѣе и важнѣе нашей; они были Ангелами губителями своихъ околотковъ; ихъ упражненія придавали большую цѣну той *бездѣлкѣ*, которую мы называемъ жизнію. — „Какъ! — вскричалъ Баронъ — и у васъ *бездѣлки*? Жаль мнѣ, что въ разговорѣ вашемъ нахожу систему жены своей.“ — Сказать правду, любезной Баронъ, супруга ваша такъ молода, что ей не пора еще думать о системахъ. — „Я говорю не о томъ; думать и платить по-счетнымъ запискамъ она оставляетъ на мое попеченіе, и все считаетъ за *бездѣлку*.“ — Она права; въ самомъ дѣлѣ жизнь наша развѣ не *бездѣлка*? Повѣрьте мнѣ, Баронъ! я знаю свѣтъ. Насѣкомое ползетъ на стебель, потомъ падаетъ долой — вотъ образъ нашей жизни! Исторія моя служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Такъ, дорогой сосѣдъ! по милости *гусеницы* я женился; *кашель* доставилъ мнѣ полкъ; *желудочной судорогѣ* благодарю за орденъ; *мо-*

золъ была причиною неблаговоленія ко мнѣ Владѣтельнаго Князя. Видите, какъ судьба постепенно вела меня къ системѣ *бездѣлокъ.*" — Любезной Графъ! — сказалъ Баронъ — я имѣю все, о чемъ вы ни упомянули, однакожь не получилъ еще ни полку, ни ордена. Не льзя ли научить меня, какимъ образомъ это можетъ послужить ко счастію?" — Очень легко — отвѣчалъ Графъ — стоитъ только вамъ терпѣливо выслушать мою исторію, которую я готовъ теперь же разсказать вамъ. — Баронъ пододвинулъ кресла ближе къ Графу, сѣлъ противъ него прямо, и приготовился слушать. Графъ съ веселою улыбкою началъ:

Бывъ молодъ, я имѣлъ высокія мысли о свѣтѣ и о людяхъ; судя по своимъ чувствамъ, я заключалъ объ ихъ чувствахъ; судя по тому, что написано въ книгахъ, заключалъ объ ихъ поступкахъ: съ сими понятіями вступилъ я въ свѣтъ. Я былъ богатъ; всѣ домы были для меня отворены; черные и голубые глаза пристально смотрѣли на мои; вездѣ встрѣчали меня съ веселымъ лицемъ, съ дружескою улыбкою. Я умѣлъ остеречься отъ всѣхъ прелестей красоты, отъ всѣхъ соблазнительныхъ впечатлѣній; но не могъ устоять противъ — *гусеницы.* — „Странное дѣло! — сказалъ Баронъ — я устоялъ бы." — Слушайте далѣе.

Въ одинъ день у меня въ саду обѣдали гости. Послѣ обѣда всѣ разошлись искать прохлады у ручейковъ, журчащихъ въ тѣнистыхъ кустарникахъ. Я самъ, бывъ разгоряченъ виномъ и солнечнымъ зноемъ, ходилъ въ густой тѣни, и забавлялся пріятными мечтами.

Помогите! Бога ради! нѣкто закричалъ голосомъ отчаяннымъ, и въ ту же минуту блѣдное лице прелестной женщины склонилось на грудь мою. — Графиня! сказалъ я въ замѣшательствѣ — чего вы испугались? — Ея смятеніе на меня сильно подѣйствовало; я не зналъ, что мнѣ начать съ блѣднымъ лицемъ, лежащимъ на груди моей; члены ея трепетали въ моихъ объятіяхъ. Бога ради помогите! — закричала она опять, указывая рукою на дрожащую грудь свою. Я увидѣлъ хвостъ длинной *гусеницы*, которая пряталась подъ косынку. Пальцы мои съ надлежащею осторожностію поползли въ слѣдъ за чудовищемъ; — но судьбѣ угодно было бросить на косынку Графини самую проворнѣйшую изъ всѣхъ *гусеницъ* въ Германіи; и такъ пальцы мои на силу поймали отвратительное насѣкомое на прелестномъ холмикѣ, и съ трепетомъ назадъ выползли. Ощущеніе ползущей *гусеницы* погасило послѣднюю искру жизни въ моей дамѣ; я взялъ ее на руки, положилъ на дерновомъ канапе,

мгновенно принесъ изъ ручья воды; и оросилъ прохладнымъ дождемъ блѣдное лице безчувственной. Мѣсто, гдѣ поймалъ я свою добычу, было открыто передо мною; булавка, которою косынка была приколота, выпала; убѣжище *гусеницы* открывалось болѣе и болѣе отъ движенія груди, которая то поднималась, то опускалась. Наконецъ, любезной Баронъ, красавица опамятовалась, испугалась, увидѣвъ свое положеніе — и лице ея покрылось розами стыдливости. Я проводилъ ее къ гостямъ, и получилъ благодарность за оказанную помощь. Голосъ ея былъ такъ пріятенъ, голубые глаза ея смотрѣли на меня такъ пристально, такъ значительно, убѣжище *гусеницы* было такъ прелестно! . . . Вы молоды, Баронъ! о прочемъ не нужно вамъ сказывать; сами догадаетесь. Я получилъ дозволеніе посѣщать Графиню, и каждой день пользовался своимъ правомъ. Она пѣла, играла на арфѣ, говорила о чувствительности, и плакала отъ жалости, увидѣвъ мертваго мотылвка у ногъ своихъ. Я познакомился короче, вошелъ въ довѣренность, меня полюбили; я былъ богатъ, она бѣдна; черезъ три мѣсяца мы обвѣнчались: вотъ вамъ исторія моей *гусеницы*. — „Скажите лучше, Графъ, исторія вашего сердца.“ — Однакожь вы слышали, Баронъ, что сердце мое противилось всѣмъ искушеніямъ до тѣхъ

порЪ, пока отвратительное животное не возбудило во мнѣ жалости и чувственныхЪ вожделѣнїй. АхЪ! я часто вспоминалЪ о сей минутѣ. Супружество наше продолжалось шесть лѣтЪ, и каждой разЪ, а особливо вЪ послѣднїе годы; когда входилЪ я вЪ комнату своей Графини, она принимала на себя такой видЪ, какЪ будто все еще *гусеница* ползала подЪ ея косынкою. Теперь послушайте о *кашлѣ*. — „СЪ великою охотою — сказалЪ БаронЪ; — онЪ меня часто мучитЪ.“ — ГрафЪ продолжалЪ:

Владѣтельный Князь пожаловалЪ мнѣ Офицерское мѣсто вЪ одномЪ изЪ полковЪ своей Гвардїи; надобно знать, что я лишь только началЪ ходить; уже былЪ КапитаномЪ; надлежало переселиться вЪ резиденцїю. ВЪ послѣднїе годы супружества я привыкЪ каждой вечерЪ бродить по темнымЪ улицамЪ находя удовольствїе смотрѣть на погасающїя свѣчки и лампады; благодаря симЪ прогулкамЪ, я получилЪ жестокой *кашель*. Но вЪ домѣ моемЪ спокойствїе не обитало, комнатной воздухЪ не избавлялЪ отЪ *кашля*, и я снова пустился бродить по городу. ВЪ одинЪ темной вечерЪ случилось мнѣ идти по отдаленной улицѣ; *кашель* принуждаетЪ меня остановиться, — эхо на концѣ улицы повторяетЪ мои звуки; опять кашляю, и

опять слышу отзывы; иду на голосъ, и кашляю въ третій разъ. Вдругъ хватаетъ меня мягкая рука, и ведетъ за собою въ отворенную дверь дома. Имѣя 28 лѣтъ отъ роду, дозволишь вести себя, куда угодно, маленькой пухленькой ручкѣ; я слѣдовалъ безъ сопротивленія. Всходимъ вверхъ по лѣстницѣ, идемъ черезъ коридоръ, почти темной; отворяется комната, слабо освѣщенная; женщина, сидѣвшая на софѣ, протягиваетъ ко мнѣ бѣлыя руки; я сбрасываю съ себя плащь; руки обнимаютъ меня, и въ тоже мгновеніе съ ужасомъ отталкиваютъ назадъ. Я стоялъ въ изумленіи передъ полуобнаженными прелестями, и передъ лицемъ, закрытымъ обѣими руками; пальцы мои съ почтительнымъ усиліемъ старались обнаружить незнакомку. — „Графъ! — сказала она дрожащимъ голосомъ, открывъ пылающее лице свое, на которомъ изображалось смятеніе — не употребите во зло моей ошибки!“ — Я упалъ къ ногамъ ея. Это была — любовница Владѣтельнаго Князя; ея прелестныя руки управляли кормиломъ государства и держали мечь правосудія. Тогда, любезной Баронъ, я былъ пригожѣе, нежели теперь; взоры мои съ благоговѣніемъ поднялись къ ея глазамъ; уста мои съ клятвою обѣщались хранить молчаніе и вѣрность. Ея тайна была открыта, что оставалось дѣлать! она взгля-

нула на меня благосклонно; подняла съ земли милостиво; глаза ея устремились на мои глаза; губы мои прильнули къ ея губамъ; я исчезалъ въ восторгахъ, — какъ вдругъ горничная, моя путеводительница, постучалась въ дверь. — „На улицѣ передъ домомъ незнакомая, дрожащая отъ холода фигура, бѣгаетъ взадъ и впередъ, и мучится *кашлемъ*:“ — Не отвѣчать, — тихонько сказала моя дама; — горничная удалилась. На разсвѣтѣ я осторожно прокрался изъ дверей на улицу. Съ того времени началось мое счастїе. Прежде заслуги мои оставались въ забвенїи; но судьба поспѣшно загладила свою ошибку. Все, что я ни дѣлалъ, было полезно и прекрасно, чего однакожь прежде совсѣмъ не замѣчали. Я ѣздилъ верхомъ *бодро*, танцовалъ *легко*, говорилъ *умно*; даже самъ Владѣтельный Князь, всмотрѣвшись въ эстампъ, висѣвшїй на стѣнѣ въ кабинетѣ, нашелъ, что я очень похожу на великаго Конде, хотя въ самомъ дѣлѣ между мною и симъ Полководцемъ не было никакого сходства; но Его Свѣтлость изволилъ смотрѣть глазами любви; а рука любви возвела меня на степень полковаго Шефа.

Почему вы, Графъ, просилъ Баронъ — называете это исторїею *кашля*? Развѣ, сидя съ красавицею на софѣ цѣлую ночь, вы

только кашляли?" — Однакожъ, Баронъ — отвѣчалъ Графъ — вѣдь *кашель* отворилъ мнѣ дверь въ домъ ея; безъ него заслуги мои остались бы въ забвеніи. Виватъ *кашель*! — слушайте далѣе. Лишась жены, я всего себя посвятилъ Двору, то есть Владѣтельному Князю и его любезной. *Желудочныя судороги* часто безпокоили Его Свѣтлость, и напоминали земному богу о бренности тѣлеснаго состава его. Въ одинъ день, лишь только я вошелъ въ кабинетъ Князя, припадокъ сей началъ его мучить съ такою жестокостію, что онъ, громко закричавъ, бросился прямо ко мнѣ на шею. Я, ухвативъ его изо всей силы обѣими руками, повалился съ нимъ на софу. Князю стало легче по моему старанію; я остался при немъ, успѣлъ развеселить его, и отходя имѣлъ счастіе удостоиться пожатія руки. „Я государство!" говаривалъ Лудовикъ XIV; многіе Монархи прежде и послѣ его думали тоже, хотя и не говорили. На другой день я получилъ благосклоннѣйшій отъ Его Свѣтлости рескриптъ, — въ которомъ отдана полная справедливость моимъ подвигамъ, важнымъ для Государства, — съ приложеніемъ ордена N. N. большаго креста.

Хотя на знакахъ ордена и не написано было Honni ſoit qui mal y penſe, однакожъ я

читалъ сїи слова, возлагая на рамена свои ленту *желудочной судороги*; потомъ съ поспѣшностїю отправился во дворецъ, для принесенїя Владѣтельному Князю всеподданнѣйшей благодарности. — „Вамъ во всемъ счастье! — сказалъ Баронъ: — получить орденъ за то, что нечаянно удалось давнуть кулакомъ въ брюхо!“ — Поживете больше, Баронъ, такъ узнаете по собственному опыту, какїя важныя дѣла происходятъ отъ *бездѣлокъ*. Дайте мнѣ кончить исторїю. Мое честолюбїе удовлетворено. Я пользовался дружбою Владѣтельнаго Князя, и любовїю его повелительницы; всѣ старанїя моихъ враговъ оставались тщетными. Но чего не могли сдѣлать зависть и злоба, то удалось — *мозоли*. Кто изъ смертныхъ былъ чуждъ проступковъ? и я въ свою очередь впалъ въ непростительной грѣхъ, а именно: въ восемь лѣтъ счастливой моей жизни не сдѣлался ни моложе, ни красивѣе, между тѣмъ какъ около насъ же вертѣлись господчики, такїе молоденькїе, такїе прекрасные . . . а извѣстно, что отъ любви, которая бытїемъ своимъ обязана *кашлю*, до холоднаго равнодушїя только одинъ шагъ. Я и она непримѣтнымъ образомъ перешагнули этотъ небольшой промежутокъ, не нарушая однакожь ни благопристойности, ни вѣжливости, — то есть, мы имѣли непреодолимое отвращенїе одинъ отъ другаго,

не открываясь во взаимныхъ своихъ чувствахъ. Только изъ обхожденія Владѣтельнаго Князя со мною можно было замѣтить перемѣну прелестницы. *Желудочныя судороги*, которыя по прежнему иногда безпокоили Его Свѣтлость, уже проходили безъ моей помощи; лице мое день ото дня болѣе измѣнялось, и теряло сходство съ портретомъ великаго Конде. Близка была минута моей отставки; *мозоль* ускорила ея приближеніе.

Женщина, о которой говорю, имѣла свои особенныя причудливости. Одна изъ любимыхъ ея странностей была нѣжная привязанность къ натурѣ и *ея дѣтямъ*; такъ напримѣръ, она съ нѣжностію заботилась объ одномъ деревенскомъ семнадцати-лѣтнемъ, здоровомъ и плотномъ мальчикѣ, котораго не задолго передъ тѣмъ взявъ изъ рукъ натуры, опредѣлила въ пажеской корпусъ. Дѣло непостижимое, какимъ образомъ сіе чадо натуры, неносившее никогда тѣсныхъ башмаковъ, натерло на ногѣ своей *мозоль*; но довольно сказать, что эта проклятая *мозоль* точно была на его ногѣ, и что въ сіе только мѣсто, какъ нѣкогда Ахиллеса, можно было поранить моего героя. Въ одинъ день поутру долгъ учтивости заставилъ меня посѣтить красавицу. Стукъ тяжелыхъ гвардейскихъ сапоговъ издали возвѣстилъ о моемъ приходѣ. Еще въ передней

горницѣ, въ которой никого не было, я услышалъ шумъ. Богиня въ смятенїи встрѣчаетъ меня у дверей, и спрашиваетъ повелительнымъ голосомъ: что мнѣ надобно? Я, привыкши въ послѣднїе годы супружеской жизни своей смотрѣть безъ робости на изъявленїе страха и замѣшательства, не теряю присутствїя духа, и приближаюсь къ двери. Хозяйка останавливаетъ меня на каждомъ шагѣ, говоритъ, что хочетъ быть одна, и что разстроено ея здоровье. Я напоминаю ей о счастливыхъ дняхъ любви нашей: она зажимаетъ мнѣ ротъ рукою, и толкаетъ назадъ отъ двери. Усиливаюсь подвинуться впередъ, меня удерживаютъ; отскакиваю въ сторону, чувствую подъ каблукомъ своимъ нѣчто твердое, и въ туже минуту слышу страшной ревъ, которой раздался изъ за женскаго платья, висѣвшаго у стѣны, и которой на ту пору показался мнѣ по крайней мѣрѣ пушечнымъ выстрѣломъ. Оборачиваюсь назадъ, и вижу — *дитя натуры*, оскалившее зубы отъ боли. Я хотѣлъ извиниться въ своей неосторожности передъ красавицею, но ее уже не было. Я воротился домой, и въ тотъ же самой день получилъ повелѣнїе удалиться въ свои помѣстья, для того что — такъ написано было въ Указѣ — Государство не имѣетъ болѣе нужды въ моей службѣ. Съ тѣхъ поръ, любезной Баронъ, живу здѣсь съ моимъ

семействомъ. Вивать *бездѣлки*! по милости *гусеницы* я имѣю любезныхъ дочерей; *мозоль* возвратила мнѣ драгоцѣнную вольность!

„Не надобно судить о вещахъ съ перваго взгляду — сказалъ Баронъ; — не надобно искать добра тамъ, гдѣ нѣтъ его. У меня же есть неоспоримые доводы, оправдывающіе мою систему. Мода, напримѣръ, мать *бездѣлокъ*, мнѣ стоитъ много, очень много денегъ.“ — Супруга ваша молода, — отвѣчалъ Графъ — и любитъ наряжаться; чтожь въ томъ худаго? Пусть женщина играетъ куклою; бѣда, если, бросивъ куклу, примется за что-нибудь другое. — „Правда, правда! — вскричалъ Баронъ; — ваша система хороша; постараюсь соединить ее съ моею. Раздѣлю на двѣ половины журналъ мой, и буду записывать въ первую — важныя дѣла, а въ другую — *бездѣлки*. Однакожь, любезной Графъ! жена моя молода, богата, прекрасна; я каждую зиму провожу въ городѣ и при Дворѣ; что, если она вздумаетъ любовь, вѣрность и семейственное счастіе перенести изъ половины важныхъ дѣлъ въ половину *бездѣлокъ*? что мнѣ тогда останется дѣлать?“ —

Отгадай, кто? — вскричала Баронесса, которая, тихонько вбѣжавши въ комнату, зажала глаза своего мужа. — „То же что

теперь" — шепталъ старикъ Барону, которой увернулся отъ рукъ Баронессы. — „Любезной сосѣдъ! — продолжалъ Графъ — въ сїю минуту глаза ваши были закрыты, и вы опять видите насъ передъ собою; вы находились въ счастливѣйшемъ положенїи, какое только мудрость предписать можетъ; однакожь, открыть глаза для того, чтобъ любоваться прелестями такой милой супруги, очень простительно. Послушайте, Баронъ — продолжалъ Графъ, подведя Баронессу къ объятїямъ ея мужа: — это сердце, тихое дружество, внутреннее спокойствїе и независимость — вотъ что важно въ человѣческой жизни! храните все сїе, пользуйтесь имъ, и не вооружайтесь противъ *бездѣлокъ*, которыя пестрятъ жизнь нашу, какъ прелестные цвѣточки украшаютъ поле." — Баронесса крѣпко прижала супруга къ своему сердцу; — и, *бездѣлка*, нѣжный поцѣлуй заставилъ восхищеннаго Барона забыть о половинѣ журнала своего для важныхъ дѣлъ.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

III.

О новой методѣ воспитанія, изобрѣтенной Песталоцціемъ, Швейцарскимъ Педагогомъ.

Многіе путешественники, бывшіе въ Швейцаріи, посѣщали славной Бертудской Институтъ, и удивлялись чрезвычайнымъ успѣхамъ юныхъ воспитанниковъ, образуемыхъ по методѣ Песталоцція. Правительства, Гельветическое и почти всѣхъ сѣверныхъ Государствъ, торжественно признали полезность сего заведенія. Датскій Король посылалъ двухъ Профессоровъ въ Бертудъ для того, чтобъ они, научась новой методѣ, завели подобные Институты въ его владѣніяхъ. Король Прусскій для той же причины отправлялъ въ Швейцарію Г-на Гедике, Члена Академіи и Директора надъ Гимназіями. Многіе Нѣмецкіе Государи слѣдовали симъ примѣрамъ. Генералъ Ней, Посолъ Французскій при Гельветическомъ Правительствѣ, нарочно ѣздилъ въ Бертудъ, и не могъ довольно надивиться всему тому, что видѣлъ. Заведеніе, недавно еще устроенное, и уже сдѣлавшееся славнымъ въ Европѣ, безъ сомнѣнія имѣетъ отличныя преимущества. Кто принимаетъ участіе въ успѣхахъ человѣческаго разума, для того любопытно знать и средства къ приобрѣтенію успѣховъ, и то, чѣмъ сіи средства разнятся однѣ отъ другихъ.

Песталоцціева метода воспитанія переведена на Русской языкъ; первая Часть ея (*) отпечатана, и продается въ книжныхъ лавкахъ въ обѣихъ столицахъ. Не излишнимъ почитается помѣстить здѣсь нѣкоторыя извѣстія и мысли Г-на Переводчика, сообщенныя имъ Издателю Вѣстника.

„Въ прошломъ году *новая метода воспитанія* сдѣлалась извѣстною въ Петербургѣ; знатнѣйшія Особы Государственныя непремѣнно хотѣли видѣть ее и на Русскомъ языкѣ. Надобно познакомить Публику съ Швейцарскимъ Педагогомъ.

„Песталоцци, долгое время занимаясь воспитаніемъ, и находя прежнія методы недостаточными, написалъ новую. Первой Гельветической Сеймъ, котораго предметомъ былъ *Актъ посредничества перваго Консула*, препоручилъ особой Коммиссіи разсмотрѣть сію методу, и Училище, по ней устроенное. Донесеніе сдѣлано самое выгодное для изобрѣтателя; опытъ оправдалъ его, и многіе именитѣйшіе люди отдали дѣтей своихъ въ Бертудской Институтъ для воспитанія.

„*Книга для матерей* не романъ. Кто переводилъ ее, тотъ по неволѣ долженъ былъ

(*) Книга для матерей, или способъ учить дитя наблюдать и говорить. С. П. Бургъ, въ типографіи Шнора, 1806. Часть первая.

размышлять о планѣ Автора, о ходѣ мыслей и проч., слѣдственно имѣетъ право судить о новой методѣ. Впрочемъ, за себя не ручаюсь; я до энтузїазма пристрастенъ къ Песталоццїю. Мнѣ кажется, что онъ имѣетъ понятїе самое полное о человѣческомъ сердцѣ, — покрайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ отношенїяхъ, какїя необходимы для Педагога. Имѣя обширнѣйшїя познанїя, онъ пользуется только тѣмъ, что нужно для совершеннаго образованїя способностей. Песталоццїева метода научаетъ младенца, не обременяя души его, и не пропуская ничего сообразнаго съ силами ея и потребностями. Она есть самой счастливой результатъ счастливой ѳеорїи.

„Какъ жалки дѣти! Съ самаго начала перваго возраста они остаются подлѣ матерей безъ всякаго образованїя. Драгоцѣннѣйшее время, въ которое надлежало бы положить основанїе хорошаго воспитанїя, для нихъ совсѣмъ пропадаетъ; ихъ душа находится въ бездѣйствїи до тѣхъ поръ, пока не начинаютъ ходить въ школу, или учиться дома. Но какая школа, какой учитель можетъ замѣнить то, чего должно требовать отъ матери? Благодаренїе Песталоццїю! онъ даетъ средства воспитывать дѣтей въ самой колыбели; надобно только пользоваться его средствами.

„Знать то, что къ намъ относится, — умѣть судить справедливо и безошибочно о томъ, что встрѣчается съ нами въ общежитіи: вотъ цѣль воспитанія. Не даромъ Сократъ говорилъ: quod ſupra nos, nihil ad nos (что выше насъ, то до насъ не принадлежитъ); не даромъ и я называю Песталоццїя новымъ Сократомъ. Читая *Книгу для матерей*, увидите, что всякая черта его методы клонится къ сему предмету. Онъ ищетъ строгой точности, которая господствуетъ во всемъ, чему онъ дѣтей научаетъ; а когда съ дѣтскихъ лѣтъ душа расположена къ яснымъ и точнымъ понятіямъ, то и въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости будемъ ихъ отъ себя требовать.

„Не нужно сказывать, что новая метода легка и понятна, и что въ ней свято сохранены основанія Морали и Религіи. Остается сравнить Песталоццїя съ другими Педагогами, — разумѣется съ тѣми, которые мнѣ извѣстны, и которые заслуживаютъ вниманіе. Кто читалъ превосходное сочиненіе Локка de intellectu humano (о разумѣ человѣческомъ), тотъ долженъ согласиться, что Авторъ можетъ основательно судить о воспитаніи; но мнѣ кажется, что онъ и понятенъ и полезенъ для одного Философа. Нынѣ слышны только имѣна Руссо и Кампе. Въ самомъ дѣлѣ Авторъ Эмиля сообщилъ

намъ много хорошихъ истинъ; но не болѣе ли плѣняемся его очаровательнымъ краснорѣчїемъ? не болѣе ли въ немъ любимъ то, что называется les chimeres brillantes, блестящими химерами? Онъ самъ признается, que les principes sont impracticables, что его правила неудобо-исполняемы, и даже говоритъ, что ему до того нѣтъ дѣла! Послѣ такого признанїя не могу положиться на Женевскаго гражданина; не могу ожидать отъ него великихъ успѣховъ! — Кампе умѣетъ только играть съ дѣтьми, и разсказывать имъ маленькїя исторїи. Не ищите ничего болѣе подъ завѣсою его простоты; вы не найдете тамъ ни общей связи, ни цѣли Психологической. Не правъ ли я, если даю первое мѣсто въ душѣ своей — Песталоццїю?

„Нельзя, чтобы мой любимой Педагогъ не имѣлъ своихъ недостатковъ. Болѣе всего бросается въ глаза то, что его уроки, особливо первые, сухи и скучны. Нѣкоторыя матери безъ сомнѣнїя скажутъ: „c'est bien plaisant — вотъ забавно! надобно твердить робенку, что рука имѣетъ пять пальцовъ, что каждой палецъ имѣетъ три состава, переднїй, среднїй и заднїй!“ — Я уже слышалъ подобныя возраженїя; между тѣмъ — повѣрите ли? — нѣкоторые антагонисты Песталоццїевыхъ *мѣлочей* не могли мнѣ сказать, которой палецъ называется

указательнымъ ! ! Песталоцци писалъ не то, что *пріятно* матери; а то, что *полезно* дѣтямъ. Статьи *видѣть и говорить* (*) — въ которыхъ найдете истинное краснорѣчіе и сильныя черты — довольно показываютъ, что Авторъ не вездѣ *сухъ*, и что умѣетъ писать краснорѣчиво, когда захочетъ дать волю своему воображенію, пылкому и богатому."

Къ чести Г-на Переводчика *Книги для матерей*, справедливость требуетъ сказать, что гдѣ нужна точность, тамъ онъ строго держался Нѣмецкаго подлинника: но гдѣ свойство Русскаго языка и обычаевъ требовало отступленій, тамъ онъ отступалъ, очень къ стати прибавлялъ Русскіе стихи извѣстныхъ Авторовъ, и удачно замѣнялъ своимъ то, что въ переводѣ потеряло бы красоту; напримѣръ (стр. 181):

„Сидя у колыбели, мать поетъ, чтобы утѣшить и усыпить дитя; она поетъ свою любовь и желанія, чтобы ея милая крошечка цвѣла здоровьемъ, была счастлива, и проч. Она поетъ —

Полно плакать, успокойся,
Глазки Ангельски закрой!
Спи дружечикъ мой, не бойся:
Здѣсь Хранитель Ангелъ твой

(*) Смотри: *Книга для матерей*, стран. 61 и 97.

Невидимо покрываетъ
Колыбель крыломъ твою,
И со мной тебѣ вспѣваетъ:
Баю, баиньки баю."

Выпишемъ статью, подъ заглавіемъ (стр. 148): *Звуки, производимые птицами.*

„Крикъ, которой слышимъ отъ птицъ, разнообразенъ до безконечности. Курица, снесши яйцо, кудахчетъ, — созывая цыплятъ, клохчетъ; пѣтухъ кукарекуетъ, гусь гогочетъ, утка крякаетъ, попугай болтаетъ, горлица воркуетъ, сова кричитъ угу, кукушка — куку; соловей, чижикъ, малиновка, щегленокъ, синица — поютъ (*); пѣніе ласточки называется щебетаньемъ, а пѣніе воробья — чириканьемъ.

„Лѣтнее утро представляетъ намъ картины, самыя восхитительныя и величественныя! Посмотрите на эту бархатную зеленую долину; посмотрите на это сребристое облако, подобно флеру, ее покрывающее; посмотрите, какъ оно волнуется; посмотрите, какъ оно тамъ стоитъ неподвижно; здѣсь переходитъ съ одного мѣста на другое, — тамъ поднимается выше, здѣсь стелется по землѣ, и, кажется,

(*) Птица, которая питается мясомъ, и вѣситъ болѣе фунта, не поетъ. *Авт.*

цѣлуетъ траву и нивы, — тамъ становится рѣже рѣже, здѣсь совсѣмъ изчезаетъ; посмотрите, какъ кротко восходитъ румяное солнце, позлащая вдали верхи дымящихся горъ; посмотрите, какъ оно играетъ у вашихъ ногъ въ маленькой каплѣ росы, то показывая въ ней свой свѣтлый образъ, то украшая оную яркими радужными цвѣтами! а тамъ подъ зеленымъ сводомъ рощи — слышите ли громкіе, торжественные концерты птичекъ? — слышите ли тысячи голосовъ, прославляющихъ Творца прекрасной Природы? Ахъ! кто не почувствуетъ въ сію священную минуту благости Небеснаго Отца? у кого не выкатится слеза благодарности, чье сердце не исполнится благоговѣніемъ? Но сими тихими и высокими чувствами ни чье сердце не наслаждается живѣе материнскаго: въ сихъ величественныхъ сценахъ никто столько не находитъ уроковъ, какъ добрая мать; она находитъ въ нихъ безчисленные уроки для себя и для окружающихъ дѣтей.

Какъ прекрасно все созданье!
Какъ все весело вокругъ!
Въ разноцвѣтномъ одѣньѣ
Улыбается сей лугъ!
Тамъ цѣлуется съ цвѣтами
Тихой, нѣжной вѣтерокъ;
Здѣсь лепечетъ съ берегами

Рѣзвой, быстрой ручеёкъ. —
Дѣти! утро — нова радость!
Дѣти! голосъ соловья
Будитъ славить нову благость, —
Славить Божія дѣла!
Дѣти милы! упадите
Предъ благимъ Творцемъ небесъ, —
Онъ васъ видитъ; — принесите
Жертву благодарныхъ слезъ! —
Говорите: о Безвѣстной,
Ты, Который вѣстенъ намъ.
По своей любви небесной,
По родительскимъ сердцамъ!
Дай намъ разумъ просвѣщенной,
Чтобъ дѣла Твои читать;
Дай намъ сердце умиленно,
Чтобъ однимъ Тобой дышать."

Что бы дать нѣкоторое понятіе о методѣ Швейцарскаго Педагога, сокращенно переведемъ начертаніе оной, сочиненное Г-мъ Штремомъ, Датскимъ Профессоромъ.

Всѣмъ извѣстно, что первое наставленіе дѣтей есть дѣло весьма важное. Отъ большаго или меньшаго совершенства сего наставленія зависятъ не только успѣхи въ наукахъ, но даже благоразуміе, необходимое въ человѣческой жизни. Чѣмъ лучшее дано человѣку воспитаніе въ младенчествѣ, тѣмъ

болѣе средствъ онъ имѣетъ образовать себя, и тѣмъ способнѣе бываетъ управлять собою въ такихъ случаяхъ, гдѣ требуется присутствіе духа, или пособіе здраваго смысла. Такъ обыкновенно думали всѣ мудрецы, занимавшіеся усовершенствованіемъ воспитанія; слѣдственно не должно удивляться, что многіе находили въ немъ недостатки, и что старались исправить методу образованія юношества. Хотя ихъ усилія были не безполезны, однакожь много еще оставалось погрѣшностей. Кажется, Песталоццію судьба назначила быть преобразителемъ воспитанія.

Песталоцци предположилъ составить новую методу первоначальнаго ученія такимъ образомъ, чтобы она имѣла вліяніе на всю жизнь воспитанника, на мысли его, умствованія, чувствованія и дѣйствія. Посмотримъ, какъ онъ совершилъ планъ свой.

Нашедши, что всѣ познанія наши имѣютъ три начала — *языкъ*, *число* и *форму*, Песталоцци раздѣляетъ первоначальное наставленіе на три части:

Первая часть, относящаяся къ *языку*, имѣетъ цѣлью *поставить младенца на такой точкѣ, чтобы всѣ предметы физическаго міра дѣйствовали на него правильно, то есть производили въ немъ истинныя впеча-*

тлѣнія. Часть сія учитъ младенца сперва наблюдать и называть видимые предметы, напримѣръ — человѣческое тѣло, растенія, и проч.; далѣе, мало по малу заставляетъ его замѣчать и узнавать разныя части предметовъ, положеніе сихъ частей, связь ихъ, качества, пользу и проч.; такимъ образомъ постепенно умножая впечатлѣнія дитяти, понятія и вообще знанія, наконецъ приводитъ его къ началамъ не только Физики, Натуральной Исторіи, Астрономіи и другихъ наукъ, но и къ самой Грамматикѣ, которой правила дитя нашло уже посредствомъ практики.

Вторая часть содержитъ въ себѣ нѣкотораго роду *Ариѳметику*, которая сперва учитъ считать видимые предметы, напримѣръ яблоки, листья, камешки и тому подобное, и продолжая счисленія съ помощію нѣкоторыхъ таблицъ, нарочно сдѣланныхъ для сего употребленія, мало по малу приводитъ дѣтей къ удобному познанію всѣхъ возможныхъ числительныхъ отношеній, и показываетъ, какимъ образомъ наизусть, безъ помощи ариѳметическихъ знаковъ, дѣлать выкладки, даже самыя многосложнѣйшія.

Третья часть есть *нѣкотораго роду Геометрія, удоболонятная для дѣтей*, Гео-

метрія предварительная, которой доказательства основываются не на математическихъ умствованіяхъ, но единственно на очевидной ясности. Она сперва заставляетъ замѣчать на таблицѣ, нарочно для сего сдѣланной, черты прямыя, горизонтальныя, вертикальныя, и различныя ихъ части; потомъ показываетъ строеніе угловъ и четвероугольниковъ, разныя ихъ сѣченія (секціи), и взаимныя отношенія сихъ сѣченій, — далѣе, косвенныя черты, кривыя, кругъ, и проч. Все сіе дѣлается такимъ образомъ, что дитя легко привыкаетъ со строжайшею точностію и безъ помощи инструментовъ судить о величинѣ и формѣ всѣхъ видимыхъ предметовъ, и приготовляется учиться собственно такъ называемой Геометріи.

Между тѣмъ какъ глаза и умъ заняты, рука не остается въ праздности. Дитя, которое посредствомъ геометрическихъ таблицъ познакомилось съ размѣромъ и симетріею, для приобрѣтенія еще точнѣйшихъ познаній, чертитъ фигуры на аспидной доскѣ. Научась проводить правильныя линіи, раздѣлять ихъ, составлять углы, четыреугольники и другія фигуры, оно тогда уже начинаетъ *писать* и *рисовать*. Легкой способъ научиться тому и другому изобрѣтенъ Песталоцціемъ; онъ особливо достоинъ удивленія тѣмъ, что воспитанники чертятъ и

рисуютъ; даже географическія карты; безъ циркула и безъ линейки.

Вотъ начала Песталоццїевой методы воспитанія. Способъ, передавать дѣтямъ познанія, весьма простъ. Наставникъ, называя вещь, показываетъ ее воспитанникамъ; дѣти замѣчаютъ вещь, и всѣ вмѣстѣ, въ одинъ голосъ, повторяютъ слова, произнесенныя наставникомъ. По окончаніи каждаго параграфа, ихъ спрашиваютъ, и судя по отвѣтамъ, начинаютъ новой урокъ, или повторяютъ старой.

Знаю, что нѣсколько написанныхъ страницъ не дадутъ полнаго свѣденія о томъ, что происходитъ въ училищѣ, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ устнаго преподаванія; по крайней мѣрѣ сїе начертаніе достаточно покажетъ, что новая метода совсѣмъ не походитъ на обыкновенную. Проживъ нѣсколько времени подлѣ Песталоццїя, и видѣвъ его методу въ самомъ дѣйствіи, надѣюсь безошибочно означить отличительныя черты ея слѣдующимъ образомъ:

1 е. *Самыя начала наставленія по методѣ Песталоццїевой опредѣлены съ большею точностію, нежели всѣ прежде бывшія.* Обыкновенно сперва начинаютъ учить дѣтей чтенію, письму и счисленію; но никому не приходило на мысль спросить, почему первое

ученїе дѣтей состоитъ въ сихъ трехъ частяхъ. Песталоцци предложилъ сей вопросъ, и самъ рѣшилъ его. Разсматривая ходъ разкрытїя ума, онъ нашелъ, что *языкъ*, *форма* и *число* суть основанїе всѣхъ человѣческихъ знанїй, и что слѣдовательно должно быть тремъ, зависящимъ отъ нихъ, частямъ наставленїя.

2 е. Положивши въ основанїе сїи три начала, не мѣшая тутъ науки чтенїя, которая оставляется до большаго возраста, *онъ умѣлъ сохранить тѣсную связь между разными частями первоначальнаго наставленїя, а чрезъ то сообразность, до сихъ поръ неизвѣстную, въ ходѣ полнаго ученїя.* Науки чтенїя, письма, счисленїя и рисованья до сихъ поръ не имѣли между собою никакихъ отношенїй; напротивъ того въ новой методѣ всѣ сїи части первоначальнаго наставленїя связаны между собою; одна въ другой имѣетъ нужду, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно *цѣлое.*

3 е. Для напечатлѣнїя своихъ началъ въ умѣ дѣтей, *онъ употребляетъ обыкновенной способъ созерцанїя, весьма остроумно обработанный*; ибо самое необходимое условїе образованїя ума состоитъ у него въ простомъ созерцанїи, или въ принятїи впечатлѣнїй, производимыхъ предметами.

4 е. *Строгое наблюденіе постепенности* есть отличительная черта новой методы. Песталоцци хочетъ, чтобы каждая часть его науки, а особливо каждая часть фундаментальная, была ясно напечатлѣна въ умѣ дитяти; для того онъ расположилъ всю свою систему въ такомъ порядкѣ и съ наблюденіемъ такой точности, что дитя, продолжая учиться, мало по малу приобрѣтаетъ новыя познанія, имѣющія непосредственную связь съ тѣми, которыя оно уже получило.

5 е. Слѣдуя методѣ Песталоцціевой, *наставникъ сообщаетъ дѣтямъ познанія не посредствомъ умствованій и доказательствъ, но просто заставляя ихъ замѣчать слова, которыми называются вещи.* Сей способъ съ перваго взгляду кажется механическимъ; но всмотрѣвшись пристально, наблюдатель увидитъ, что дитя, затверживая слова, научается называть собственнымъ именемъ каждую вещь, каждое внутреннее чувство.

6 е. Сія метода отличается еще и тѣмъ, что *практика есть ея основаніе.* Обыкновенно наставляютъ посредствомъ извѣстныхъ правилъ, которыя преподаются дѣтямъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ принаровляли ихъ къ предметамъ науки. Здѣсь посту-

паютъ иначе; здѣсь заставляютъ дѣтей упражняться по правиламъ, не упоминая о нихъ до тѣхъ поръ, пока дѣти не познакомятся короче съ наукою: тогда уже изъясняютъ имъ правила. По сей системѣ сама добродѣтель сперва дѣлается привычкою для человѣка, потомъ уже онъ поступки свои располагаетъ по ея правиламъ.

7 е. Наконецъ, Г. Песталоцци заслужилъ благодарность отъ всѣхъ воспитателей юношества тѣмъ особливо, что показалъ легкой способъ пользоваться своею методою. *Его первоначальныя книги не содержатъ въ себѣ, какъ обыкновенно бываетъ, ни предметовъ учебныхъ, ни особенныхъ правилъ какой-либо науки, но представляютъ разныя матеріи, слитыя въ одну форму,* — такъ что наставникъ, читая по книгѣ, достигнетъ своей цѣли, и вѣрно не ошибется. На семъ-то основывается Песталоцци, утверждая, что всякой человѣкъ, имѣющій обыкновенный смыслъ, можетъ учить по его методѣ, что всякая мать можетъ давать по ней уроки своимъ дѣтямъ, и что наконецъ робенокъ, старшій нѣсколькими годами своихъ братьевъ и сестеръ, можетъ наставлять ихъ съ успѣхомъ.

Такія преимущества методы Г-на Песталоцція предохраняютъ ее отъ тѣхъ невыгодъ, съ которыми сопряжено обыкновен-

ное воспитанїе. Въ обыкновенномъ воспитанїи дитя сперва знакомится со впечатлѣнїями прїятныхъ для него предметовъ и съ мечтами собственнаго своего воображенїя; потомъ вдругъ заставляютъ его принимать-ся за науку: такая противуположность необходимо поселяетъ въ немъ отвращенїе отъ учебныхъ занятїй. Напротивъ того, по новой методѣ, лишь только окажется въ дитяти первая способность различать и сравнивать предметы, тотчасъ заставляютъ его учиться, и познанїя, приобрѣтенныя въ зрѣлыхъ лѣтахъ, суть не что иное, какъ продолженїе тѣхъ впечатлѣнїй, которыя, такъ сказать, съ молокомъ всосаны въ младенчествѣ. Наставленїе съ самаго начала и постепенно далѣе походитъ на игру; тѣмъ удобнѣе дитя перенимаетъ и затверживаетъ все, чему его учатъ; оно научается смѣясь и играя, и почти непримѣтнымъ образомъ. Чтобъ возбудить внимательность въ дитяти, не нужно заохочивать его новыми ободренїями: постепенное представленїе предметовъ и ясность науки служатъ надежнѣйшимъ поощренїемъ даже для самаго тупаго робенка. Здѣсь не должно опасаться, чтобъ одни успѣвали, между тѣмъ какъ другїе далеко назади остаются. Если первыя начала хорошо затвержены, чему и быть должно; то всѣ ученики будутъ идти ровнымъ шагомъ.

Вотъ важныя преимущества новой методы! Теперь посмотримъ, какъ она дѣйствуетъ на образованіе ума. По общему обыкновенію, первоначальныя познанія всегда бываютъ очень несовершенны и недостаточны: по методѣ Песталоццiя выходитъ совсѣмъ противное. Она отвергаетъ понятія несовершенныя, сбивчивыя, ложныя; все въ ней достовѣрно, все основано на Математикѣ, или на очевидности. Преподанныя истины остаются навсегда въ умѣ дитяти, потому что оно видитъ ихъ во всей наготѣ, и затверживаетъ ихъ посредствомъ практическаго упражненія. Не должно опасаться, чтобы пустословіе неискуснаго наставника изказило добрыя начала; нѣтъ, строгая точность методы отвергаетъ пустословіе. Притомъ же, внимательность дѣтей возбуждается тѣмъ, что ихъ заставляютъ многихъ вмѣстѣ, въ одно время и въ одинъ голосъ, повторять уроки.

Приступимъ къ заключенію. Новая метода полагаетъ въ умѣ дитяти прочное основаніе почти всѣхъ наукъ, всѣхъ знаній, необходимыхъ въ жизни; такъ напримѣръ первоначальныя упражненія младенца въ затверживаніи словъ и названій ведутъ его къ практической Грамматикѣ; на изчисленіи видимыхъ вещей основана Ариѳметика; самыя простыя упражненія въ измѣреніи

служатъ вѣрнымъ руководствомъ къ Геометріи, къ чистописанію и рисовальному искуству, наконецъ къ приобрѣтенію способности безошибочно судить о всѣхъ измѣряемыхъ предметахъ. Метода сія, не дозволяя наставнику умствовать, предварительно располагаетъ душу дитяти къ здравомыслію. Имѣя въ виду, чтобы дитя, отнюдь не полагаясь на чувствованія другаго, само разсуждало и выводило свои заключенія, она, сообразно ходу натуры, развертываетъ умъ его, и указываетъ ему средства сдѣлаться со временемъ существомъ, любящимъ порядокъ, здравой смыслъ, разсудительность; смѣю утверждать, что самой характеръ дитяти получаетъ отъ того твердость и постоянство.

Скажутъ: къ чему служитъ образованіе ума, къ чему служитъ твердой характеръ, безъ Религіи и нравственности? — О! Песталоцци заслужилъ бы справедливые упреки, еслибъ пренебрегъ самую важнѣйшую часть воспитанія. Нѣтъ, никто съ большимъ прилѣжаніемъ не занимался симъ предметомъ. Его мысли о Религіи и нравственности достойны того, чтобы всѣ Педагоги и воспитатели обратили на нихъ свое вниманіе. Для произведенія въ дѣйство правилъ его необходимо нужны материнскія попеченія. По мнѣнію Песталоцція, одна и таже особа

должна учить дитя Религіи и нравственности, и преподавать ему первыя наставленія. Мать должна образовать умъ и сердце дитяти.

Вотъ какимъ образомъ Г. Песталоцци разсуждаетъ: „Какъ раждается во мнѣ понятіе о Богѣ? что приводитъ меня къ вѣрованію въ Него, къ упованію на Него, къ ощущенію блаженства въ любви къ Нему, къ опредѣленію себя служить Ему, благодарить Его, исполнять Его законы? — Сперва я удостовѣряюсь, что не питая въ себѣ чувствъ любви, довѣренности, усердія къ людямъ, мнѣ никакъ не возможно было бы любить Бога, возложить на Него упованіе, предаться Его волѣ, — не можно было бы приобрѣсть счастливаго навыка Ему повиноваться; ибо *кто не любитъ брата своего, котораго видитъ, тотъ можетъ ли любить своего Отца Небеснаго, котораго не видитъ?* — Надлежитъ узнать, какимъ образомъ сіи чувства пробуждаются въ душѣ моей. Разсмотрѣвъ внимательно, нахожу, что онѣ произтекаютъ изъ тѣснаго союза, соединяющаго младенца съ матерью. Мать, повинуясь внутреннему побужденію, бережетъ дитя свое, кормитъ его, печется о безопасности его, удовлетворяетъ нужды его, удаляетъ все, что было бы ему непріятно; дитя, ощущая выгоды отъ нѣжныхъ по-

печенїй своей матери, чувствуетъ, что ему хорошо быть съ нею —. вотъ источникъ *любви*! — Увидѣвъ новой предметъ, дитя пугается и плачетъ; мать беретъ его къ себѣ на руки, забавляетъ его, старается успокоить; дитя забываетъ страхъ свой и улыбается къ матери — вотъ начало *довѣренности*! Чувство *благодарности* и навыкъ *повиновенїя* раждаются такимъ же образомъ; все сїе соединясь вмѣстѣ, производитъ первые ростки *совѣсти* (conſcience, сознанїе истины). Мало по малу дитя привыкаетъ думать, что несправедливо было бы не слушаться матери, что сїя мать не для него только одного живетъ на свѣтѣ, что всѣ окружающїе предметы также не для него только существуютъ, и что самъ онъ не для того живетъ, чтобы только удовлетворять свои желанїя: такимъ образомъ раждается въ немъ понятїе о *правѣ* и *обязанности*. Потомъ дитя начинаетъ ощущать силы свои, и непримѣтно попадаетъ на мысль, что мать для него уже не столько нужна, какъ прежде. Мать, примѣтивъ разпространенїе идей въ дитяти, пользуется счастливою минутою и возбуждаетъ въ немъ чувство самое возвышенное. Она, обнявъ его съ горячностїю, произноситъ важно: сынъ мой! *есть Богъ*, въ которомъ ты будешь имѣть нужду, даже тогда, когда увидишь, что можешь обойтись безъ

моей помощи; *есть Богъ*, который будетъ пещись о твоемъ счастіи тогда, когда я разлучусь съ тобою! — Отъ сей минуты склонности его получаютъ возвышеннѣйшее направленіе; любовь и довѣренность устремляются къ Богу. Прежде онъ исполнялъ должность свою, чтобъ угодить матери, — теперь онъ дѣлаетъ тоже для угожденія Богу. Такимъ образомъ мать утверждаетъ дитя въ правилахъ Морали посредствомъ чувствованій Религіи, и Религію укореняетъ въ немъ посредствомъ Морали."

Послѣ сего каждой согласится, что не даромъ Песталоцціева метода удостоилась общаго вниманія. Если въ семъ краткомъ начертаніи не объяснена вся важность ея; то должно обвинять не предметъ, но слабыя мои способности. Метода Песталоцціева плѣнитъ каждаго, кто ни познакомится съ нею короче.

IV.

Письмо къ Издателю.

Прошу васъ помѣстить въ Вѣстникѣ Европы слѣдующія строки. Въ нихъ найдете не краснорѣчіе, но благодарныя чувства, кои хочу изъявить передъ свѣтомъ. Пусть добрыя сердца порадуются доброму дѣлу.

Я приѣхала къ мужу моему въ С. Петербургъ, гдѣ лишась его въ скоромъ времени, осталась въ самомъ разстроенномъ состоянiи. Родные мои, живущiе отъ столицы за двѣ тысячи верстъ, по стеченiю обстоятельствъ не могли помогать мнѣ. Въ продолженiе пяти мѣсяцовъ состоянiе мое со дня на день становилось ужаснѣе. Печаль о потерѣ мужа не уменьшалась, недостатки въ необходимомъ становились ощутительнѣе; — бѣдность заставляла меня нѣсколько разъ перемѣнять квартиры: все сiе доводило меня до отчаянiя. Къ счастiю, въ томъ домѣ, гдѣ я нанимала двѣ комнатки, жили добродѣтельные люди, Г. Полковникъ Николай Александровичь Игнатьевъ (нынѣ пожалованный Генералъ-Маiоромъ) и его супруга Прасковья Яковлевна, съ которыми нечаянно я познакомилась. Они давно слышали обо мнѣ, уважали мое званiе, а болѣе мои несчастiя; начали посѣщать меня, приглашать къ себѣ, и добрыми своими совѣтами старались облегчить бремя моей горести.

Я занемогла жестокою горячкою. Новые мои знакомые сочли за полезное перемѣнить мое жилище, приказали перенести меня къ себѣ, и — не будучи сами богаты — доставляли мнѣ всѣ выгоды; не боясь опасной моей болѣзни, находились почти неотступно съ дѣтьми своими при мнѣ, пеклись обо мнѣ

съ нѣжностью родительскою, пригласили лучшихъ Медиковъ для пользованія. Небесный Царь воззрѣлъ милосердымъ окомъ на горячее усердіе моихъ благодѣтелей: черезъ два мѣсяца я выздоровѣла. Хотя мои обстоятельства не перемѣнялись; но мнѣ уже легче было переносить несчастіе: несравненные друзья ласками своими облегчали мое сердце, отягченное горестію и отчаяніемъ, предлагали свои услуги, охотно жертвовали всѣмъ, что имѣли, наконецъ — когда я не соглашалась ничего принимать; видя ихъ многочисленное семейство, и чувствуя, сколь много одолжена ихъ благодѣяніями — отдавали мнѣ свой пенсіонъ; увѣряя, что симъ могутъ располагать, не обижая дѣтей своихъ! — Удивляйтесь, чувствительные читатели! вотъ безпримѣрная добродѣтель!... Какая благодарность можетъ сравниться съ нею? — Послѣ покойнаго мужа остался на моемъ попеченіи малолѣтной его племянникъ. Благодѣтель мой, взявъ на себя пристроить безпомощнаго сироту, подалъ отъ имени его бумагу о помѣщеніи въ Корабельное училище. Вакансіи не было; и на прозьбу отказано. Не за долго передъ симъ онъ опредѣлилъ туда своего сына; котораго хотѣлъ было взять обратно, желая доставить мѣсто моему сиротѣ; къ счастію, открылась вакансія, и мы уже не имѣли нужды въ семъ новомъ пожертвованіи. — Когда положеніе

моего родителя перемѣнилось; и я имѣла средства отправиться къ роднымъ; благодѣтели мои провожали меня 50 верстъ отъ Петербурга, радовались перемѣнѣ моего состоянія, плакали о разлукѣ, благословили меня, и — мы разстались. Я забывала, что возвращаюсь къ роднымъ; помнила только, какихъ людей оставляю. Ахъ! чего стоила сердцу моему разлука съ ними! — Теперь я наслаждаюсь спокойствіемъ, живучи въ нѣдрѣ семейства; съ нимъ вмѣстѣ возношу молитвы ко Всещедрому Царю о моихъ благодѣтеляхъ. Я не исполнила бы одной изъ священнѣйшихъ обязанностей, если бы не засвидѣтельствовала предъ чувствительными соотечественниками о великодушіи друзей моихъ и о моей благодарности.

Г — л. К — о.

V.

Смѣсь.

Въ Марбургѣ у книгопродавца Кригера появилась маленькая книжка подъ типуломъ: *Надобно ли дозволить отцамъ жениться на дочеряхъ своихъ?* Велемудрый Авторъ не только защищаетъ сторону утвердительную, но даже изволитъ гнѣваться на весь

родъ человѣческій, за чемъ онъ не побѣдитъ врожденнаго отвращенія къ сему ненавистному кровосмѣшенію! ! Весьма забавно, что одинъ ученой Нѣмецкой Журналъ, уважаемой Публикою, опровергаетъ бредни Кригерова клієнта. Нужны ли тутъ доказательства и опроверженія? Довольно объявить мнѣніе новаго Моралиста; оно само себя обличитъ въ нелѣпости. Мы здѣсь упомянули о немъ только для примѣра, чтобы показать, до какой крайности можетъ завести человѣка пагубная страсть разбирать и изслѣдывать все безъ изъятія.

❋

Опера *Путешественники, или Волшебство музыки*, игранная на Друри-Ланскомъ Театрѣ, очень благосклонно принята Лондонскою Публикою. Первое дѣйствіе происходитъ въ Китаѣ, второе въ Турціи, третіе и четвертое въ Италіи, наконецъ пятое въ Англіи.

❋

Со временъ Марлборуга Англійскій народъ ни одного изъ своихъ героевъ столько не любилъ, какъ Нельсона; потому что сей славный Адмиралъ былъ весьма щедръ къ своимъ матросамъ и къ простому народу, и имѣлъ въ характерѣ своемъ прямодушіе, весьма любимое Англичанами. Его портреты, которыхъ и прежде много было, теперь видите почти во всякомъ домѣ город-

скаго жителя и поселянина. Извѣстно, что въ Англіи на платкахъ и выбойкахъ печатаются разныя произшествія въ лицахъ изъ современной отечественной Исторіи, для того чтобы извѣстія о нихъ скорѣе разпространялись между простымъ народомъ. Не нужно сказывать, что въ сихъ изображеніяхъ нѣтъ большаго искуства; покрайней мѣрѣ онѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, и всегда разкупаются. На новыхъ бумажныхъ платкахъ изображена, и гораздо удачнѣе обыкновеннаго, смерть Нельсона. Ни одинъ отецъ, ни одинъ женихъ не возвращается изъ города безъ того, чтобы не купить для дочери своей, или невѣсты, платка съ *Нельсоновою смертью*. Даже вошло въ моду на подвязкахъ вышивать слова: Victorious Nelson, *Побѣдоносный Нельсонъ!*

❁

Женскіе парики день ото дня входятъ въ большее употребленіе въ Англіи, именно отъ того, что нѣкоторые не одобряютъ сей моды, говоря: за чемъ нашимъ дамамъ, которымъ натура подарила прекрасные, мягкіе, кудрявые волосы — за чемъ носить парики, вредные для здоровья, убыточные для кармана? — „Непостоянная мода предписываетъ — отвѣчаютъ дамы — завивать волосы сегодня такъ, завтра иначе; уборка стоитъ въ годъ столько же, сколько парики; хорошій парикъ не мѣшаетъ выходить

испареніямъ; остриженную голову легче мыть каждой день холодною водою; для отвращенія головной боли; прежде надлежало умирать отъ скуки, сидя болѣе получаса подъ гребенкою запачканнаго фризера, или слуги, — теперь все готово въ одну минуту!" — Сіи причины, со многими прибавленіями и изъясненіями, повторяются во всѣхъ перукмахерскихъ лавкахъ; можно сказать, что въ Англіи насталъ золотой вѣкъ для торгующихъ париками. Когда лавки украшаются съ особливымъ тщаніемъ, это значитъ, что промышленность находится въ цвѣтущемъ состояніи. Еще за годъ передъ симъ начали дѣлать въ Лондонѣ болваны для париковъ такъ искусно, что ихъ, не парики, можно считать продажнымъ товаромъ. Роскошь сія часъ отъ часу возрастала. Теперь въ одномъ магазинѣ на Оксфордской улицѣ выставлены парики на прекрасныхъ, одѣтыхъ въ платье, статуяхъ, которыя съ перваго взгляду кажутся живыми красавицами. Хозяинъ, приманивая такимъ образомъ въ лавку свою купцовъ, не остается въ накладѣ.

*

Извѣстный Французскій Поэтъ Шенье, принявшій титло Національнаго Поэта въ бурныя времена революціи, Членъ Института и Инспекторъ надъ ученіемъ, недавно издалъ въ свѣтъ одно стихотворное свое

сочиненіе, тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Г-на Бонапарте, и нажилъ многихъ непріятелей. Сіе произведеніе долго отдыхавшей Музы его есть *Посланіе къ Вольтеру*, въ которомъ Г. Шенье проходитъ всю жизнь сего знаменитаго Писателя, начиная отъ 1696 по 1778 годъ; останавливается надъ политическими несчастіями Франціи, превозноситъ Гельвеція, Руссо и другихъ основателей ненавидимой теперь въ Парижѣ, такъ называемой новой Философіи, и воспоминая о послѣднихъ годахъ Вольтеровой жизни, говоритъ:

Ces tems-là ne ſont plus: les nôtres ſont moins beaux.
Les Français ſont tombés ſous des Velches nouveaux.

Сіи два стиха были причиною изгнанія Поэта, которой нынѣ отправился въ Сѣверную Америку. Самые Антагонисты его и гонители признаются, что въ *Посланіи* есть много мѣстъ прекрасныхъ, истинно піитическихъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Замѣчанія о Таганрогскомъ портѣ (*).

Таганрогъ. Февраля 27, 1806.

Каждой портовой городъ, въ отношеніи къ другимъ, имѣетъ свои преимущества и свои неудобства. Существенное преимущество Таганрога передъ Черноморскими Россійскими

(*) Г. Авторъ, сообщившій *Замѣчанія* свои *о Таганрогскомъ портѣ*, служащія продолженіемъ прежняго Письма (см. 8 Нум. Вѣст. Евр.), и также засвидѣтельствованныя Правительствомъ, увѣдомляетъ, что онѣ посланы за границу для напечатанія въ иностранныхъ Журналахъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. — Издатель покорнѣйше благодаритъ Г-на Автора, и проситъ о доставленіи обѣщаннаго конца. — Иностранные Журналисты охотно переводятъ статистическія замѣчанія, относящіяся до Россіи, и публика читаетъ ихъ съ жадностію: не ужели мы будемъ равнодушны къ тому, что непосредственно до насъ принадлежитъ? Каждой благомыслящій читатель согласится, что умныя, на истинѣ основанныя *Замѣчанія* опытнаго Патріота гораздо полезнѣе извѣстій о какой-нибудь новой модѣ, изобрѣтенной Французскою торговкою.

портами состоитъ въ томъ, что отсюда несравненно болѣе продуктовъ, и по сходнѣйшимъ цѣнамъ, можетъ быть отправляемо за границу, и что привозимые сюда товары могутъ съ большею удобностїю, съ меньшими издержками доставляемы быть во внутреннїя Губернїи.

Пшеница наша имѣетъ преимущество передъ вывозимою изъ другихъ портовъ, и въ чужестранныхъ приморскихъ городахъ платятъ за оную дороже. *Желѣзо*, *икру*, *масло коровье*, *сало* и *юфть* мы только отпускаемъ въ знатномъ количествѣ, и мы одни только со временемъ будемъ въ состоянїи доставлять во всѣ порты Средиземнаго моря всѣ другїе продукты внутренней Россїи и Сибири. *Волга* и *Донъ* для насъ — *рогъ* изобилїя. Рѣки сїи несравненно важнѣе для торговли, нежели *Днѣстръ* и *Днѣпръ*. Какоежь имѣть мы будемъ удобное водою сообщенїе со внутренними Губернїями, когда откроется средство къ произведенїю въ дѣйствїе предположеннаго еще Государемъ ПЕТРОМЪ Великимъ соединенїя *Дона* съ *Волгою*! Барки идутъ сюда внизъ по теченїю рѣкъ; напротивъ того въ Петербургъ должны плыть вверхъ. Пригоняемыя сюда по Волгѣ въ *Дубовкѣ* разбираются, и вмѣстѣ съ товаромъ на колесахъ перевозятся до *Качалинской* Станицы къ Дону, от-

стоящей въ 60 верстахъ отъ Дубовки; здѣсь опять ихъ сплачиваютъ и гонятъ внизъ до Крѣпости Ростовской. Тамъ складываютъ грузъ въ магазины, изъ которыхъ доставляется уже посредствомъ мѣлкихъ судовъ на корабли, стоящіе на Таганрогской рейдѣ.

Гораздо дешевлѣ и выгоднѣе было бы, если бъ сіи барки доходили до самаго Таганрога, и тамъ бы уже выгружались, — чего конечно со временемъ и ожидать надобно: поелику отъ устья Дона при благополучной погодѣ могутъ онѣ доходить до Таганрога въ 3, или 4 часа. — Предположимъ, что барку захватила бы погода и разбила; товаръ, неподверженный порчѣ, какъ напримѣръ *желѣзо* и тому подобное, весьма легко опять изъ воды достать можно, когда сѣверовосточной вѣтеръ угонитъ воду изъ залива. Если же барки крѣпче и надежнѣе строиться будутъ, то и сіе опасеніе почти изчезнетъ. Недостаетъ только здѣсь удобныхъ для выгрузки пристаней; не смотря на то, нагруженныя барки изъ *Дона* часто доходили сюда благополучно, въ особенности же Донскія, кои обыкновенно крѣпче, нежели приходящія изъ *Волги*. Были также недавно примѣры, что Россійскіе закупщики изъ самаго Таганрога товаръ свой отправляли на *баркахъ* вверьхъ по *Дону*, и потомъ перегружали на *Волгу*.

Многія произведенія сюда доставляются сухопутно лѣтомъ изъ внутренней Россіи, и доставка сія стоитъ гораздо дешевлѣ, нежели въ другіе порты Черноморскіе, потому что Таганрогъ не столь отдаленъ отъ внутреннихъ Губерній. При томъ же извощики всегда могутъ найти здѣсь для обратнаго пути клажи, которыя, въ случаѣ недостатка вывозныхъ заграничныхъ товаровъ, могутъ быть дополняемы рыбою. Тоже можно сказать и о зимнемъ времени, въ которое бываетъ ловъ подо льдомъ красной морской рыбы; ея въ Таганрогѣ зимою великое множество, — такъ точно какъ въ Ростовской Крѣпости Донской рыбы. — Теперь иностранныхъ привозныхъ товаровъ идетъ весьма еще мало вверхъ по *Дону*; большая часть ихъ отправляется сухимъ путемъ до *Мценска*, гдѣ оные нагружаются на барки и идутъ въ Москву.

Сему причиною полагать можно опять тоже, что нѣтъ канала между Дономъ и Волгою.

Неудобство нашего торговаго порта состоитъ между прочимъ въ мѣлкости Керченскаго пролива у *Яникаля*, которой никогда не бываетъ глубже тринадцати футовъ; слѣдственно нѣкоторые корабли должны въ томъ мѣстѣ облегчаться. Тоже можно

сказать о рейдѣ нашей, которая не ближе какъ въ 15 верстахъ отъ гавани имѣетъ *четырнадцать* футовъ глубины. По сей причинѣ большїе корабли начинаютъ выгружаться въ великомъ отдаленїи, и потомъ подходятъ ближе по немногу. Раннее наступленїе осени и зимы есть другое неудобство. Часто въ Сентябрѣ начинаются бури, и въ Октябрѣ иногда рейда покрывается льдомъ; отъ сего торговля наша походитъ на ярмарку; не рѣдко всѣ торговые обороты оканчиваются въ лѣтнїе три мѣсяца.

Къ сему присовокупляются еще многїе недостатки, поправленїя которыхъ ожидаемъ отъ Правительства. 1. Небольшая наша гавань, оставаясь много лѣтъ нечищенною, засорилась и сдѣлалась почти безполезною. 2. Нигдѣ еще вдоль биржи не сдѣлано ни пристаней, ни спусковъ, и потому должно товары перевозить телегами въ одну лошадь на малыя суда — изъ которыхъ уже нагружаютъ корабли — по возвышеннымъ надъ водою помостамъ, которые однакожь не всегда предохраняютъ товаръ отъ подмочки. Но когда бы построены были пристани, тогда телеги употреблялись бы только сухопутно; слѣдственно другимъ образомъ были бы сдѣланы, больше поднимали бы товару, и запрягались бы волами. — Еще за два года передъ симъ, присланный

сюда Инженеръ-Генералъ-Лейтенантъ *де Воланъ*, сочинилъ планъ для поправленія какъ сего, такъ и прежде упомянутаго недостатка; теперешній нашъ Градоначальникъ возобновилъ о томъ представленіе. 3. Нѣтъ еще здѣсь присяжныхъ артелей *дрягелей*. 4. Малыя перевозныя суда, употребляемыя для нагрузки кораблей, не имѣютъ палубъ, — отъ чего пшеница на нихъ часто при большомъ волненіи подмачивается — дурно строены, и худо управляются. Чтобъ пособить и сему недостатку, нынѣшній Градоначальникъ сдѣлалъ уже нужныя представленія. 5. Улицы и берегъ не выровнены и не мощены; чрезвычайно иловатой и вязкой грунтъ дѣлаетъ перевозку весьма неудобною и трудною. Градоначальникъ, приказавъ рыть каналы и ровнять улицы, дѣлаетъ приготовленія къ мощенію. 6. Магазины наши, на морскомъ берегу стоящіе, и доставляющіе хозяевамъ до 50 и болѣе процентовъ въ годъ прибыли, выстроены отмѣнно дурно, и притомъ изъ дерева, слѣдственно всегда предстоитъ имъ опасность. Для постройки новыхъ нѣтъ мѣста; можно будетъ имѣть оное тогда только, когда биржевой берегъ продолженъ будетъ до морской гавани посредствомъ насыпи и срытія горы. 7. На нѣкоторыхъ косахъ въ Азовскомъ морѣ нѣтъ съ огнемъ маяковъ, отъ чего случались кораблекрушенія. 8. Недостатокъ въ мѣд-

ной монетѣ для промѣна ассигнацій доходилъ въ прошедшую осень до крайности. Градоначальникъ сдѣлалъ представленіе объ учрежденіи Промѣнной Конторы, а между тѣмъ завелъ самъ времянную при Полиціи. Нѣтъ также еще Учетной Конторы, которая принимала бы векселя и товары; однакожь скоро таковая учреждена быть имѣетъ (*). 9. Съ нѣкотораго времени оставался у насъ одинъ только Гофмаклеръ *Витгенъ*. Но какъ для такого знатнаго торговаго города одного очень мало, то Градоначальникъ представилъ еще двухъ отъ общества кандидатовъ въ биржевые Маклеры. 10. Обыкновенное судебное производство для торговыхъ дѣлъ весьма медленно. Къ счастію, у насъ многія тяжбы по купеческимъ дѣламъ рѣшатся третейскимъ судомъ: для пользы торговли мы нетерпѣливо ожидаемъ учрежденія Суда Коммерческаго. 11. Нѣтъ еще у насъ знатныхъ иностранныхъ Конторъ. До сихъ поръ многихъ вѣроятно удерживала отъ того неизвѣстность объ утвержденіи порта въ Таганрогѣ. Съ нѣкотораго времени пріѣзжіе и здѣшніе помѣщики начали записываться въ купечествующій классъ, какъ то: Гг. *Наумовъ*, *Фурсовъ* и другіе. Изъ числа иностранныхъ негоціантовъ, здѣсь

(*) Промѣнная и Учетная Конторы теперь уже учреждены въ Таганрогѣ. *Изд.*

находятся: Гг. *Мавромати*, *Флори*, *Далмасъ*, *Контъ*, *Цетковичъ*, *Драшковичъ*, *Цингерїа* и прочїе. Между Греками извѣстнѣйшїе суть: три брата *Петако*, *Дибальдо* и другїе. Российское купечество мало еще участвуетъ въ заграничной торговлѣ моремъ.

Когда всѣ вышеупомянутыя временныя неудобства и недостатки будутъ отвращены и исправлены, тогда безъ сомнѣнїя торговля наша получитъ новое приращенїе; извозъ корабельной, застраховыванїе и другїя издержки уменьшатся, а привозъ и вывозъ товаровъ увеличится.

Нѣкоторые увѣряютъ, будто рейда наша годъ отъ году мѣлѣетъ. Быть можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — отъ выбрасываемаго балласта; не льзя и того также отвергнуть, чтобъ съ высокихъ береговъ, окружающихъ рейду, земля мало по малу въ оную не обрушивалась. Вообще, однакожь, убавленїе воды, въ теченїе тридцати лѣтъ послѣдовавшее, составляетъ самую малость, такъ что можетъ пройти сто лѣтъ, и болѣе, прежде нежели сдѣлается чувствительная разстройка въ нашей торговлѣ.

Н. Трегубовъ.

II.

Засѣданіе въ Нижнемъ Парламентѣ 5 Апрѣля. Планъ сбразованія войска.

Г. Виндамъ, вставъ съ мѣста, говорилъ слѣдующее:

„Планъ, нынѣ представляемый отъ меня Парламенту, есть не что иное, какъ приведенныя въ порядокъ правила, о которыхъ часто я упоминалъ, когда было разсуждаемо о защищеніи отечества. Извѣстно, что мнѣнія мои во многомъ не сходны съ нынѣшнею системою; и такъ не мудрено, что предлагаю сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. Однакожь скажу, что нетерпѣливость, изъявленная Членами, моими противниками, была совсѣмъ не у мѣста. Не надлежало предполагать, что я тотчасъ по вступленіи въ новую должность объявлю мысли свои о состояніи войска, и что планъ мой сочиню въ одну минуту. Я не подалъ никакой причины къ столь нетерпѣливому ожиданію, и никогда такъ не думалъ о состояніи военныхъ силъ нашихъ, будто бы въ самомъ скоромъ времени надлежало приступить къ важнымъ перемѣнамъ. Мѣры, которыя предложить хочу, требуютъ не поспѣшности, но глубокомыслія. Предпріятія, худо обдуманныя, много уже надѣлали зла націи. Сочиняя планъ, я думалъ о прочной, всегдашней безопасности, а

не о томъ, что могло бы полезно быть только на одинъ случай. Тотъ худо понимаетъ наше положенїе, кто заботится только о настоящей опасности. По несчастїю, съ нѣкотораго времени у насъ болѣе занимались настоящими обстоятельствами, а о будущемъ не думали.

„Главной предметъ моего плана есть всегдашняя безопасность; почему и предлагаю учредить войско существенное, полное, дѣйствительное, — войско, которое состояло бы изъ людей, совершенно отдѣленныхъ отъ гражданскихъ сословїй своими обычаями, нравами, упражненїями. Военные люди не должны ни пахать, ни шить; не должны думать ни о мануфактурахъ, ни о фабрикахъ, ни о торговлѣ; должны учиться только одному ремеслу военному, учиться тому, какъ поражать непрїятеля вездѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣтятся. Вотъ какого войска желаю! Не говорю, чтобы отнять у нацїи средства защищать себя другимъ образомъ; но хочу, чтобы отечество защищаемо было людьми, нарочно къ тому назначенными. Знаю, что много было говорено о выгодахъ, ожидаемыхъ отъ вооруженной толпы, и что даже Парламентъ нѣсколько лѣтъ сряду занимался симъ предметомъ. Частїю нашего войска почитались ополченїя, которыя существенно ничего не имѣли въ себѣ военнаго. Сколько

разъ благородный Лордъ (Кастлеригъ) говорилъ о 800,000 вооруженныхъ воиновъ! Но не странно ли почитать солдатами поселянъ, одѣтыхъ въ мундиры и поставленныхъ въ линїю? Не значитъ ли это дѣлать то же, что робенокъ, которой, воткнувши палку въ землю, сталъ бы увѣрять, будто посадилъ дерево! (*Смѣются.*)

„Образованїе войска по моему плану есть дѣло не новое. Въ корпусахъ нашихъ волонтеровъ не можетъ быть совершеннаго порядка военнаго, — а войско безъ дисциплины никуда не годится. Чтобы имѣть войско, надобно знать прежде, какъ образовать его и дополнять рекрутами. Солдата никѣмъ другимъ замѣнить не можно. — Извѣстно, что всегда войска рѣшили важнѣйшїя распри и судьбу народовъ. Нацїя не можетъ вся идти на сраженїе, но посылаетъ войска; если ихъ побьютъ, то и дѣло проиграно. Никогда поголовное вооруженїе не имѣло желаемаго успѣха. Слова мои не къ тому клонятся, чтобъ ослабить усилїя народа; говорю только, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не льзя на него полагаться. Я весьма увѣренъ, что патрїотизмъ соотечественниковъ моихъ, приверженность ихъ къ законамъ, Королю и мѣсту рожденїя, заставятъ каждаго скорѣе умереть съ оружїемъ въ рукахъ, нежели покориться непрїятелю. Однакожь не

надобно терять изъ виду примѣра другихъ народовъ, а особливо такихъ, которые имѣли побудительныя причины всего надѣяться отъ своей храбрости. Швейцары суть народъ воинственный; они храбры, неустрашимы, умѣютъ управлять оружіемъ, любятъ свое отечество: что жь сдѣлалось со Швейцаріею?

„Въ планѣ моемъ не изключается намѣреніе требовать помощи отъ народа въ случаѣ непріятельскаго нападенія; но хочу только доказать, что мы не должны полагаться на его помощь. Я намѣренъ предложить надежныя средства къ наполненію войска. О дисциплинѣ не скажу ничего, будучи увѣренъ, что наше регулярное войско въ сей части не уступаетъ никакому въ Европѣ. — Войско дополняется людьми или добровольно, или по принужденію. Послѣднее средство противно нашей конституціи. Парламентъ можетъ закономъ установить принужденной наборъ рекрутъ; но при исполненіи сего закона встрѣтились бы великія препятства.

„Люди опытные въ военномъ дѣлѣ справедливо замѣтили по нынѣшнему состоянію войска, что оно наполняется людьми лѣнивыми, шалунами, бродягами, бездѣльниками; да и тѣхъ надобно заманивать хитростію и обѣщаніями. Это еще не все:

видя, что не можете дополнять недостатокъ въ людяхъ, вы замѣняете ихъ дѣтьми. Что причиною сему? Некому служить? или не гдѣ взять людей? совсѣмъ нѣтъ. Военное состоянїе почитается ниже всѣхъ другихъ въ Королевствѣ; и такъ мудрено ли, что всякой отъ него бѣгаетъ? Пока солдату не дадутъ полной свободы оставить свое званїе и избрать другое, когда захочетъ, — до тѣхъ поръ военная служба не будетъ у насъ въ хорошемъ состоянїи. Поставьте военное званїе на высшую степень, и увидите, что многїе найдутся до него охотники. Что дѣлаютъ на фабрикахъ, когда надобны люди? Предоставляютъ разныя выгоды, прибавляютъ жалованье; а если трудна работа, или вредна для здоровья, то удвоиваютъ плату. Не знаю, почему бы намъ не принаровить сего къ нашей военной службѣ.

„И такъ, первое обстоятельство есть прибавка жалованья. Назначивъ по *пяти* щиллинговъ на день, можно привлечь много охотниковъ; но такїя издержки были бы тягостны для общества и вредны для службы. Солдатъ вдался бы въ своевольство; надлежало бы необходимо прибѣгнуть къ строгости, а строгость отняла бы охоту записываться въ службу. Слѣдственно прибавку жалованья можно оставить, и подумать о доставленїи лучшаго содержанїя инвалидамъ.

Можно также опредѣлить награды тѣмъ, кои будутъ ихъ достойны, и такимъ образомъ въ другихъ возбудить соревнованіе. Ни что столько не пріятно для людей военныхъ, какъ отличія, которыя справедливо названы *защитою отечества, стоющею весьма небольшихъ издержекъ.*

„По моему мнѣнію, одинъ изъ важныхъ предметовъ требуетъ перемѣны. Предлагая мысль свою, знаю, что многія уважаемыя военныя особы со мною не согласятся; однакожь я твердо увѣренъ и въ томъ, что не ошибаюсь; потому что также многія почтеннѣйшія особы уже одобрили планъ мой. Надобно принимать людей въ службу на извѣстное число лѣтъ. (Кричатъ: *слушайте, слушайте!*) Кто хотя немного наблюдалъ природу человѣческую; тотъ легко согласится, что назначеніе срока заохотитъ многихъ записываться въ службу. Нѣкоторые утверждали, будто такая перемѣна могла бы имѣть дурныя слѣдствія для характера нашего войска. Кто станетъ увѣрять, что войска другихъ Государствъ хуже нашихъ? однакожь вездѣ служатъ солдаты по срокамъ. Если такое обыкновеніе нигдѣ не признано вреднымъ, то почему у насъ оно можетъ быть пагубнымъ? Не ссылаясь на чужестранныя войска, приведемъ въ примѣръ наши волонтерные корпусы, набранные на

извѣстное только время; а войска Индїйской Компанїи развѣ не срочно служатъ?

„Солдату, выслужившему семь лѣтъ, пусть дано будетъ право получить отставку, и поселиться, гдѣ захочетъ. Въ теченїе другаго семилѣтїя, пусть получаетъ онъ большее жалованье, въ знакъ отличїя; довольно прибавить шесть пенсовъ на недѣлю. По прошествїи сего втораго срока, пускай солдатъ, если захочетъ, получитъ отставку съ пенсїономъ. Для конной службы другой срокъ. Кто служитъ третїе семилѣтїе, тому прибавить по шиллингу на недѣлю, и дать право по окончанїи службы пользоваться содержанїемъ живущихъ въ Чильзи инвалидовъ, коимъ надобно предоставить еще нѣкоторыя выгоды.

„Вотъ главныя перемѣны, вразсужденїи регулярнаго войска; другїя, менѣе важныя, сдѣлаетъ Главнокомандующїй Генералъ по своему благоусмотрѣнїю. Упомяну еще, что надобно прибавить что-нибудь къ пансїонамъ вдовъ офицерскихъ, которыя до сихъ поръ получали очень мало.

„Теперь надобно вамъ рѣшить мудреную задачу: что должно дѣлать съ толпою людей вооруженныхъ, несоставляющихъ войска, но назначенныхъ для защиты Королевства?

Мнѣнія различны о системѣ; у насъ принятой. Что полезно въ одно время; то ни къ чему не годится въ другое. Въ 1803 году; когда угрожала внезапная опасность націи, можно бы прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, которыхъ нынѣ нельзя произвести въ дѣйство. Собраны волонтеры, и правительство, для ободренія; дозволило имъ почитать себя солдатами; какая ни была бы причина сего дозволенія; по моему мнѣнію слѣдствія онаго были пагубны. Великій мужъ (Г. Питтъ), котораго мы недавно лишились, былъ увѣренъ; что волонтеры могутъ такъ учиться и такъ же служить; какъ регулярныя войска. Я думаю, что онъ ошибался. Онъ говорилъ, что „сіи ополченія отразятъ непріятеля" — но говорилъ болѣе по пристрастію; болѣе по добротѣ сердца, нежели по разсудку. Знаю, даже многіе Генералы писали въ своихъ донесеніяхъ, что сіи войска могутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ регулярными. Пусть такъ; пусть каждой волонтеръ былъ бы храбръ; какъ Цезарь: но никто не знаетъ того, никто не испыталъ того на дѣлѣ. Очень вѣроятно, что сія система имѣетъ свои выгоды; не смотря на то, ее должно отмѣнить. Она не отвѣчаетъ своему назначенію; и польза ея не стоитъ такихъ важныхъ издержекъ. Впрочемъ, я не противлюсь, — набирайте волонтеровъ, сколько вамъ угодно;

желаю только, чтобъ они не стоили обществу издержекъ. Пускай всѣ жители учатся управлять ружьемъ, — я очень тому порадуюсь; ибо вопервыхъ, регулярное войско удобнѣе дополняться будетъ рекрутами; вовторыхъ, можно будетъ употребить вооруженныхъ поселянъ на защищенїе отечества въ случаѣ непрїятельскаго нападенїя.

„Не одобряю нынѣшней системы по причинѣ издержекъ. Въ три года съ половиною она стоила правительству пяти миллїоновъ фунтовъ стерлинговъ, и столько же частнымъ людямъ; по подпискѣ собрана сумма равная обѣимъ вышеупомянутымъ, взятымъ вмѣстѣ. (Кричатъ: *нѣтъ, нѣтъ!*) Я знаю на вѣрное, что подписная сумма простирается до *десяти* миллїоновъ. Не выгодно такимъ образомъ расточать деньги, изъ которыхъ можно бы сдѣлать гораздо лучшее употребленїе. Я сказалъ уже, что можно имѣть волонтерные корпусы, надобно только такъ распорядить, чтобъ они не стоили правительству издержекъ; всѣ жители пусть учатся управлять ружьемъ. Предположимъ, что регулярное войско будетъ разбито, или претерпитъ важныя потери; для такого случая необходимо надобно имѣть запасныхъ людей. Наблюдая сїю предосторожность, мы будемъ непобѣдимы; ибо, имѣя вѣрныя средства дополнять войско, не испугаемся

маловажныхъ проигрышей, и будемъ увѣрены, что рѣшительная побѣда останется на сторонѣ нашей. Для достиженія сей цѣли, и для облегченія народа отъ великой тягости, предлагаю знатно уменьшить число волонтеровъ. Это не трудное дѣло: надобно прекратить выдачу имъ жалованья, и между тѣмъ предоставить имъ другія преимущества.

„Теперь нельзя добровольно склонить народъ къ принятію оружія. Надобно принудить его, однако жь съ крайнею осторожностію. Предлагаю принять методу одного изъ почтенныхъ Членовъ (Гна Йорка), и основанія Акта о поголовномъ вооруженіи. Число волонтеровъ уменшится; за то волонтерные корпусы будутъ состоять изъ людей отборныхъ: всякой богатой гражданинъ охотнѣе согласится служить волонтеромъ на своемъ собственномъ содержаніи, нежели по принужденію ходить на ученье съ крестьянами. Правительство должно снабдить ихъ оружіемъ.

, Предлагаю раздѣлить народъ на классы: въ первомъ состоять будутъ люди отъ 16 до 24 лѣтъ, во второмъ отъ 24 до 32, въ третьемъ отъ 32 до 40. Корона, смотря по обстоятельствамъ, назначитъ, куда какому классу идти для защищенія государства. Упоминаю только главные пункты моего

плана, оставляя подробности до будущаго времени," и проч.

Лордъ Кастлеригъ сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ новаго плана, и хвалилъ разпоряженія прежняго Министерства.

Г. Фоксъ сказалъ между прочимъ: „Благородный Лордъ (Кастлеригъ) говоритъ, что нація и государство, по милости прежнихъ Министровъ, находятся теперь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Гдѣ это, столько превозносимое, цвѣтущее состояніе? Я согласенъ, что морская сила наша своею безпримѣрною храбростію и неожиданными успѣхами изумила всѣхъ, что она теперь въ хорошемъ состояніи, и что моему другу (Грею, нынѣшнему Лорду Говику) не трудно управлять морскимъ департаментомъ; но можно ли на вѣрное утверждать, что симъ одолжены мы прежнему Министерству? Не въ финансахъ ли надобно искать доводовъ нашего благосостоянія? Правда, мы получаемъ доходу 43,000,000 ф. с.; что жь въ томъ, когда расходы ничѣмъ не менѣе? Что скажетъ благородный Лордъ о состояніи Ирландіи и Восточной Индіи? Гдѣ это *розовое ложе*, которое, по его мнѣнію, разостлано для насъ прежними Министрами? Надо мною смѣются, говоря мнѣ о розовой постелѣ, тогда какъ я чувствую подъ собою

тернъ колючій. Если бъ состояніе нашего отечества точно было самое счастливое, то все мы не должны забывать о положеніи Государствъ Европы, которое — какъ и самъ благородный Лордъ признается — не совсѣмъ хорошо. Онъ говоритъ, что нашедши дѣла въ порядкѣ, мы не умѣемъ управлять ими. И такъ благородный Лордъ думаетъ, что для насъ точно приготовлена была дорога къ прочному, выгодному миру, и что намъ даны средства принудить непріятеля просить мира, или ослабить его силы? Если это ему кажется нетруднымъ дѣломъ, я хотѣлъ бы послушать его совѣтовъ. Не стану входить въ разсмотрѣніе, хорошо ли мы вели прошедшую войну, и можно ли было ожидать успѣховъ отъ нашихъ распоряженій; но знаю, что слѣдствія послѣдней кампаніи теперь стоютъ намъ многихъ хлопотъ. Нація угнетена, правительство въ трудномъ положеніи. Благородный Лордъ кажется хотѣлъ сказать, что прежніе Министры нашли средство напасть на слабую сторону непріятеля. Если это правда, то долгъ требуетъ отъ него открыть правительству такое средство; если же это пустая выдумка, то пускай себѣ хранитъ тайну. Благородный Лордъ говоритъ, что у насъ многочисленное войско; а о томъ не думаетъ, что у непріятеля оно еще многочисленнѣе. Конечно, войско наше теперь гораздо больше, нежели

какимъ было оно при Королевѣ Аннѣ, или во время войны Американской; но тѣ ли нынѣ обстоятельства?"

Потомъ Г. Фоксъ опровергалъ возраженія Лорда Кастлерига вразсужденіи срочной службы; приводилъ въ примѣръ Нѣмецкой легіонъ и 60 й полкъ, которые служатъ по договору на Англійскомъ жалованьѣ; доказывалъ, что отъ волонтеровъ не льзя ожидать важной помощи.

„Благородный Лордъ — продолжалъ Г. Фоксъ — увѣряетъ насъ, что покойной Питтъ хотѣлъ умножить число солдатъ, прибавивъ 20, или 25,000 человѣкъ. Я не сомнѣваюсь, что и мой почтеннѣйшій другъ (Виндамъ) предложитъ объ увеличеніи нашей военной силы. Намъ не должно забывать, что кромѣ Россіи, весьма отдаленной по географическому положенію отъ насъ Державы, мы не имѣемъ у себя надежныхъ союзниковъ. Вотъ счастливое состояніе, о которомъ благородный Лордъ говоритъ! Надобно, надобно умножить войско, какой оборотъ ни приняли бы дѣла наши, военной или мирной. Я принужденъ перемѣнить прежнее свое мнѣніе, и сказать, что нынѣшнія обстоятельства предписываютъ даже и въ мирное время содержать сильное войско. Если не заключимъ полезнаго и прочнаго

мира, что кажется очень вѣроятнымъ; если, продолжая войну, не будемъ имѣть на своей сторонѣ выгодъ, о которыхъ я упоминалъ прежде: то увидимъ себя въ непрїятномъ положенїи. Впрочемъ, что ни случится, какую систему ни рѣшимся принять, — необходимость требуетъ имѣть въ готовности сильное регулярное войско."

Послѣ того Г. Виндамъ получилъ дозволенїе подать биль, въ сходство сдѣланнаго предложенїя.

III.

Извѣстїя и замѣтанїя.

Съ нѣкотораго времени сообщенїя между Францїею и Англїею сдѣлались весьма часты. Французское судно подъ мирнымъ флагомъ уже нѣсколько разъ привозило бумаги къ Англїйскому Министерству. Нѣкоторые Журналы рѣшительно утверждаютъ, что дѣло идетъ не о размѣнѣ плѣнныхъ, но о мирѣ. Извѣстно однакожь, что Лордъ Эльджинъ, содержавшїйся въ плѣну во Францїи, и другїе знатные Англичане получили дозволенїе отправиться въ свое отечество; съ Англїйской стороны также отпущены во Францїю несчастный Адмиралъ Вильнёвъ,

и Капитаны Аюкасъ и Энферне. Первой, опасаясь гнѣва Наполеонова, не доѣхавъ до Парижа, въ Реннѣ лишилъ себя жизни; послѣднїе оба представлены были въ Сен-Клудскомъ дворцѣ Г-ну Бонапарте, которой сказалъ при семъ случаѣ: „Еслибъ всѣ мои корабли такъ дѣйствовали, какъ вами управляемые (*), то побѣда не осталась бы *сомнительною*. Знаю, что нѣкоторые не слѣдовали вашему примѣру. Я приказалъ о нихъ развѣдать; но ваше поведенїе мнѣ извѣстно; я пожаловалъ васъ Кавалерами почетнаго Легїона. Капитаны, которые вмѣсто того, чтобъ идти противъ непрїятеля, стояли съ кораблями своими далѣе пушечнаго выстрѣла, будутъ судимы, и если заслуживаютъ, наказаны примѣрнымъ образомъ.“ — И такъ видимъ, что и о размѣнѣ плѣнныхъ были переговоры. Англїйское правительство содержитъ въ тайнѣ предметъ сношенїй со Францїею; не смотря на то, денежной курсъ упалъ въ Лондонѣ по пронесшемуся слуху, что предложенїй, сдѣланныхъ со стороны Францїи, принять никакъ не можно.

Между тѣмъ какъ Фоксъ и Талейранъ ведутъ переговоры, между Журналами про-

(*) Адмиралъ и оба Капитана, здѣсь упоминаемые, взяты Англичанами въ плѣнъ въ день побѣды надъ Французско-Испанскимъ флотомъ при мысѣ Трафальгарскомъ.

должается перестрѣлка. Аргусъ гласитъ: „Наконецъ Англичане начинаютъ чувствовать, сколь тягостна война, затѣянная ихъ правительствомъ. Теперь они жалѣютъ, для чего прежнїе Министры не просили Короля Прусскаго о томъ, чтобъ онъ занялъ Ганноверъ и Голландїю; ибо сей Монархъ — такъ утверждаютъ они — остался бы союзникомъ Англїи. Много надлежало бы говорить о семъ; но лучше замолчимъ. Событїя показали, что Англїя теперь принуждена жалѣть; однакожь она не раскаевается, что хотѣла по своей волѣ разпоряжать дѣлами всей Европы. Берлинской Кабинетъ заставилъ теперь хлопотать Англїйское правительство. Пруссїя, какъ Государство приморское, ничего не потеряетъ; какъ Государство твердой земли, можетъ не бояться Англїи. Вмѣсто того, чтобъ воевать съ сею Державою, Пруссїя запретъ для нее свои пристани: вотъ вѣрное средство побѣдить непрїятеля! Чѣмъ продолжительнѣе линїя, отдѣляющая Англичанъ отъ твердой земли, тѣмъ опаснѣе подрывъ для ихъ торговли. Они въ Шведской Померанїи имѣютъ выгодную складку своихъ товаровъ; но скоро... — Быстрое разпространенїе системы, утѣсняющей Англїйскую торговлю, обѣщаетъ Европѣ прочной миръ и свободное мореплаванїе. Недавно еще Англїйское правительство хотѣло отнять у Францїи Нидерланды; а те-

перь само оно скоро не будетъ имѣть на полуденныхъ берегахъ Балтїйскаго моря ни одной пристани, открытой для кораблей своихъ."

Взоры политическихъ наблюдателей теперь устремлены на Померанїю, которую Прусскїй Король, въ слѣдствїе сдѣланнаго соглашенїя съ Г-мъ Бонапарте, хочетъ себѣ присвоить, точно такъ, какъ Ганноверъ. Извѣстно, что уже начало сдѣлано. Судя по приготовленїямъ со стороны Шведскаго правительства, — по участїю, какое принимать должны Англичане въ судьбѣ сей области, — по послѣднему трактату, которымъ одна изъ великихъ Державъ поручилась за безопасность Шведскихъ владѣнїй, остается думать, что Прусскїя войска встрѣтятъ на пути сильныя препятства, и должны будутъ сражаться не съ одними Шведами.

Оставляя до будущаго Нумера подробное увѣдомленїе о произшествїяхъ, случившихся въ Англїйскомъ Парламентѣ, а особливо о дѣлахъ, до войны съ Пруссїею касающихся, скажемъ, что если бы въ самомъ дѣлѣ была какая-нибудь надежда на скорой миръ, то поступки Прусскаго Кабинета необходимо разрушили бы всѣ планы, спасительные для человѣчества. Англїя долго не забудетъ Ганновера.

Читатели уже знаютъ, что Наполеонъ Бонапарте выдумалъ для себя, и принялъ титло *великаго*. Іосифъ, которой теперь опустошаетъ огнемъ и мечемъ бѣдное Неаполитанское Королевство, ревнуя подвигу меньшаго своего брата и повелителя, призналъ за полезное перебить славу у древняго Аристида, и назвать себя — *справедливымъ Іосифомъ*! Можно бы подумать, что это шутка, еслибъ Парижскіе листки не упоминали о семъ обстоятельствѣ. — Къ исторіи о состояніи Французской Литтературы въ господствованіе фамиліи Бонапарте принадлежитъ напечатаніе третьимъ изданіемъ маленькой книжки подъ титуломъ: *Пророчество, бывшее за двѣ тысячи лѣтъ, о пришествіи въ міръ Наполеона.* Профессоръ Делормеръ поднесъ Трибунату другую (eiusdem farinae) собственнаго мастерства книгу: *Изъясненіе пророчества Даніилова, относительно нынѣшняго времени.*

По требованію Г-на Бонапарте изъ Голландіи отправились Депутаты въ Парижъ, гдѣ они имѣли уже нѣсколько сношеній съ Французскимъ Министромъ по предмету перемѣны въ образѣ правленія. Между тѣмъ отъ городовъ получаются отзывы, не соотвѣтствующіе ожиданіямъ Наполеоновымъ. Такъ, напримѣръ, городъ Амстердамъ же-

лаетъ; чтобы Республиканское правленіе оставалось по прежнему, и чтобы, если глазная болѣзнь препятствуетъ Г-ну Шиммельпенинку отправлять должность, назначенъ былъ другой Ратъ-Пенсіонеръ; съ уменьшеніемъ нѣкоторыхъ преимуществъ, соединенныхъ съ симъ верховнымъ званіемъ. — Отзывъ, присланный изъ Гарлема къ Ихъ Высокомочіямъ, содержитъ въ себѣ торжественное отреченіе отъ Монархической Конституціи; и гласитъ между прочимъ: „Сей образъ правленія, выгодный для другихъ народовъ, будетъ причиною нашей погибели. Мы носимъ на себѣ имя знаменитыхъ нашихъ предковъ, которые оставались союзниками Рима въ то время, когда Римъ управлялъ цѣлымъ свѣтомъ. Наша малая нація, съ помощію торговли своей, бывъ подъ покровомъ Республиканскаго правленія, часто играла важную роль на театрѣ міра; освободясь отъ ига Испанскаго, мы были полезными союзниками для нашихъ сосѣдовъ, а часто страшными для нихъ непріятелями. Нижеподписавшіеся просятъ, чтобы имъ не давали правительства, противнаго ихъ обычаямъ и ихъ существованію. Уповаемъ, съ помощію Божіяго Провидѣнія, сохранить независимость Республики и драгоцѣнную свободу:“ Независимость Республики и драгоцѣнная свобода извѣстна вамъ, добрые Голландцы, только по слуху; вы давно лишились ихъ. Оста-

токъ вашихъ флотовъ и вашихъ сухопутныхъ ополченій повинуется тому, кого вы, по волѣ или по неволѣ, называете своимъ покровителемъ. Если Батавія достанется, какъ полагаютъ, Лудовику Бонапарте; и если Сенаторъ Богарне, тесть наслѣднаго Принца Ваденскаго, получитъ въ удѣлъ Швейцарію; то колоссъ Французскаго владычества будетъ имѣть еще двѣ надежныя подпоры.

*

Великій Пріоръ, Г. Караччіоли, котораго верховный Совѣтъ Мальтійскаго ордена избралъ своимъ Великимъ Магистромъ послѣ смерти Г-на Томази, признанъ уже въ семъ достоинствѣ многими Европейскими Державами, кромѣ Франціи. Г. Караччіоли живетъ въ Мессинѣ, въ своемъ Коммандорствѣ.

*

Объявленіе, напечатанное въ Гамбургской газетѣ объ одной новой книгѣ, столь важно, что не можемъ не помѣстить его здѣсь въ сокращеніи: „Скоро явится одно изъ важнѣйшихъ открытій, которое уничтожитъ пустое предположеніе Филолаево, вообще приписываемое Коперникуу, — предположеніе, котораго самой меньшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что оно вводитъ въ заблужденіе здравой смыслъ, заставляя полагать, будто земля перебѣгаетъ ежедневно 542,000 мили. Новое открытіе опровергаетъ также систему Птоломееву, эпициклы, эллипсисы

Кеплеровы, — и возвращаетъ путямъ планетнымъ правильные круги. Оно ясно доказываетъ, что Солнце дѣйствительно и ровнымъ теченіемъ *обращается около Земли*, и проч. Авторъ книги есть Г. Д' Агила, живущій въ Гамбургѣ. — Въ томъ же объявленіи сказано, что „сіе открытіе есть плодъ, созрѣвшій въ путешествіяхъ, размышленіяхъ и молчаніи, — и что сія книга откроетъ глубокую тайну, которую наблюдатели тщетно старались проникнуть въ теченіе 3000 лѣтъ" — Тѣни Галилея и Кеплера! . . . .

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

I ЮНЪ, 1806.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Анатомическое описаніе сердца кокетки.

(Вольный переводъ изъ соч. Г-на Пиньйотти.)

Прелестной полъ! милыя женщины! я иногда осмѣливался забавлять читателей описаніями вашихъ любовныхъ шалостей; вы не только не сердились на меня, но даже часто смѣялись вмѣстѣ со мною: потому что я не вооружался бичемъ сатиры противъ вашихъ нравовъ, и какъ можно остерегался дотрогиваться до нѣжной стороны вашего сердца. Убѣдительно прошу васъ не перемѣнять ко мнѣ своего разположенія, и вѣрить, что всѣ желанія мои были и будутъ устремлены къ одной цѣли — вамъ нравиться.

Конечно, почти всѣ женщины милы, любезны, скромны; однакожь есть и такія — вы сами соглашались со мною — есть и такія, которыя привыкли сердиться за бездѣлицу. Самая невинная шутка имъ кажется несноснымъ, непростительнымъ оскорбленіемъ; онѣ рѣшительно объявили, что всѣ мои старанія угодить имъ останутся тщетными, — все, что я ни напишу, будетъ имъ противно. Такой строгой приговоръ можетъ ли остановить меня? Нѣтъ! Я послѣдую примѣру трудолюбиваго поселянина, которому пронзительные крики окружающихъ его кузнечиковъ не мѣшаютъ продолжать работу.

Однакожь, по силамъ своимъ и возможности, постараюсь удовлетворить тѣхъ, которыя почитаютъ меня мѣлочнымъ писателемъ. Буду говорить о важныхъ предметахъ. Удивляетесь? не хотите вѣрить? . . . Сударыни! удостойте меня вашимъ вниманіемъ; я намѣренъ теперь говорить . . . . . объ Анатоміи!

Чувствительныя красавицы! не пугайтесь моего дерзновеннаго предпріятія. Я не оскорблю вашихъ взоровъ отвратительнымъ зрѣлищемъ анатомическаго амфитеатра; не стану терзать нѣжной слухъ вашъ техническими словами, которыя столь же трудно понимать, какъ и выговаривать.

Одинъ Медикъ, старинной мой прїятель, недавно водилъ меня въ большую залу, гдѣ искусный Профессоръ Анатомїи долженъ былъ публично разсматривать сердце молодой, прекрасной женщины.

Она, живучи на свѣтѣ, была до крайности своенравна въ мысляхъ своихъ и дѣйствїяхъ; кого въ одинъ день ненавидѣла, того на другой любила; на третїй день опять новой предметъ обращалъ на себя ея вниманїе. Такимъ образомъ безпрестанное волненїе чувствъ ея походило на непостоянное море, то представляющее гладкую поверхность, то струимое зефирами, то волнуемое аквилонами.

Собралось множество любопытныхъ зрителей; Профессоръ, въ черномъ, длинномъ платьѣ, въ огромномъ парикѣ, съ очками на носу, съ суровымъ взоромъ и размѣренными тѣлодвиженїями, взявъ хирургическїе инструменты, началъ работу.

Сперва онъ старался найти, точно ли выходили изъ сердца нервныя жилочки, которыя должны были служить для удобнаго сообщенїя съ языкомъ, и точно ли, какъ съ клятвой увѣряла его покойница, была взаимная связь между сими ея органами. Анатомистъ, истощивъ всѣ свои усилїя,

наконецъ утвердительно объявилъ намъ, что между сердцемъ и языкомъ не было у нее никакихъ взаимныхъ отношенїй.

Почитаю нужнымъ упомянуть, что по открытїи первыхъ каналовъ сердца явилось безчисленное множество перепутанныхъ жилочекъ. Когда тщательно разсмотрѣли ихъ, нашлось, что однѣ были коротки, другїя длинны; послѣднїя удерживали движенїя, первыя ускоряли. Всѣ предстоящїе согласились единодушно, что сей безпорядокъ былъ виною странныхъ прихотей, которыми покойная кокетка удивляла всѣхъ своихъ знакомыхъ, — былъ виною тому, что сердце ея уподоблялось ракетѣ, которая, поднявшись на воздухъ, принимаетъ разныя направленїя, величественно возносится, склоняется направо и налѣво, издаетъ звукъ и скрывается отъ взоровъ.

Самое вещество сердца было легко и мягко; множество каналовъ проходило сквозь разные слои, подобные тѣмъ, какїе видимъ на луковицахъ нѣкоторыхъ растенїй.

На каждомъ слою примѣтны были изображенїя многихъ любовниковъ покойницы; но сїи портреты такъ легко нарисованы, что отъ одного прикосновенїя пальцемъ тотчасъ изчезали. Ихъ можно уподобить пятнамъ,

появляющимся на хрусталѣ или на мраморѣ отъ влажнаго дуновенія.

Какое зрѣлище! какую странную смѣсь представляли сіи разнообразныя фигуры! Прелаты, Каноники, причетники, были перемѣшаны съ Генералами, судьями, откупщиками, Князьями и простыми гражданами.

По снятіи всѣхъ слоевъ, Профессоръ показалъ сокровеннѣйшую часть сердца, самое средоточіе. Какою вы почитаете сію часть, о которой до сихъ поръ никто не имѣлъ точнаго понятія? . . . Она совершенно пуста; но въ сей пустотѣ носились тѣни, которыя попеременно то появлялись, то вдругъ изчезали. Это были алмазы, перья, кареты, наряды, освященныя ладонки, ленты, словомъ — все, чего ни хотѣлось покойницѣ. Да будетъ мнѣ дозволено сіе занимательное зрѣлище уподобить тому, на которое робенокъ съ нетерпѣливостію желаетъ смотрѣть въ длинные зимніе вечера, услышавъ пріятной звукъ рылей въ рукахъ штукаря, показывающаго фонарь волшебный. Онъ видитъ города, деревни, войска, животныхъ, праотца Адама, солнце, луну, и проч.; всѣ сіи предметы мгновенно появляются, вдругъ исчезаютъ, и нравятся дитяти потому, что не даютъ въ себя всмотрѣться.

Профессоръ поднесъ сердце къ горящей свѣчкѣ, которая стояла подлѣ зеркала; жилки кровоносныя вздулись, и въ тоже время послышался тихой шумъ, подобной тому, какой бываетъ отъ воздыханія чувствительной, но боязливой дѣвушки. Непосредственно за симъ посѣтители увидѣли поднимающійся шарикъ, которой превратился въ дымъ, и исчезъ въ воздухѣ.

Надобно еще сказать вамъ, милостивыя государыни, что сердце покойницы плавало въ прозрачной, холодной жидкости, которую Профессоръ нашъ влилъ въ стеклянную трубку.

Вы конечно знаете, какое дѣйствіе имѣетъ воздухъ атмосферическій на жидкость, содержащуюся въ термометрѣ. Вещество, въ которомъ плавало сердце кокетки, представляло такія же явленія, съ тою только разностію, что здѣсь не воздухъ производилъ перемѣны. Когда приближался къ трубкѣ человѣкъ благомыслящій, степенный, скромный, — жидкость опускалась почти до дна; но лишь только подходилъ какой-нибудь модной повѣса, — она быстро поднималась вверхъ къ самому отверстію.

Спустя нѣсколько времени, опыты повторяемы были въ обществѣ молодыхъ людей

обоего пола; жидкость двигалась и играла подобно кипящей водѣ. Вещи маловажныя дѣйствовали на нее чудеснымъ образомъ; чтобъ заставить ее кипѣть, стоило только поднести къ трубкѣ новую ленту, головной уборъ, модныя серьги, и тому подобныя бездѣлки.

Мнѣ сильно захотѣлось имѣть у себя сей чудесной инструментъ, и я просилъ своего пріятеля купить его, чего бы то ни стоило. Онъ смѣялся надъ моею простотою, и увѣрялъ меня, что всякая молодая женщина можетъ служить вмѣсто сего термометра, или лучше, *пустометра*.

Нѣтъ, красавицы! я не вѣрю словамъ моего пріятеля. Пусть люди злые и несправедливые за проступки двухъ или трехъ женщинъ обвиняютъ весь вашъ полъ; пусть говорятъ они, будто вы почитаете верховнымъ благомъ въ жизни подражать цвѣткамъ, недавно распустившимся, которые дозволяютъ рѣзвымъ мотылькамъ около себя увиваться, — я имъ не повѣрю!

Если правда — хотя это и кажется мнѣ выдумкою — что сердца женщинъ плаваютъ въ такой удивительной влажности, то какихъ похвалъ не заслуживаютъ тѣ красавицы, которыя, побѣдивъ низкія склонности, любятъ святую добродѣтель и исполняютъ ея законы!

II.

Историческія извѣстія о воздухоплаваніи.

Человѣкъ по внутреннему побужденію стремится къ высокимъ предметамъ; доказательствомъ тому служитъ видимая въ немъ склонность возноситься выше атмосферы, въ которой живетъ и которою дышетъ. Вѣроятно, Дедалъ не первымъ былъ воздухоплавателемъ. Знаю, что многіе не хотятъ его признать образцемъ Бланшара; но по какому праву? на какихъ доказательствахъ основывается мнѣніе, будто Дедалъ не что иное былъ, какъ обыкновенной кормщикъ? Истина ни мало еще не доказана тѣмъ, что Павзаній восковыя крылья называетъ парусами, съ помощію которыхъ будто Дедалъ ушелъ отъ своихъ непріятелей, преслѣдовавшихъ его на веслахъ. Развѣ плаваніе по воздуху не могло быть извѣстно прежде мореплаванія? развѣ не могло статься, что послѣднее изобрѣтено тогда, какъ первое пришло въ упадокъ? Не то же ли случилось со многими изобрѣтеніями, даже съ полосами на земномъ шарѣ, даже съ племенами народовъ? — Не будемъ теряться въ безполезныхъ догадкахъ; лучше поищемъ предшественниковъ Монгольфьеровыхъ въ пыли древнихъ фоліантовъ, которые свидѣтельствуютъ, что если не Де-

далъ былъ изобрѣтателемъ воздухоплаванія, то покрайней мѣрѣ и Монгольфьеръ былъ не первымъ изъ людей, которымъ всходило на мысль гулять въ странахъ надоблачныхъ. Галилей можетъ быть порукою, что умъ человѣческій давно уже занимался искуствомъ воздухоплаванія. Мимоходомъ скажемъ, что Плиній упоминаетъ объ нѣкоторомъ Тарентинцѣ Архитѣ, сдѣлавшемъ изъ дерева летающаго голубя: Tarenti degit Architas, qui ligneam columbam volatilem fecit — это собственныя слова его. Въ царствованіе Карла V, Ниренбергской Механикъ Гаутшъ сдѣлалъ искуственнаго орла, которой при въѣздѣ Императора въ Гентъ летѣлъ къ нему на встрѣчу одну Нѣмецкую милю. — Д. Бехеръ, довольно извѣстный Писатель и Физикъ семнадцатаго столѣтія, издавшій книжку объ изобрѣтеніяхъ своего времени, подъ титуломъ: *Умныя дурачества*, не только обстоятельно упоминаетъ о многихъ неудавшихся предпріятіяхъ, относительно воздухоплаванія, но утверждаетъ и доказываетъ возможность произвести ихъ въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ. Лауренбергъ (*) и Гаппель (**) въ своихъ сочиненіяхъ приводятъ разные примѣры удачныхъ и неудачныхъ опытовъ воздухоплаванія. Къ числу

(*) Въ *Acerra Philologica.*

(**) Въ *Relationes curiosae.*

первыхъ принадлежатъ сдѣланные, одинъ во Франціи, другой въ Гагѣ, третій въ Авгсбургѣ; послѣдній опытъ особливо достоинъ примѣчанія по тому, что воздухоплаватель былъ — башмашникъ. Упомянутый выше Бехеръ разсказываетъ, ссылаясь на одного очевидца, что жившій при Польскомъ Дворѣ Италіянецъ Баратини сдѣлалъ изъ лыкъ и соломы машину, съ помощію коея поднимался на воздухъ, имѣя при себѣ еще двухъ товарищей. Сей художникъ обѣщалъ было черезъ 24 часа очутиться въ Константинополѣ; однакожь не вылетѣлъ и за окрестности Варшавы, потому что — такъ думаетъ Бехеръ — машина его имѣла многіе недостатки.

Бывшій во многихъ путешествіяхъ, весьма ученый Профессоръ Кильскій, Пашъ, написалъ Трактатъ о новыхъ изобрѣтеніяхъ (*), гдѣ онъ старается доказать, что всѣ изобрѣтенія новѣйшихъ временъ собственно не что иное суть, какъ повторенія, или открытія того, что выдумано Древними. Между прочимъ онъ упоминаетъ о книгѣ, имѣющей названіе Compendium miraculorum, которую сочинилъ Испанской Дворянинъ Альваро Гутьересъ де Торресъ де Толедо; изъ нее Пашъ выписалъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ ученой монахъ Испанскій съ мало-

(*) De novis inventis. Lipsiae, 1700 in 4.

лѣтства упражнялся въ летанїи, подражая птицамъ; для чего привязывалъ къ рукамъ своимъ крылья изъ перьевъ. Чтобъ сдѣлать опытъ надъ своимъ искуствомъ, онъ взошелъ на башню, и оттуда пустившись, дѣйствительно пролетѣлъ болѣе двухъ сотъ шаговъ. По несчастїю, или отъ дѣйствїя сильнаго вѣтра, которому не могъ противиться, или отъ страха, нашъ воздушный путешествователь сдѣлалъ какую-то ошибку на лету, упалъ на землю, переломилъ обѣ ноги, и скоро потомъ умеръ. Сей монахъ былъ твердо увѣренъ въ совершенствѣ своего изобрѣтенїя, и даже не задолго передъ смертью сказалъ, что съ нимъ не случилось бы сего, еслибъ не забылъ прикрѣпить хвостъ къ спинѣ своей.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ воздухолетатели почитаютъ хвостъ весьма важною принадлежностїю. Въ Курландїи сохранилось преданїе объ одномъ Литвинѣ, которой въ началѣ прошлаго столѣтїя пустился съ колокольни на воздухъ, пролетѣлъ версты двѣ, упалъ на землю, и переломилъ себѣ ногу; въ продолженїе перевязыванїя новой Икаръ безпрестанно жаловался на себя, что забылъ привязать хвостъ, которой могъ служить ему вмѣсто руля. По свидѣтельству Бургграфа, то же случилось въ Нирен-бергѣ съ однимъ изъ цеховыхъ Стихотвор-

цевъ (*), которой съ помощїю двухъ искуственныхъ крыльевъ леталъ подобно птицѣ, и собственнымъ опытомъ увѣрился, что гораздо легче парить умомъ подъ небесами, нежели летать по воздуху. Такъ называемая Голландская вѣтреная телега, о которой Беркенмейеръ говоритъ въ своемъ *Любопытномъ Антикварїѣ*, достойна того, чтобъ здѣсь упомянуть о ней. Тому около ста лѣтъ, многїе путешественники смотрѣли на нее въ Шевелингенѣ, какъ на чудо. Съ помощїю парусовъ она перебѣгала извѣстное пространство скорѣе корабля. Гассендъ въ жизнеописанїи Перейска говоритъ, что сей ученый мужъ, жившїй въ началѣ семнадцатаго столѣтїя, желая удостовѣриться въ быстротѣ вѣтреной повозки, нарочно ѣздилъ въ Шевелингенъ, и что Графъ Маврицїй, послѣ побѣды при Ньёпортѣ, вмѣстѣ съ плѣннымъ Французомъ Мендозою сѣли въ нее, черезъ два часа приѣхалъ въ городокъ Петтенъ, отстоящїй отъ перваго въ пятьнадцати миляхъ. Въ повозкѣ могло помѣщаться до тридцати человѣкъ. — Не стоитъ ли это, чтобъ наши изобрѣтательныя головы потрудились, не льзя ли ввести въ употребленїе такихъ повозокъ? Сколько было бы сбережено прогон-

---

(*) Въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ городахъ встарину Стихотворцы записывались въ цехъ, и держали учениковъ.

ныхъ денегъ! тогда бѣдные путешественники избавились бы горестной необходимости таскаться на худыхъ клячахъ и шумѣть съ ямщиками!

Но болѣе всего достойно вниманія изобрѣтеніе одного Португальскаго священника, Бартоломея Лоренца, которое въ началѣ минувшаго столѣтія надѣлало много шуму, и заставило трудолюбивыхъ Ученыхъ исписать много бумаги. Тогдашній Римско-Императорскій Посланникъ при Лиссабонскомъ Дворѣ почелъ столь важнымъ сіе изобрѣтеніе, что отправилъ нарочнаго курьера въ Вѣну со спискомъ Меморіала, поднесеннаго Королю Португальскому. Тамъ было сказано, что Патеръ Лоренцо изобрѣлъ машину, съ помощію которой можно гораздо скорѣе ѣздить по воздуху, нежели по водѣ и по землѣ, и что она можетъ въ одни сутки перелетѣть около двухъ сотъ миль. Далѣе, изчислены всѣ выгоды, обѣщаемыя Государству симъ изобрѣтеніемъ, а особливо вразсужденіи скорѣйшаго сообщенія; сказано, что машина можетъ быть весьма полезна въ военное время, а и того болѣе для путешествій вокругъ земли. Наконецъ требовано изключительной привилегіи для художника, чтобы только ему и его наслѣдникамъ дозволено было пользоваться новымъ изобрѣтеніемъ. — Требованіе очень странное! а еще страннѣе,

что изобрѣтатель молчалъ, и за него просили другїе! — къ Меморїалу приложено было изображенїе воздухоплавательной машины, съ пространнымъ ея описанїемъ, изъ котораго видно, что лодка должна имѣть видъ раковины, съ придѣланными къ ней внутри раздувальными мѣхами и воздушными трубками. Къ обѣимъ сторонамъ прикрѣплены крылья для удержанїя лодки въ равновѣсїи, а назади руль для управленїя. Внутренняя сторона лодки, въ которой могло вмѣщаться отъ десяти до двенадцати человѣкъ, покрыта жестью по рогожкѣ, изъ осоки сдѣланной; въ числѣ необходимыхъ принадлежностей суть два небесные глобуса съ магнитами, и проч. — Многїе Ученые тогдашняго времени вѣрили сему изобрѣтенїю, и не сомнѣвались въ возможности имъ пользоваться: другїе напротивъ того воздушную лодку называли *воздушнымъ заликомъ*. — Кажется, Португальской Дворъ очень мало о ней заботился или потому, что опасался вредныхъ для себя слѣдствїй, или, что опытъ былъ неудаченъ; какъ бы то ни было, воздушная машина отца Бартоломея Лоренца предана забвенїю, и теперь никто не зналъ бы о ней, еслибъ извѣстїе, помѣщенное 1709 года въ Вѣнской газетѣ, не было внесено въ нѣкоторыя Лѣтописи.

Въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ осмнадцатаго столѣтїй много занимались воз-

духомъ и вѣтрами. Тогдашнїе Физики и Художники, часто въ одно и тоже время, мысленно возносились на высоты воздушныя, и выдумывали средства побывать тамъ въ самомъ дѣлѣ. Умалчивая о другихъ, почитаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь о двухъ изобрѣтателяхъ, особливо потому, что ихъ машины по видимому близкое имѣютъ сходство съ нынѣ-употребляемыми. Профессоръ Штурмъ, жившїй во Франкфуртѣ на одерѣ въ началѣ осмнадцатаго столѣтїя, довольно извѣстный Математикъ, особливо прославившїйся изобрѣтенїемъ новаго ордена столбовъ, которому онъ далъ названїе *Нѣмецкаго*, доказывалъ, что лодка, сдѣланная изъ воску, слегка нагруженная свинцомъ, и имѣющая при себѣ сверху стеклянные шары, можетъ держаться на воздухѣ такъ точно, какъ на водѣ. Онъ прибавлялъ къ тому, что такая лодка съ находящимися на ней людьми можетъ подняться на высоту, и носиться по воздуху, съ помощїю однако жь веселъ. По его мнѣнїю, воздушная лодка имѣетъ передъ обыкновенными то преимущество, что для нее не страшны бури и другїя несчастныя приключенїя; ибо въ случаѣ предстоящей опасности надобно только отвернуть кранъ, и впустить въ шары воздуху столько, сколько нужно для опущенїя на землю. — Славный въ свое время Италїянскїй Iезуитъ, Петръ Лама, въ

четвертой главѣ книги своей (del Prodromo premeſo all'arte Maeſtra) приводитъ замѣчаніе о способѣ сдѣлать *летающую лодку*, и доказываетъ возможность плавать по воздуху. Изъ предположеній его слѣдуетъ, что „если изъ шаровъ вытянуть воздухъ, то они сами собою поднимутся вмѣстѣ съ лодкою.“ Онъ прилагаетъ и наставленіе, какъ дѣлать сіи шары, во всемъ основываясь на математическихъ доказательствахъ; жалѣетъ, что бѣдное состояніе не дозволяетъ ему предпринять опыта, и проситъ любителей наукъ помочь ему нѣсколькими сотнями скудіевъ. Сколь много благодарить Петра Лама обязаны новѣйшіе воздухоплаватели, а особливо первые изъ новѣйшихъ! не на его ли *крыльяхъ* поднимался Монгольфіеръ? Однакожь — хотя сей художникъ не объявилъ имени изобрѣтателя — онъ заслужилъ славу уже и тѣмъ, что воскресилъ прежнее открытіе. Хвала и послѣдователямъ его, которые разпространили предѣлы новаго искуства! Никто не дерзнетъ оспоривать у нихъ пальму изобрѣтенія, хотя и многіе завидуютъ имъ въ открытіи новаго способа — питаться воздухомъ.

Алберт.

III.

Леонардъ Винчи.

Еще не рѣшенъ вопросъ, родится ли человѣкъ съ особливымъ дарованіемъ только для одного искуства, или, получивъ отъ натуры чрезвычайную способность къ одному, можетъ равно успѣть во многихъ? Вѣроятнѣе, что нѣкоторые люди родятся только для одного искуства, и что въ другихъ они не могутъ достичь равной степени. Странно думать, будто Мольеръ во многихъ родахъ могъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ комедіяхъ. Нельзя также воображать, чтобы Лафонтенъ въ состояніи былъ что-нибудь другое написать такъ, какъ басни и сказки. Однакожь бываютъ люди, имѣющіе совершеннѣйшую организацію, которая дѣлаетъ ихъ способными оказать равные успѣхи во многихъ наукахъ и искуствахъ. Изъ числа такихъ рѣдкихъ, чудесныхъ людей Леонардъ Винчи есть первый.

Имѣвъ прекрасную фигуру и необыкновенную силу, Винчи удивлялъ своими способностями ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ. Судя по уму его, обширному и проницательному, надлежитъ заключать, что онъ рожденъ былъ для всѣхъ наукъ и художествъ. Онъ одержалъ верхъ надо всѣми своими со-

перниками въ музыкѣ, извлекая очаровательные звуки изъ серебряной лиры, которую самъ сдѣлалъ на подобіе лошадинаго черепа. Никто легче его не могъ произносить стихи безъ приготовленія, и никто не приобрѣлъ большей славы на семъ трудномъ поприщѣ. Онъ оказалъ отличные успѣхи въ Химіи, Математикѣ, Астрономіи и Архитектурѣ. Между многими произведеніями рѣзца его превосходнѣйшимъ почитается моделъ огромнаго коня, сдѣланная для статуи одного Миланскаго Дюка, и разбитая во время народнаго возмущенія. Извѣстно, что онъ, какъ искусной Механикъ, составилъ удивительную самодвижущуюся машину на случай вшествія въ Миланъ Лудовика XII. Какъ Инженеръ и Архитекторъ, преодолѣвъ величайшія трудности, онъ провелъ каналъ Морте-Сана, простирающійся въ длину болѣе двухъ сотъ миль, отъ Адды къ стѣнамъ Милана. Сей подвигъ, которой одинъ могъ бы имя Леонарда Винчи сдѣлать безсмертнымъ, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ его жизни.

Непреодолимая страсть упражняться въ наукахъ и искуствахъ была виною, что онъ перемѣнялъ предметы; слѣдуя влеченію склонности своей, оставлялъ одно дѣло, и принимался за другое. Онъ обогащалъ себя знаніями не для того, чтобъ послѣ хвалиться ими, но

единственно потому, что находилъ удовольствіе въ учебныхъ занятіяхъ; неусыпно старался узнавать все не по честолюбію, но по внутреннему побужденію стремиться ко средствамъ, которыя натура показала ему для достиженія счастливой цѣли въ жизни. Болѣе же всего любилъ онъ Живопись, и особливо ею прославилъ имя свое въ мірѣ. Онъ болѣе всѣхъ сдѣлалъ для художествъ; возвратилъ имъ изящной вкусъ, утвердилъ его, и показалъ къ нему дорогу. Какъ знаменитый исполинъ, удалилъ препоны и приготовилъ поприще, на которомъ подвизались Геніи Микель-Анжела и Рафаэля. Вкусъ былъ руководителемъ умовъ просвѣщенныхъ; слава была цѣлью ихъ подвиговъ; правота и ученость были ихъ судіями; безсмертіе было наградою побѣдителей.

Талантъ Леонарда Винчи особенно отличался ученою рисовкою, въ которой онъ бралъ примѣръ красоты не съ древнихъ статуй, но съ самой природы. Онъ попалъ на вкусъ Древнихъ, не думавъ подражать имъ; не срисовывая съ ихъ образцовъ, нашелъ способы выражать благородство, истину, прелесть и силу. Винчи страшенъ, живописуя кровавыя битвы; любезенъ, изображая Ангеловъ и дѣвъ невинныхъ. Онъ искалъ въ самой натурѣ источника неподражаемой, точной выразительности, — и нашелъ его; какъ Анатомикъ и Философъ,

съ помощїю глубокихъ наблюденїй онъ успѣлъ достигнуть сей возвышенной цѣли. Занимаясь Анатомїею вмѣстѣ съ однимъ славнымъ Медикомъ города Павїи, онъ разсыпалъ густой мракъ, въ которомъ погружена была сїя наука; оба сотрудники издали весьма полезныя сочиненїя, и показали ее въ новомъ блескѣ. — Высокое понятїе о Живописи и ея могуществѣ остановляло работу; ему всегда казалось, что картины его не окончаны; никогда не осмѣливался онъ изображать на полотнѣ всего, что наполняло его душу; онъ думалъ, что величественныя и прекрасныя мысли не даютъ права пренебрегать отдѣлку; постановилъ для себя непреложнымъ закономъ пламенное изобрѣтенїе и выразительность соединять со всевозможнымъ обработанїемъ подробностей: вотъ почему многїя картины его не отдѣланы. — Крѣпкое сложенїе тѣла едва переносило неутомимые труды ума, которой безпрестанно стремился къ совершенству. —

Картина его: *Тайная Вечеря*, есть вѣрнѣйшее доказательство нѣжности и возвышенности чувствъ Художника. Сїе славнѣйшее произведенїе Леонардовой кисти даетъ ясное понятїе о томъ, какъ чувствовалъ Генїй его, и что былъ онъ въ состоянїи исполнить. Тамъ истина и красота соедине-

ны между собою неразлучно; тамъ самое сильное выраженіе не выходитъ за предѣлы точности; тамъ возвышенность плана и отдѣлка подробностей изумляютъ зрителя. Художникъ выбралъ моментъ, когда Іисусъ Христосъ говоритъ Апостоламъ, что одинъ изъ нихъ предастъ Его; въ этомъ состоитъ дѣйствіе картины. Черты на лицѣ Спасителя показываютъ величіе Бога. Художникъ такъ искусно умѣлъ дать приличную наружность и характеръ Апостоламъ, что вы спрашиваете себя, не были ль они въ самомъ дѣлѣ его образцами? На ихъ лицахъ написана важность, но человѣческая; одно чувство одушевляетъ ихъ, но чувство сіе въ каждомъ изображено особеннымъ образомъ. Сіе удивительное произведеніе искуства назначило творцу своему мѣсто между первыми Художниками, не смотря на то, что другіе написали болѣе картинъ. За *Тайную Вечерю* уважаютъ Леонарда; уважаютъ его еще и за то, чего онъ не произвелъ — но могъ произвести. Сей памятникъ художества давно уже началъ повреждаться, и скоро не льзя будетъ на немъ распознать того, что осталось; но многіе Писатели столько говорили о немъ, что если картина погибнетъ, то слава ея пребудетъ вѣчною; самое разрушеніе возбудитъ большее участіе въ потомствѣ. Но, нѣтъ! картина не погибнетъ; множество списковъ сохранитъ ее въ памяти

любителей художествъ. Прекрасной эстампъ, недавно выгравированной однимъ изъ славнѣйшихъ Художниковъ въ Европѣ, вопреки усилїю времени, сбережетъ всѣ части картины, кромѣ красокъ. Пусть всѣ произведенїя Леонардовы истребятся; одинъ сей эстампъ поддержитъ славу ученѣйшаго изъ Живописцевъ.

Трактатъ его о Живописи, сочиненїе весьма уважаемое, также принадлежитъ къ славнѣйшимъ произведенїямъ его таланта; для похвалы ему довольно сказать, что Пуссенъ срисовывалъ съ него фигуры. Сей ученой Мужъ признавался, что Леонардову Трактату онъ обязанъ частїю своихъ знанїй, прославившихъ его имя. Все хорошее, чему ни учатъ въ школахъ, находится въ этомъ Трактатѣ; между прочими наставленїями тамъ сказано, что надлежитъ сколько можно стараться писать съ натуры, — что должно выбирать изящнѣйшее, — что красота должна быть разнообразна, — что для подражанїя натурѣ надобно знать Перспективу, Анатомїю, дѣйствїя свѣта, Исторїю, разныя движенїя человѣческаго сердца. Если нѣсколько экземпляровъ сей книги укроется отъ всеистребляющаго времени, то хотя искуства погибнутъ, источникъ ихъ останется, и люди могутъ когда-нибудь опять воскресить ихъ, руководствуясь правилами Леонарда.

Винчи умеръ славною смертїю. Извѣстно, что онъ скончался въ объятїяхъ Франциска I. Какое трогательное зрѣлище! славный Художникъ умираетъ на рукахъ славнаго Монарха! послѣднїй вздохъ есть послѣдняя дань признательности! Сїя сцена описана многими Авторами, и удачно изображена однимъ изъ новѣйшихъ Живописцевъ; — она пребудетъ во вѣки незабвенною.

Телассонъ.

IV.

Письмо изъ Японїи къ Г-ну Коцебу отъ его сына (*).

Прежде нежели представлю вамъ, любезнѣйшїй батюшка, журналъ свой, примите благосклонно нѣсколько сухихъ отрывковъ. О! еслибъ я могъ новой, удивительной свѣтъ сей описать съ такою живостїю, съ какою силою дѣйствуютъ на меня здѣшнїе предметы, то мое письмо вѣрно не навело бы вамъ скуки. Здѣсь все такъ ново для меня, все такую странную имѣетъ физїогномїю, все такъ непохоже на предметы, которые мы при-

---

*) Г. Коцебу имѣетъ двухъ сыновей, которые вмѣстѣ съ Россїйскою экспедицїею предприняли путешествїе около свѣта. Письмо писано 1805 года.

выкли видѣть въ Европѣ, что по неволѣ воображаешь себя дѣйствующимъ лицемъ въ *Тысяча одной ночи.*

Переплывъ узкія ворота надъ песчаною мѣлью, мы вошли въ пристань Нангазаки, которая мало по малу становится пространнѣе. Далѣе плывучи вдоль берега, съ котораго высокія горы бросаютъ на море тѣнь свою, мы приближились къ одному острову, или лучше сказать къ окруженной водою горѣ *Така Яма*, то есть бамбуковой. Христіянскіе Священники, принесшіе сюда сѣмена вѣры, во время гоненія, перенесли гору сію на море.

Чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ прекраснѣе казался видъ Нангазаки и его окрестностей. Тамъ, гдѣ пристань имѣетъ самую большую широту, стоитъ городъ, въ видѣ полумѣсяца, на низкомъ берегу, окруженный горами не высокими, но крутыми и зелеными отъ подошвы до вершины. Великолѣпные, или по крайней мѣрѣ пестрые, храмы возвышаются на холмахъ и отлогостяхъ, посреди высокихъ насыпей и садовъ. За ними видно безчисленное множество надгробныхъ памятниковъ. Тучныя, воздѣланныя поля веселятъ взоры; все такъ пріятно, что и не кружась нѣсколько мѣсяцовъ на морѣ, можно чувствовать цѣну сего зрѣлища.

Вдоль берега видно множество грозныхъ бастіоновъ, которые однакожь походятъ на трусливыхъ храбрецовъ, ибо на нихъ нѣтъ пушекъ. Близь самаго города стоятъ два Императорскіе караула, одинъ противъ другаго, изъ которыхъ въ каждомъ по нѣскольку сотенъ солдатъ. Мы отдали имъ честь пушечными выстрѣлами; они отвѣчали взаимнымъ поздравленіемъ, выставивъ нѣсколько красныхъ лохмотьевъ.

Нангазаки стоитъ на открытомъ мѣстѣ, и омывается тремя рѣчками, выходящими изъ горъ сосѣдственныхъ. Иногда въ нихъ недостаетъ воды для напоенія полей, на которыхъ растетъ сарачинское пшено; иногда отъ дождей прибавляется къ нимъ столько воды, что обывательскіе домы становятся жертвою разлитія. Множество дурныхъ мостовъ построено на сихъ рѣчкахъ. Улицы, которыхъ болѣе осмидесяти, коротки, узки, кривы и почти всѣ лежатъ на косогорахъ. Домы выстроены довольно хорошо объ одномъ жильѣ и почти всѣ на одинъ образецъ; оконницы бумажныя, стѣны внутри обиты грубою матеріею, комнаты раздѣлены ширмами, и убраны не богато. Въ городѣ и его окрестностяхъ считается болѣе 60 храмовъ; въ нихъ жители молятся, а въ садахъ, ко храмамъ принадлежащихъ, гуляютъ.

Ками — если не ошибаюсь — старшій идолъ, вышелъ уже изъ моды, ибо имѣетъ теперь не болѣе *пяти* храмовъ: напротивъ того чужіе, заморскіе боги прославляются въ *пятидесяти* божницахъ! Не правда ли, батюшка, что люди отъ натуры получили склонность своему предпочитать чужое? Рѣчь идетъ не объ одномъ платьѣ, не объ однихъ людяхъ, но и о богахъ. Что дѣлается въ Европѣ, то и въ Японіи, и вездѣ.

Описывать ли наружность сихъ храмовъ? — Я пытался сдѣлать это въ своихъ дневныхъ запискахъ; но образъ ихъ такъ не ясно напечатлѣлся въ моей памяти, что лучше хочу пощадить васъ отъ скучнаго чтенія, и оставлю трудную работу сію одному изъ опытнѣйшихъ моихъ спутниковъ. Повторю только, что окрестности храмовъ, сооруженныхъ за городомъ на холмахъ, плѣнительны; что къ нимъ восходятъ по прекраснымъ лѣсницамъ въ алеяхъ, и что съ вершины холмовъ видѣнъ городъ, пристань и окрестности. Зрѣлище восхитительное! Удивляюсь, почему всѣ *Яммабосы* — такъ называются горные жрецы — не сдѣлаются Стихотворцами.

Теперь дозвольте мнѣ отъ священныхъ мѣстъ перейти къ оскверненнымъ. Въ этомъ слѣдую примѣру здѣшнихъ жителей, ко-

торые изъ храмовъ спускаются въ городъ и прямо идутъ въ предмѣстіе, называемое *Казіемассъ*, или *обиталище нимфъ веселія*. Въ низкихъ домикахъ, занимающихъ двѣ улицы, гнѣздятся сіи животныя. Случай, которой приводитъ ихъ къ гнусному ремеслу, еще безчестнѣе жизни, ими провождаемой; корыстолюбивые родители продаютъ дѣтей своихъ на десятомъ, или двенадцатомъ году. Не думаете ли, что они не знаютъ, какая судьба ожидаетъ дочерей ихъ? совсѣмъ напротивъ. Женщины, отправляющія сію ненавистную торговлю, набираютъ бѣдныхъ дѣтей столько, сколько помѣстить у себя могутъ, — иногда до тридцати. Несчастныя жертвы распутства живутъ въ опрятныхъ комнатахъ, учатся танцованью, музыкѣ и другимъ пріятнымъ искуствамъ; ихъ одѣваютъ пышно, съ большими или меньшими издержками, смотря потому, щедро или скупо природа одарила ихъ красотою. Большая часть изъ нихъ отличается пригожствомъ. Но — увы! весна скоро проходитъ, осень приноситъ недостатокъ, зима — отчаяніе. Устарѣвшія прелестницы проводятъ ночи въ палаткахъ, разбитыхъ передъ домомъ на улицѣ, и угощаютъ мимоходящихъ простолюдимовъ. Иногда и молодыхъ, въ наказаніе за какой-нибудь проступокъ, посылаютъ въ палатки. Повѣрите ли? сіи явныя нарушительницы законовъ благонравія не рѣдко выходятъ за

мужъ, и почитаются честными женщинами! — Товарищи смѣются моему удивленію, и говорятъ, что у насъ въ Европѣ бываетъ еще хуже. Въ Нангазаки сей обычай основанъ на причинѣ, достойной похвалы. Чѣмъ виноваты бѣдныя дѣвки, проданныя своими родителями? не отъ нихъ зависитъ избрать родъ жизни, къ которому готовятъ ихъ съ дѣтства. Но у насъ — какъ увѣряютъ, ибо я, слава Богу, еще не обогатился такими опытами! — у насъ обыкновенно суетность, сладострастіе, легкомысліе толкаютъ жертвъ своихъ на скользкой путь, которой однакожь часто приводитъ ихъ къ объятіямъ какого-нибудь простяка; и если онъ богатъ, силенъ, — то никогда не бываетъ недостатка въ другихъ простякахъ, которые не считаютъ за грѣхъ уважать его супругу. Впрочемъ, я на это не досадую; хочу только, чтобъ она вела себя такъ, какъ прилично честной женщинѣ. — Содержательницы такихъ домовъ странноприимства, изъ которыхъ многія очень богаты, здѣсь у всѣхъ въ презрѣніи; ихъ вообще называютъ *катзамау*, то есть *бабками дьявола*. Онѣ причислены къ цеху зазорныхъ людей, которые въ Японіи обязаны исполнять уголовные приговоры; въ такихъ случаяхъ сіи женщины равнымъ образомъ должны посылать и своихъ работниковъ.

Я слишкомъ долго говорилъ о пригожихъ грѣшницахъ. Боюсь, чтобъ вы не подумали, что я не одно только состраданіе къ нимъ чувствую. Поворотимъ въ другую улицу, которая ведетъ къ срединѣ города и — въ *адъ*; городская тюрьма называется здѣсь *гокуя*, то есть *адомъ*, и очень справедливо! въ ней множество клѣтокъ, большихъ и малыхъ, хорошихъ и дурныхъ, соотвѣтствующихъ винѣ, а можетъ быть богатству и знатности преступниковъ, которыхъ рѣдко бываетъ менѣе ста, хотя мечь правосудія никогда не отдыхаетъ. Одно мѣсто назначено для пытокъ, другое — для *скрытой казни*. Я съ трепетомъ спросилъ переводчика, что онъ подъ симъ разумѣетъ; онъ, также съ трепетомъ, отвѣчалъ мнѣ, что здѣсь сживаютъ съ рукъ такихъ людей, которыхъ дѣвать некуда. Нашъ доброй Э., стоявшій подлѣ меня и замѣчавшій мои движенія, опять пошутилъ надъ моею чувствительностію, и повторилъ обыкновенной припѣвъ свой: „c'est tout comme chez nous! и здѣсь то же, что у насъ въ Европѣ!“ — Нѣтъ! — я не знаю, что дѣлается въ другихъ земляхъ Европы; но увѣренъ, что онъ думалъ не о нашемъ любезнѣйшемъ Отечествѣ; гдѣ царствуетъ АЛЕКСАНДРЪ, Другъ людей, тамъ нѣтъ ни пытокъ, ни скрытныхъ казней.

Не знаю, не охотнѣе ли согласился бы я находиться въ числѣ мертвыхъ въ *аду* города Нангазаки, нежели между живыми; ибо симъ послѣднимъ едва ли не хуже, чѣмъ первымъ. Ихъ принуждаютъ цѣлой день безъ отдыху прясть шерсть и конопель, или плести цыновки; кормятъ дурнымъ сарачинскимъ пшеномъ, и едва ли разъ шесть въ году выпускаютъ ихъ гулять по тѣсной площади внутри темничной ограды. Иногда дозволяютъ имъ для освѣженія купаться въ вырытой большой ямѣ. Какъ ни люблю я купанье, однакожь никогда не согласился бы освѣжаться въ сей отвратительной лужѣ.

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о жителяхъ Нангазаки. Вошедши въ городъ, съ перваго разу можно подумать, что онъ населенъ только нищими и собаками: одни безпрестанно кричатъ, другіе воютъ. Мудрено рѣшить, кто изъ нихъ безстыднѣе. Нѣкоторая часть нищихъ состоитъ изъ монаховъ и монахинь, которые сотнями ходятъ по извѣстнымъ улицамъ, носятъ рѣзныя изображенія, звонятъ въ колокольчики, и разными другими способами стараются возбудить состраданіе въ мимоходящихъ. Они одѣты въ черное платье, имѣютъ остриженныя головы, и добровольно изрекаютъ обѣтъ всегдашней нищеты. Собаки не имѣютъ нужды безпокоить прохожихъ, потому

что ихъ кормятъ и берегутъ такъ, какъ Турки своихъ кошекъ; даже строятъ для нихъ на каждой улицѣ по одной конуркѣ, въ которыхъ больныя и старыя собаки живутъ до своей смерти. Умершихъ старыхъ собакъ погребаютъ на горахъ, съ наблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Прежде сего собаки пользовались еще большимъ уваженіемъ; примѣръ тому данъ былъ отъ самаго Государя, которой родился подъ знакомъ Пса. Сіи животныя могли кусать всякаго, кто имъ не нравился, и горе прохожему, которой осмѣлился бы поднять на нихъ палку! Одинъ только палачь имѣлъ право ихъ наказывать, предварительно испросивъ дозволеніе отъ правительства. Нынѣ это не наблюдается; мнѣ самому случалось обороняться.

Кромѣ нищихъ, собакъ и дѣвокъ въ Нанкагазаки находится множество мѣлочныхъ торгашей и ремесленниковъ, по большой части голодныхъ; впалыя щеки и глаза служатъ тому доказательствомъ. Прибавьте къ тому людей, торгующихъ съѣстными припасами, матросовъ, Китайцевъ, жрецовъ, полицейскихъ служителей, и вообразите себѣ, какою пестрою смѣсью наполнены тѣсныя улицы. Надобно зажать уши, чтобъ не оглохнуть отъ шуму. Въ одномъ мѣстѣ торгашь предлагаетъ свой товаръ, въ другомъ ремесленникъ свое рукодѣлье, въ третьемъ садов-

никъ свои плоды, тамъ крестьянинъ свое дерево, здѣсь стрѣлокъ свою дичь; въ то же время сторожа стучатъ палками, монахи читаютъ молитвы, собаки лаютъ и воютъ. Это еще не все. Если человѣкъ умираетъ, или умеръ, — то родственники его и жрецы страшными голосами поютъ при колокольномъ звонѣ. Если, по несчастїю, къ тому еще случится Китайцамъ отправлять торжественное шестыїе во храмъ съ ихъ идолами, то звукъ трубъ и бубенъ, соединясь съ общимъ шумомъ, производитъ музыку, совершенно адскую.

Въ пристани менѣе шуму, однакожь и тамъ не пролежишь на койкѣ. Не жалуюсь на крикъ матросовъ, ибо я привыкъ къ нему; но ревъ ночныхъ сторожей и вопли Китайцевъ, сожигающихъ по ночамъ бумагу — нестерпимы.

Здѣсь ѣдятъ довольно хорошо, хотя лакомые Европейцы во многомъ находятъ недостатокъ, а особливо въ приготовленїи. Прекрасныхъ плодовъ, овощей, дичи, рыбы, раковъ — весьма много. Я никакъ не могъ привыкнуть къ напитку, дѣлаемому изъ сарачинскаго пшена, и предпочитаю ему чистую воду, текущую изъ горы *Татты*. Это и не удивительно: всякой мореходецъ дорожитъ свѣжею водою.

Въ старину Португальцы играли здѣсь важную роль. Кротостію и смиреніемъ они приобрѣли себѣ благосклонность знатныхъ и любовь простолюдимовъ. Но кротость и смиреніе суть такія добродѣтели, которыя исполняются Католическимъ Духовенствомъ только до времени; скоро спадаетъ съ нихъ личина. Португальцы накопили сокровища — и возгордились. Одинъ знатной чиновникъ Японской ѣхалъ къ Императору; на дорогѣ встрѣтился съ нимъ Португальской Священникъ, которой, вопреки старинному обыкновенію здѣшней земли, не почелъ нужнымъ выдти изъ своихъ носилокъ. Оскорбленный такою неучтивостью Японецъ донесъ о томъ Императору, представя, что сіи чужестранцы суть люди опасные. Маловажное произшествіе подало поводъ къ гоненію на Христіянъ въ Японскомъ Государствѣ, и даже къ истребленію ихъ.

Надобно признаться, что обряды Японской религіи весьма занимательны. За нѣсколько дней передъ симъ въ нашемъ присутствіи совершалось празднованіе въ честь *Сувы*, бога покровительствующаго Нангазаки. Вмѣсто проповѣди представлено было театральное дѣйствіе. Постараюсь описать его, какъ могу. Многаго я не понялъ, хотя и спрашивалъ, что оно значило; можетъ быть нѣкоторыя обыкновенія дѣйствительно не

значатъ ничего, или покрайней мѣрѣ никто уже не помнитъ, къ чему онѣ относятся. За нѣсколько дней передъ праздникомъ отправленъ какой-то дурацкой торжественной ходъ. Впереди вели двухъ тощихъ лошадей, которыхъ хозяиномъ стыдился бы назваться послѣднїй изъ нашихъ извощиковъ. За ними несли множество пестрыхъ знаменъ и разныя древности: позолоченное копье, жезлъ съ привязаннымъ къ нему пучкомъ нарѣзаной бѣлой бумаги, и пару тяжелыхъ гигантскихъ сапоговъ. Потомъ слѣдовали ящики для собиранїя милостыни, и пышные, поддерживаемые на шестахъ, наметы, въ которыхъ живутъ Японскїе идолы. Наметы сїи имѣютъ фигуру осмиугольную, края позолоченные; къ каждому привѣшены металлическїя зеркала, и къ верхушкѣ каждаго прикрѣпленъ золотой журавль. Потомъ несли два деревянные стула, употребляемые при Дворѣ Японскаго Папы; далѣе, опять вели пару живыхъ лошадиныхъ скелетовъ; жрецы и народъ заключали шествїе.

Въ такомъ порядкѣ пришли къ одному изъ главнѣйшихъ храмовъ, стоящему на горѣ *Титтѣ*, на которую ведетъ прекрасная лѣстница о нѣсколькихъ сотняхъ ступеней. Внутренность ограды украшена статуями и картинами, къ которымъ набожные люди имѣютъ великое уваженїе, и которыя вообще

отъ всѣхъ жителей почитаются мастерскими произведенїями. Вы можете судить объ ихъ изяществѣ, взглянувъ на ящики, привозимые съ чаемъ изъ Китая.

Когда вся процессїя остановилась въ надлежащемъ порядкѣ, явились четыре Депутата Губернаторскїе; передъ ними несли двадцать копей съ пестрыми развѣвающимися пучками перьевъ. Всѣ сїи господа, съ важностїю умывъ руки въ тазу, вошли во внутренность храма. Что они тамъ дѣлали — я не знаю; но сказывали мнѣ, будто пили дурной напитокъ изъ сарачинскаго пшена, въ память своихъ бѣдныхъ предковъ. Мнѣ прїятно, если въ самомъ дѣлѣ гордые Японцы воспоминаютъ о прежней своей бѣдности.

Какъ часто жалѣлъ я, для чего васъ не было со мною, когда представляли здѣсь драму и балеты! — Сїя процессїя уже не походила на ту, о которой упомянуто выше. Вмѣсто негодныхъ клячь, шестїе открыто великолѣпнымъ зонтикомъ, на которомъ большими буквами написано имя улицы, пожертвовавшей издержками для праздника. Не нужно сказывать, что жрецы даютъ пышныя зрѣлища на чужїя деньги; они увѣряютъ простодушныхъ людей, что весьма спасительно расточать имѣнїе на дѣла, столь богоугодныя; слѣдственно никогда не

бываетъ недостатка въ простякахъ, которые стараются одни другихъ превзойти въ пышности. — Вокругъ зонтика шли переряженные музыканты; одни играли на флейтахъ, другіе били въ маленькія бубны, третьи пѣли. Увѣряю васъ, что сія проклятая музыка можетъ нравиться только Японскимъ идоламъ. За музыкантами несли театральныя машины и декораціи. Потомъ показались актеры въ богатомъ уборѣ, и танцовщики; послѣдніе, идучи, медленно танцовали. Шестіе заключали городскіе жители въ праздничномъ платьѣ, по два въ рядъ; подлѣ каждаго слуга шелъ со стуломъ.

На дворѣ храма, гдѣ надлежало быть зрѣлищу, всѣ заняли мѣста свои, по чину и званію. На верхней лавкѣ сѣли два настоятеля храма въ черномъ одѣяніи подъ покрывалами, держа по одной короткой палкѣ. Нѣсколько ниже, помѣстились четыре жреца въ бѣломъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ. Еще ниже на послѣдней лавкѣ, заняли мѣста прочія духовныя особы въ бѣлыхъ вылощенныхъ гранодерскихъ шапкахъ. За нами чужестранцами присматривали, но не дѣлали намъ никакого принужденія. Мы протѣснились впередъ, и смотрѣли стоя; ибо никто не пригласилъ насъ къ себѣ на лавку. Полицейскіе служители наблюдали за порядкомъ.

Среди двора сооруженъ театръ, на которомъ, вмѣсто нашихъ кулисъ, поставлены были разныя декорацїи, довольно хорошо намалеванныя. Домы, сады, колодези, мосты, горы, лѣса, все было такъ представлено, что глаза обманывались. Зрѣлище перемѣнялось очень скоро, и машины дѣйствовали исправнѣе, нежели на нашихъ театрахъ. Актеровъ и актрисъ я насчиталъ до двенадцати. Послѣднїя взяты изъ улицъ *веселїя*, о которыхъ писано выше; актеры же набраны изъ молодыхъ мущинъ той улицы, которая на свой счетъ сдѣлала зонтикъ. Слѣдственно и здѣсь господствуетъ предразсудокъ, нѣкогда бывшїй у насъ въ Европѣ, а именно, что женщинамъ безчестно играть комедїи, а мущинамъ ни мало. — Великолѣпныя платья нарочно сшиты для сего случая; ибо здѣсь почитается за стыдъ на зрѣлищахъ показывать что-нибудь не новое.

Содержанїемъ драмы была героическая любовная исторїя въ стихахъ, перерываемая хорами и балетами; если я что-нибудь понялъ, за то обязанъ благодарить значительной игрѣ актеровъ. Два Принца, братья, ссорились за престолъ и за любовницу, которая лишена жизни, думаю, по приказанїю матери Принцевъ. — Содержанїе театральныхъ представленїй обыкновенно берется изъ отечественной древней исторїи; это, по

моему мнѣнію, весьма похвально. Если бъ у насъ принято было сіе обыкновеніе, то каждой безъ труда могъ бы узнавать произшествія, случившіяся съ нашими предками. — Между прочими были сцены трагическія, въ которыхъ актеры громко выли и сильно размахивали руками. Игра дѣйствовала на зрителей; я видѣлъ, какъ у многихъ на глазахъ блистали слезы. Странно, что во время печальнѣйшаго дѣйствія внезапно являлся шутъ, и смѣшилъ публику арлекинскими кривляньями. Ни въ актерахъ, ни въ танцовщикахъ не примѣтно было замѣшательства, и казалось, будто игра театральная составляла все ихъ упражненіе. Дѣйствіе продолжалось около двухъ часовъ, и окончилось передъ полуднемъ. Настоятели храма, вставши съ мѣстъ своихъ, важно подошли къ Губернаторскимъ Депутатамъ, и поблагодарили ихъ за удостоеніе зрѣлища своимъ присутствіемъ. Процессія началась въ прежнемъ порядкѣ, и зрители разошлись по домамъ своимъ.

Сего дня за столомъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ сдѣлалъ замѣчаніе, что у насъ мало обращаютъ вниманія на странствующихъ комедіянтовъ, которыхъ можно бы съ пользою употребить для просвѣщенія черни.

Я хотѣлъ бы еще разсказать вамъ о многихъ странныхъ обыкновеніяхъ, но любо-

пытство мое занято такимъ множествомъ предметовъ, что не остается времени для описаній. — Японцы весьма страннымъ образомъ лѣчатъ людей отъ боли въ желудкѣ. Взявъ тонкую острую иглу, золотую или серебряную, прокалываютъ ею брюхо съ помощію молотка, которымъ бьютъ по иглѣ, какъ мы вколачиваемъ гвозди въ стѣну. Не понятно для меня, какъ больные отъ сей мучительной операціи не лишаются жизни, а еще удивительнѣе, что они въ самомъ дѣлѣ получаютъ скорое облегченіе. Я слыхалъ, что у насъ въ деревняхъ иногда лѣчатъ такимъ образомъ скотину; однакожь человѣкъ не скотина — по крайней мѣрѣ не всегда на нее походитъ. Искуство дѣлать лѣчебныя иглы еще труднѣе, нежели вколачивать ихъ въ тѣло. На нихъ употребляется чистѣйшее золото или серебро, которымъ надлежитъ дать чрезвычайную твердость. Безъ особеннаго дозволенія отъ Императора никто не можетъ дѣлать лѣчебныхъ иголокъ.

Японцы любятъ героическія врачеванія. На одно изъ нихъ я не могъ смотрѣть безъ ужаса, хотя и увѣряютъ меня, что оно не причиняетъ великой боли, и что въ Европѣ иногда употребляется. Взявъ связку сухаго чернобыльника, крутятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается мягкимъ, подобно шерсти; потомъ кладутъ его больному на го-

лое тѣло — и зажигаютъ. Чернобыльникъ горитъ медленно и ясно, — изъ чего заключаю, что опытъ требуетъ не малаго терпѣнія. Сей способъ лѣченія называется *моксa*; изъ него дѣлаютъ здѣсь такое злоупотребленіе, какое нѣкогда было въ Европѣ изъ кровопусканія. Многіе жители каждой мѣсяцъ лѣчатся *моксою*, для предотвращенія болѣзней. Мнѣ случилось видѣть на улицѣ одного молодаго человѣка, которой для забавы сжегъ на тѣлѣ своемъ небольшую связку чернобыльника.

Здѣшніе городскіе врачи увѣряютъ, что *моксa* помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, а особливо отъ подагры. Обыкновенно жгутъ чернобыльникъ на становой кости, или около почекъ; отъ того спина у Японца всегда кажется сѣченою розгами. Мода требуетъ почти ежеминутно сбрасывать верхнее платье, если оно мѣшаетъ что-нибудь дѣлать; слѣдственно всегда можно видѣть слѣды ненавистной *моксы* не только у мущинъ, но и у женщинъ. Для успѣха въ лѣченіи, надобно чтобъ рана отъ обожженія загноилась; еслижь она сама собою заживаетъ, то прикладываютъ лукъ, чтобъ разтравить ее. Теперь представьте себѣ пригожую, полуобнаженную женщину, съ гноящимися ранами, и въ добавокъ съ отвратительнымъ запахомъ луку! — Японцы, впро-

чемъ не очень сострадательные къ заключеннымъ въ тюрьму своимъ одноземцамъ, не смѣютъ лишать ихъ удовольствія пользоваться *токою*. Важнѣйшій преступникъ, обремененный цѣпями, свободно можетъ жечь свое тѣло, когда ни захочетъ, и въ этомъ ему не льзя отказывать.

Надобно окончить; завтра отправятся наши письма. Если я не сказалъ вамъ ничего новаго, или если старое разсказалъ дурно, то простите молодому человѣку, которому все кажется новымъ, и которой, плавая по морямъ, не имѣетъ случая упражняться въ слогѣ повѣствовательномъ. И проч.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

V.

Алексисъ.

(Эклога II изъ Виргилія.)

Алексисъ пастушокъ Аминтою горитъ;
Аминтой милою Алексисъ позабытъ.
Здѣсь между вязами, подъ тѣнью ихъ широкой,
Онъ часто былъ одинъ; здѣсь въ горести жестокой
Безплодную тоску горамъ передавалъ:

И такъ не для тебя — я пѣсни воспѣвалъ,
Аминта! — ты объ нихъ и думать не желаешь,
Не тронешься тоской; ко смерти принуждаешь! —
Стада вкушаютъ сласть и тѣней и прохладъ,
И змѣи сѣрые подъ хворостомъ лежатъ!
Раиса добрая въ часъ тягостнаго зноя,
Для усталыхъ жнецовъ, алкающихъ покоя,
И травы и плоды готовитъ на обѣдъ —
Одинъ Алексисъ твой, одинъ тебѣ во слѣдъ
Подъ солнцемъ, на жару, какъ мрачна тѣнь блуждаетъ,
И скрипомъ стрекоза ему лишь отвѣчаетъ! —
Отъ Амариллы ли еще я не страдалъ?
Отъ Хлои ль гордыя презрѣнья не видалъ? —
Пускай она смугла, пусть ты бѣла собою;
Красавица, не льстись невѣрной красотою!
Блѣднѣетъ лилія, старѣется нарциссъ.
Не нравлюсь я тебѣ; . . . да кто я — хоть всмотрись,
Развѣдай, какъ богатъ; каковъ мой скотъ ведется;
Тамъ тысяча овецъ Алексису пасется,
И лѣтомъ и зимой со свѣжимъ молокомъ; —
И пѣсни тѣжь пою, какія вечеркомъ

При стадѣ Амфіонъ наигрывалъ бывало, —
Не такъ и дуренъ я ..... вчера, какъ тихо стало,
И море свѣтлое не двигалось въ брегахъ,
Смотрѣлся долго я во дремлющихъ водахъ:
Когда вода не льститъ — я на тебя сошлюся,
Предъ Дафнисомъ твоимъ отнюдь не постыжуся!
Тебѣ не нравится, Аминта, мой шалашь? —
Ахъ! не безъ радостей безвѣстный жребій нашъ!
Пріятно плесть вѣнки, приставливать подпоры,
И съ гибкою лозой гонять стада на горы! —
Мы будемъ въ пѣніи лишь Пану подражать;
Панъ первой научилъ свирѣль соединять;
Панъ стадо бережетъ; Панъ правитъ пастухами: —
Не стыдно взять свирѣль, любимую богами! —
Чего не дѣлалъ Ѳирсъ, чтобы играть на ней! —
Свирѣлку ли тебѣ? — неровныхъ семь тростей
Искусно склеены цикуты влагой злою! —
Даметъ въ послѣдній часъ, прощаяся со мною,
Отдавъ ее, сказалъ: владѣй по мнѣ второй;
Сказалъ, и глупой Ѳирсъ съ тѣхъ поръ завистникъ мой!

Есть также парочка барашковъ; — подрастаютъ,
Вкругъ черныя на лбу двѣ звѣздочки блистаютъ;
Насилу ихъ досталъ! — Аминта, я дою
Два раза въ день овецъ: тебѣ все отдаю! —
Ужь многіе давно меня объ нихъ просили; —
Пришлось отдать: — тебѣ дары мои постыли!

Пастушка милая! приди ко мнѣ скорѣй!
Здѣсь Нимфы сельскія въ даръ прелести твоей
Плодами зрѣлыми кошницы наполняютъ;
Тебѣ прекрасныя Наяды собираютъ
Фіалки нѣжныя, махровой макъ цвѣтной; —
Гвоздика, ландыши, сливая запахъ свой,
Тюлпанъ, нарцисъ, левкой и роза молодая,
Другъ другомъ веселясь, другъ друга украшая —
Въ прелестной пестротѣ, какъ дѣти обнялись:
Аминта, для тебя въ одинъ пучокъ свились! —
Для милой яблоки готовы наливныя,
Что нѣжатся въ пуху, какъ птички золотыя;
Каштаны для тебя; любила Ниса ихъ;
Къ тому прибавлю сливъ; не дуренъ вкусъ и въ нихъ!

Вы, лавры, мирточки, туда же соберитесь!
Все вмѣстѣ! — нужды нѣтъ, для запаху годитесь!
Алексисъ! простячокъ! что, что въ дарахъ твоихъ?
Пусть хороши они, — есть лучше у другихъ! —
Іолъ богатѣе . . . . . безумный! чѣмъ я льстился?
Летунью-ласточку приманивать стремился
На черствой, бѣдной хлѣбъ! . . . . . Куда бѣжишь? куда? . . . .
И боги тѣнь лѣсовъ любили иногда; —
И сынъ Киприды здѣсь свою лелеялъ младость; —
И дщерь Юпитера, оставивъ горню радость,
Въ любезномъ городѣ (*) находитъ небеса! —
Всего пріятнѣй намъ тѣнистые лѣса. —
Левъ волка стережетъ — волкъ мчится за козою,
Коза игривая за мягкой муравою,
Алексисъ за тобой! . . . всякъ рабъ своихъ страстей!
Смотри: волы влекутъ плугъ поднятой съ полей,
И солнце отходя тѣнь влажну разстилаетъ;
Меня любовь палитъ; меня любовь снѣдаетъ!

(*) Аѳинахъ.

Гдѣ средство отъ любви? . . . . . пастухъ,
пастухъ слѣпой!
Одумайся, — куда дѣвался разумъ твой?
Ступай; примись за трудъ! — тамъ къ
липѣ для разсаду
Вчера привить хотѣлъ ты лозу винограду;
Не лучше ль что-нибудь вкругъ хижины
прибрать,
Подумать о житьѣ, заборы забирать?
Тоска безплодная питаетъ муку злую;
Аминтой позабытъ, найдешь еще другую!

А. Мрзлкевъ.

VI.

СТИХИ

Графу Ѳедору Васильевичу Растопчину.

(По прочтенiи письма его отъ 14 Маiя.)

И былъ; и есть, и будетъ ввѣкъ
Почтенъ и славенъ человѣкъ,
Кто къ обществу любовью дышетъ
И кто къ друзьямъ своимъ такъ пишетъ.
Не блескъ, не санъ твой чту, не чинъ:
Почтенъ безъ нихъ ты, Растопчинъ.

Я — Пустынникъ.

С. Петербургъ,
Маiя 18 дня.

ПОЛИТИКА.

I.

Манифестъ Англійскаго Короля о войнѣ съ Пруссіею.

ГеоргЪ III, Божїею милостїю Король соединеннаго Королевства Великобриттанїи и Ирландїи, ЗащитникЪ ВѢры, ГерцогЪ БраунШвейгЪ-Люнебургскїй, первый Сокровищехранитель и КурфирстЪ Священной Римской Имперїи, и проч. и проч.

ДворЪ Прусскїй обнаружилЪ непрїятельскїя намѣренїя, которыя скрывалЪ подЪ дружескими увѣренїями.

Нота, врученная 4 Апрѣля БарономЪ ЯкобїемЪ КлестомЪ Англїйскому Министру, гласитЪ, что ДворЪ его принялЪ вЪ свое владѣнїе Курфиршество Ганноверское, и что пристани Нѣмецкаго моря и Любекская заперты для Бриттанскаго флага.

Сїе объявленїе опровергаетЪ увѣренїя, которыми ВерлинскоЙ КабинетЪ до сихЪ порЪ старался прикрывать свои поступки, и

показываетъ сверхъ того, какія Его Прусское Величество по системѣ политической присвоиваетъ себѣ права на признательность всѣхъ Державъ сѣверныхъ.

Будучи лишенъ такимъ образомъ древняго наслѣдства моего рода, и обиженъ въ правахъ моихъ, Я, какъ Монархъ самодержавный, принялъ мѣры, которыя предписываетъ достоинство моей короны. Но долгъ мой, относительно меня самаго, Европы и всѣхъ моихъ подданныхъ, требуетъ, чтобы Я, какъ Курфирстъ Брауншвейгъ - Люнебургскій, обнаружилъ чувствованія свои и мысли о неправедномъ похищеніи моихъ Нѣмецкихъ областей.

Не нужно доказывать, сколь противенъ поступокъ сей праву народному и законамъ Нѣмецкой Имперіи. Нарушеніе оныхъ такъ очевидно, что нѣтъ надобности въ доказательствахъ. Правила священнѣйшія справедливости и чести, всѣ обязанности, на которыхъ основана вообще взаимная безопасность Государствъ и особенно каждаго общества, попраны ногами такимъ образомъ, что Свѣтъ едвали можетъ повѣрить тому, если Я не объявлю о событіяхъ, коихъ истина доказывается подлинными бумагами, собранными по моему повелѣнію.

Поступки Двора Берлинскаго со времени занятія Курфиршества его войсками въ 1801 году, — его недружественное поведеніе, когда продолжались переговоры о вознагражденіяхъ послѣ Люневильскаго трактата, — объявленіе, изданное имъ, когда Франція готовилась завладѣть Курфиршествомъ, — наконецъ тягостныя условія, на которыхъ онъ соглашался ввести свои войска вмѣсто Французскихъ, подали Ганноверскому Правительству многія причины избѣгать посредничества Пруссіи, даже въ то врмя, когда между ею и Франціей едва не доходило до разрыва. Произшествія, которыя помѣшали экспедиціи, назначенной по соглашенію между Великобриттаніею, Россіею и Швеціею, прибыть на положенной срокъ въ Ганноверъ, послужили поводомъ Прусакамъ занять Курфиршество, которое Французы принуждены были оставить. — Сей поступокъ сопровожденъ со стороны Пруссіи весьма дружественными увѣреніями. Она предложила Ганноверскому Начальству отправлять дѣла по прежнему отъ моего имени, и собрать разсѣянное войско. Область Ганноверская, бывшая въ самомъ несчастномъ положеніи, ощутила сугубое бремя отъ многихъ податей, которыя потребованы Прусскимъ войскомъ, не смотря на то состояніе, въ какомъ Французы оставили ее.

По окончанїи военныхъ дѣйствїй въ Южной Германїи, надлежало ожидать нападенїя на Сѣверъ. ИМПЕРАТОРЪ Всероссїйскїй, желая отвратить опасности, которымъ Пруссїя могла подвергнуться, войска свои, подъ начальствомъ Графа Толстаго, и корпусъ Барона Беннигсена, въ слѣдствїе соглашенїя въ Потсдамѣ заключеннаго, поручилъ Его Прусскому Величеству, и обѣщался сверхъ того въ случаѣ нужды подавать всякую помощь. Совсѣмъ нельзя было полагать, чтобы Пруссїя воспользовалась симъ случаемъ, и чтобы обѣщанїе, данное Англїею вразсужденїи вспомогательныхъ денегъ, она употребила на изходатайствованїе у Францїи условїй, противныхъ тѣмъ выгодамъ, для которыхъ обѣщана помощь. Однакожь это случилось. Тайной договоръ, котораго слѣдствїя начинаютъ обнаруживаться, подписанъ Графомъ Гаугвицомъ и и Генераломъ Дюрокомъ 15 Декабря 1805 года, то есть въ то самое время, когда Пруссїя обязана была Францїи обьявить войну, если бы сїя Держава не приняла предложенїй, которыя Графъ Гаугвицъ долженъ былъ ей сдѣлать по силѣ Потсдамскаго соглашенїя.

Спустя семь дней (22 Декабря), Берлинской Кабинетъ предложилъ Англїйскому Послу, какїя надлежало сдѣлать распоряженїя вмѣстѣ съ Прусскими Генералами,

относительно позиціи соединенныхъ войскъ въ нижней Саксоніи; въ слѣдствіе чего отправленъ Подполковникъ Баронъ Круземаркъ съ письмомъ къ Ганноверскому Правительству, чтобы убѣдить его отпустить съѣстные припасы для продовольствія Французскаго гарнизона, въ Гамельнѣ находившагося.

Надлежало содѣйствовать исполненію сихъ распоряженій (подписанныхъ 4 Января, но не иначе, какъ впредь до окончательнаго рѣшенія); ибо нужно было предупредить, чтобъ Французскія войска чего-нибудь не предприняли противъ Ганновера въ продолженіе переговоровъ. Не ужели Дворъ Берлинскій не зналъ, какимъ образомъ Графъ Гаугвицъ окончилъ сіи переговоры? не ужели прежде подписанія трактата ему не извѣстна была цѣль его? не ужели сей Министръ по своей волѣ располагалъ совѣстію своего Государя?

Въ 7 й день Января Берлинской Кабинетъ возвѣстилъ Ганноверскому Правительству, что „въ слѣдствіе трактата, подписаннаго и *подтвержденнаго* обѣими сторонами, Нѣмецкія мои области не будутъ заняты Французскими войсками; что часть сихъ войскъ, которая оставалась еще, будетъ выведена, и что области, до тѣхъ поръ, пока миръ между Англіею и Франціею

не рѣшитъ судьбы ихъ, приняты будутъ подъ покровительство войскъ Его Прусскаго Величества, и подъ его изключительное управленїе." Отъ Ганноверскаго Правительства требовано, хотя и безъ успѣха, чтобы оно повелѣло всѣмъ своимъ Чиновникамъ впредь почитать себя подчиненными Прусской управляющей Коммиссїи, а болѣе никому.

Бумага, отправленная 25 Января къ Министру Прусскому, и назначенная для оправданїя сего поступка, подписана собственною рукою Короля Прусскаго. Она оканчивается сими словами: „Думаю, не нужно упоминать, что области должны быть весьма довольны сею перемѣною. Мои желанїя исполнятся, если управленїе — которое принялъ я на себя, руководствуясь безкорыстными намѣренїями — послужитъ ко благу страны и ея жителей, и если симъ *угожу* Его Британскому Величеству, которому какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ случаяхъ желаю изъявлять опыты моего почтенїя, доброхотства и дружбы, сколько обстоятельства дозволять будутъ."

Событїя прошедшїя и опасенїе впредь могущихъ случиться не дозволили мнѣ долго колебаться, какїя мѣры принять надлежало. Курфиршескому моему Пра-

вительству дано повелѣніе не входить ни въ какіе переговоры, клонящіеся къ щому, чтобы новое нашествіе Французовъ на Ганноверъ предупредить занятіемъ сей области Прусаками.

Торжественное объявленіе противъ сего поступка, сдѣланное моимъ Министромъ, осталось безъ успѣха. Король Прусскій занялъ большую половину Курфиршества въ то время, какъ войска мои оставляли твердую землю; его повелѣніе исполнено въ противность моимъ выгодамъ.

Легко было предвидѣть, что Графъ Гаугвицъ, будучи въ Парижѣ, найдетъ средство заключенныя между Франціею и Пруссіею условія, и *подтвержденныя обѣими договаривающимися сторонами*, направить къ исіпинной, давно предположенной цѣли. Это и случилось. Войска Французскія заняли Аншпахъ (которому назначено быть замѣною по трактату 15 Декабря) въ тотъ самой день, въ которой Маркизъ Луккезини могъ прибыть въ Берлинъ съ извѣстіемъ, что Франція требуетъ исполненія статей, заключенныхъ въ Вѣнѣ.

Отвѣтъ Британскаго Кабинета, на сообщеніе отъ 25 Января, полученъ въ Берлинѣ уже тогда, какъ Государственный

Министръ Баронъ Гарденбергъ увѣдомилъ Англійскаго Посла о непріятельскихъ поступкахъ, принудившихъ меня прервать сношенія съ такимъ Дворомъ, которой могъ такъ много забыться.

Нота Прусская отъ 4 Апрѣля не содержитъ въ себѣ ни одного доказательства, которое оправдывало бы поступокъ, ничѣмъ неизвиняемый. Она увѣряетъ въ мирныхъ расположеніяхъ Пруссіи; но сіи расположенія, тогда только былибъ искренни, когдабъ основывались на справедливомъ неутралитетѣ. Нота, врученная 14 Октября Министру Французскому отъ Берлинскаго Кабинета, когда Пруссія казалась оскорбленною насильственнымъ вторженіемъ въ Аншпахскую область, свидѣтельствуетъ, что сей Кабинетъ до того времени благопріятствовалъ Франціи. Поступки его показывали еще менѣе безпристрастія. Дозволивъ перейти Французскимъ войскамъ, бывшимъ въ Ганноверѣ, черезъ свои области, онъ объявилъ, что съ оружіемъ въ рукахъ будетъ противиться переходу войскъ Россійскихъ. Франція силою провела свои войска черезъ Прусскія области, и потомъ притворно приносила извиненія, которыя можно почитать новою обидою. Она ясно видѣла, къ чему клонится неудовольствіе Пруссіи, которое въ самомъ дѣлѣ казалось прекращеннымъ;

когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій лично началъ вести съ Королемъ переговоры.

Тогда Пруссія потребовала отъ Великобританіи обѣщанныхъ ей вспомогательныхъ денегъ, и подписала въ Потсдамѣ договоръ, *котораго условія конечно исполнила бы въ точности, еслибъ я забылъ долгъ свой, и согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе уступить Курфиршество Ганноверское, и взять за него какую-нибудь Прусскую область.*

Пруссія утверждаетъ, что по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Моравіи, отъ нее не зависѣлъ средства обезопасить свою Монархію и Сѣверныя Государства. Она, по видимому, хочетъ увѣрить, что противъ воли своей должна была увеличиться, и здѣлаться не предметомъ, но орудіемъ мщенія враговъ моихъ.

Такое признаніе не приличествуетъ великой Державѣ. Всей Европѣ извѣстно, что прежде Аустерлицкаго сраженія, Пруссія точно могла дать миръ Европѣ, еслибъ только сдѣлала то, чего требовали отъ нее существенныя выгоды ея, и честь оскорбленной Монархіи. Она ни чемъ не извинитъ себя, для чего пропустила такой случай. Даже послѣ 2 Декабря, развѣ она не имѣла 250,000 человѣкъ войска, которое помнитъ еще

побѣды, одержанныя подъ предводительствомъ Великаго Фридерика, — войска, находящагося въ самомъ лучшемъ положенiи, и подкрѣпляемаго всею Россiйскою армiею, которой два корпуса состояли подъ повелѣнiями Короля Прусскаго?

Безъ сомнѣнiя, она подвергалась нѣкоторымъ опасностямъ; но ея положенiе предписывало презирать опасности, и охранять честь Государства. Владѣтель, колеблющiйся въ выборѣ, разрушаетъ основанiе, на которомъ утверждена военная Монархiя; Пруссiя теперь уже должна чувствовать, что она потеряла свою независимость.

Нота 4 Апрѣля утверждаетъ, что „Францiя почитала Курфиршество завоеванною областiю, и что войска Французскiя готовы были войти въ нее для окончательныхъ распоряженiй.“ Курфиршество Ганноверское, какъ составная часть Нѣмецкой Имперiи, не вмѣшивалось въ войну Англiи со Францiею, хотя и было неправедно занято сею Державою, которая однакожь часто давала знать, что возвратитъ Ганноверъ, если ей обѣщаютъ нѣчто другое. Францiя наконецъ принуждена была оставить Курфиршество; 40,000 человѣкъ союзныхъ войскъ охраняли его, когда Графъ Гаугвицъ подписалъ трактатъ, располагаю-

щій судьбою моихъ владѣній. Правда, корпусъ войскъ Россійскихъ тогда находился въ повелѣніяхъ Его Прусскаго Величества; однакожь начальствующій онымъ Генералъ, какъ честной человѣкъ, не усомнился бы сражаться съ тѣмъ, кто вздумалъ бы напасть на союзниковъ его Государя. Не будемъ говорить о Французскомъ гарнизонѣ, охранявшемъ Гамельнъ, гарнизонѣ немногочисленномъ, неимѣвшемъ средствъ защищаться, и находившемся въ опасности. Въ то самое время, какъ союзники хотѣли осаждать Гамельнъ, Пруссія обѣщаніями своими склонила оставить планъ сей.

Приписываемое Франціи намѣреніе рѣшить судьбу Курфиршества было бы противно нѣсколько разъ повтореннымъ ея объявленіямъ; оно было бы противно военнымъ обыкновеніямъ, — ибо никогда прежде заключенія мира рѣшительно не располагаютъ завоеванными областями, а особливо когда хотятъ показать наклонность къ миролюбію.

Пруссія не имѣла права судить, могла ли Великобриттанія не впустить непріятеля въ Курфиршество. Англія, какъ сильная Держава, нашла бы средства съ честію окончить войну, которую ведетъ за свои выгоды. Но трудно понять, по какой причинѣ Пруссія утверждаетъ, что ея дѣйствія удалили не-

пріятельскія войска изъ Курфиршества, и обезопасили Сѣверъ: послѣ вѣроломныхъ поступковъ Берлинскаго Кабинета, Прусскія войска столь же чужды будутъ Курфиршеству, какъ и Французскія.

Пруссія не должна бы говорить о своихъ пожертвованіяхъ въ такое время, когда только думаетъ о своемъ разпространеніи, а особливо если она не полагаетъ въ числѣ пожертвованій потерю своей независимости и пренебреженіе своихъ обязанностей, отказавшись отъ одной изъ старинныхъ областей своего Дома и отъ подданныхъ, которые тщетно просили ея защиты. Впрочемъ, ея пожертвованія не имѣютъ ничего общаго съ системою моей политики, и не даютъ никакого права присвоивать себѣ господство надъ моими Нѣмецкими подданными, которыхъ вѣрность до сихъ поръ осталась непоколебимою, и которые всегда пребудутъ вѣрными моей Особѣ и Фамиліи Государей, нѣсколько вѣковъ сряду пекшихся объ ихъ счастіи.

Ясно, что поведеніе Пруссіи не происходитъ отъ свободной воли ея Государя, но есть слѣдствіе вліянія, которое непріятели мои имѣютъ на Кабинетъ сего Монарха. Однакожь всѣ Дворы и всѣ Государства, кои могутъ судить о случившихся произ-

шествїяхъ, и о системѣ, принятой Кабинетомъ Прусскимъ, согласятся, что поступокъ, сдѣланный противъ Государя, соединеннаго съ Его Прусскимъ Величествомъ узами крови и дружбы, опаснѣе явныхъ непрїятельскихъ дѣйствїй.

Будучи увѣренъ въ справедливости моего дѣла, взываю ко всѣмъ Державамъ Европы, кои для собственныхъ выгодъ должны воспрепятствовать утвержденїю системы, грозящей политическимъ разрушенїемъ одной изъ составныхъ частей Нѣмецкой Имперїи, и подвергающей всю Имперїю неизбѣжной опасности! Въ качествѣ Курфирста, убѣдительно требую законной помощи отъ Нѣмецкой Имперїи и отъ ея Августѣйшаго Начальника, равнымъ образомъ отъ Россїи и Швецїи, какъ Державъ, поручившихся за цѣлость Конституцїи, — Державъ, прежде объявившихъ и нынѣ объявляющихъ о достохвальной готовности своей охранять мои владѣнїя.

Наконецъ торжественно протестую отъ моего и Наслѣдниковъ моихъ имени противъ насильственнаго нарушенїя правъ моихъ на Курфиршество Брауншвейгъ-Люнебургское и области отъ него зависящїя, — и въ качествѣ Курфирста повторяю объявленїе, поданное Министромъ моимъ въ Берлинѣ, что никакая замѣна, никакое вознагражденїе не

заставятъ меня забыть, чѣмъ я долженъ моему сану, любви и приверженности моихъ Ганноверскихъ подданныхъ. Никогда не отступлюсь отъ Курфиршества.

Дано въ Виндзорскомъ Дворцѣ, 20 Апрѣля 1806, царствованія Нашего въ 46 лѣто.

Подписано: *Георгъ, Король.*

Графъ Минстеръ.

II.

Королевское Посланіе къ обоимъ Парламентамъ.

Лордъ Гренвиль и Г. Фоксъ Апрѣля 23 представили — одинъ Верхнему, другой Нижнему — Парламентамъ Посланіе отъ Короля, слѣдующаго содержанія:

„Король Георгъ.

„Его Величество почитаетъ должностію своею увѣдомить Парламентъ, что Онъ нашелъ себя принужденнымъ отозвать Министра своего изъ Берлина, и повелѣлъ производить въ дѣйство право мщенія противъ торговли Прусской и мореплаванія. Его Величество съ глубокимъ прискорбіемъ взираетъ на умножающіяся бѣдствія, и безъ того уже

несносныя для народовъ, обитающихъ на твердой землѣ, которой независимость и благоденствіе Онъ всегда почиталъ неразлучными съ независимостію и благоденствіемъ своего народа. Не смотря на то, намѣренія непріятельскія, заблаговременно обдуманныя, заставляютъ Его приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

„Въ то самое время, когда продолжались дружескія сношенія между обоими Дворами, и когда не было никакого предлога къ жалобамъ, Пруссія вооруженною рукою заняла Курфиршескія области Его Величества. Сколь ни противно было такое произшествіе выгодамъ Королевства, однакожь Его Величество рѣшился при семъ печальномъ обстоятельствѣ отъ подданныхъ своихъ не требовать новыхъ знаковъ испытанной ихъ приверженности. Онъ предпочелъ способъ дружественныхъ переговоровъ, и приказалъ сдѣлать представленіе о причиненной обидѣ, надѣясь получить удовлетвореніе умѣренностію въ поведеніи своемъ, справедливостію своей жалобы, и общею пользою, которую Пруссія признаетъ сама, когда увидитъ, сколь нужно противиться системѣ, пагубной для безопасности законныхъ владѣній. Но увѣдомясь, что, вмѣсто ожидаемаго удовлетворенія, Король Прусскій рѣшился заперетъ для кораблей и товаровъ Англійскихъ при-

стани въ областяхъ, законно ему принадлежащихъ и неправедно присвоенныхъ, Его Величество не могъ долѣе откладывать военныхъ дѣйствій, не нарушивъ одной изъ первыхъ своихъ обязанностей. Достоинство короны Его и выгоды подданныхъ не дозволяютъ Ему терпѣть явное нападеніе, къ которому не дано повода. Его Величество не сомнѣвается, что Парламентъ будетъ споспѣшествовать намѣреніямъ, которыхъ предметомъ есть мщеніе за честь Англійскаго флага и за свободу мореплаванія; Онъ будетъ ожидать съ терпѣніемъ той минуты, когда Пруссія, принявъ систему здравой и благородной политики, уничтожитъ всѣ препятства, удаляющія возстановленіе мира между Его Величествомъ и Державою, съ которою Онъ начинаетъ воевать единственно по причинѣ непріятельскихъ ея поступковъ."

По прочтеніи Посланія въ Верхнемъ Парламентѣ, Лордъ Гренвиль предложилъ поднести Его Величеству благодарственный отзывъ. „Надобно мстить за несправедливость — сказалъ Лордъ; пускай Европа увѣрится, что Держава, дерзнувшая заперетъ свои пристани для Англійской торговли, не останется безъ наказанія, и что извиненія, будто бы ее принудили къ сему поступку, не могутъ быть приняты; такая система навлекла бы пагубныя слѣдствія."

Лордъ Гакесбури одобрилъ предложенїе о благодарственномъ отзывѣ; онъ хвалилъ поведенїе Министра, и совѣтовалъ ему тщательно блюсти связь съ Россїею и Швецїею, какъ единственной способъ сохранить независимость Европы. — Сїи предложенїя приняты единодушно всѣми Членами.

Г. Фоксъ говорилъ въ Нижнемъ Парламентѣ между прочимъ слѣдующее: „Любовь и благодарность суть первыя чувствованїя, ощущаемыя тѣми, которые читали Посланїе Королевское вразсужденїи усилїй, употребленныхъ Его Величествомъ для отвращенїя войны, по причинѣ занятїя наслѣдственныхъ областей Курфиршества Ганноверскаго. Бумаги, теперь лежащїя передъ нами, объясняютъ сїе дѣло; еслибъ онѣ были недостаточны, то можно бы найти множество другихъ. Бѣдствїя новой войны, въ которой мы должны принять участїе, велики; но благоразумїе требуетъ, чтобъ мы не подали опаснаго примѣра другимъ Державамъ Европы, показывая, что равнодушно сносимъ обиды. Благоразумїе и честь требуютъ мщенїя. Мщенїемъ возстановимъ порядокъ скорѣе, нежели старанїемъ продолжить миръ. Ни что столько не ослабляетъ любви подданныхъ къ своему Государю, какъ мысль, что они могутъ быть отданы другому; никогда новой Государь не можетъ любить

нхъ такъ, какъ любитъ свой народъ. Мнѣ болѣе всего пріятно въ отвѣтѣ Его Величества на Прусскую ноту мѣсто, гдѣ Онъ говоритъ о рѣшительной твердости своей, чего бы то ни стоило, всегда помнить, чѣмъ Онъ обязанъ своимъ правамъ и приверженности своихъ Ганноверскихъ подданныхъ, и что никогда не отступится отъ Курфиршества Ганноверскаго."

Лордъ Кастлеригъ хвалилъ поведеніе Министерства.

Когда стали разсуждать объ отправленіи къ Королю благодарственнаго отзыва съ нѣкоторыми Членами Нижняго Парламента, большая часть присутствующихъ закричала: *со всѣми Членами!* — Однакожь исполнено по первому предложенію.

III.

Манифестъ Короля Шведскаго.

Съ самой первой минуты, въ которую Его Шведское Величество рѣшился принять дѣятельное участіе въ союзѣ противъ хищеній Наполеона Бонапарте, Онъ особенно заботился о сохраненіи Курфиршескихъ областей Англійскаго Короля на твердой землѣ, — областей, изъ которыхъ въ то время

вышли Французскія войска. Приготовясь занять оныя соединеннымъ Шведско - Россійскимъ войскомъ, находившимся подъ Его начальствомъ, и получивъ увѣдомленія о движеніи Прусскаго корпуса къ упомянутымъ областямъ, Его Величество поспѣшилъ освѣдомиться о намѣреніяхъ Короля Прусскаго, чистосердечно спросить его, одну ли цѣль имѣетъ походъ войска его съ намѣреніемъ соединеннаго войска — то есть, для того ли оно идетъ, чтобы Курфиршество Ганноверское возвратить законному его Владѣтелю — и въ семъ случаѣ согласиться съ Его Прусскимъ Величествомъ о мѣрахъ для однообразнаго исполненія?

Король Прусскій съ того времени, почти недружескимъ образомъ, уклонялся отъ объясненій вразсужденіи сего важнаго предмета. Нерѣшительность, какую сей Монархъ показывалъ относительно присоединенія къ союзникамъ, увеличила подозрѣнія Его Шведскаго Величества; Онъ не усомнился предупредить, такъ сказать, произшествія, объявивъ торжественно — еще въ то время, когда покушенія Двора Прусскаго на завладѣніе областями Его Британскаго Величества были только предметомъ догадокъ — что страна Лауэнбургская останется подъ защитою войскъ Шведскихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключено съ

Англійскимъ Королемъ особаго соглашенія о семъ дѣлѣ. Одинъ только сей Монархъ, какъ законный Владѣтель страны, могъ располагать судьбою своихъ областей наслѣдственныхъ; ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ права распоряжать ими.

Однакожь Король Прусской, въ прокламаціи 27 Января, на соглашеніи со Франціею основываетъ права свои относительно занятія Курфиршества Ганноверскаго. Многократно повторенныя отъ Прусскаго Двора объявленія по сему случаю гласятъ, что онъ дѣлаетъ это для предотвращенія величайшихъ золъ отъ сей страны, и для сохраненія будущей ея безопасности. Но сей языкъ скоро перемѣнился; вмѣсто того, чтобъ почитать Курфиршество залогомъ впредь до общаго мира, какъ самъ Прусской Король торжественно увѣрялъ въ упомянутой прокламаціи, новое объявленіе, вышедшее въ Берлинѣ 1 Апрѣля, возвѣстило о рѣшительномъ присоединеніи сихъ провинцій къ Прусской Монархіи, и о томъ, что сей поступокъ основывается на правѣ завоеванія и на договорѣ съ Франціею.

Послѣ сихъ произшествій, Король, какъ вѣрный исполнитель обязательствъ, заключенныхъ съ Его Великобриттанскимъ Величествомъ, увидѣлъ, сколь осторожнымъ надлежитъ быть, оставляя Нѣмецкія владѣнія своего союзника, которыя, по выступленіи Шведскаго войска, неминуемо достались бы

Прусакамъ. Въ слѣдствіе того, Его Величество, принявъ подъ свое покровительство страну, лежащую по сю сторону Эльбы, прежде нежели выѣхалъ изъ Рацебурга, объявилъ, что оставляетъ въ семъ Герцогствѣ корпусъ Шведовъ, подъ начальствомъ Генералъ-Адьютанта Графа Ловенгильма, и что нападеніе, отъ кого бы ни было, на сіе войско и на область почтетъ непріятельскимъ дѣйствіемъ противъ собственныхъ своихъ владѣній. Сіе объявленіе повторено было нѣсколько разъ, и сообщено въ письмѣ 13 Апрѣля отъ Графа Ловенгильма военнымъ начальникамъ Прусскимъ, находящимся въ Ганноверѣ и Маркскомъ Графствѣ. Графъ Ловенгильмъ сказалъ ясно, что имѣетъ рѣшительное повелѣніе защищать Лауэнбургъ отъ войскъ чужестранныхъ, которыя покусились бы войти въ него. Однакожь отрядъ Прусскихъ войскъ 23 числа сего мѣсяца перешелъ черезъ границу при Маріенштатитѣ, и не смотря на храброе сопротивленіе Шведовъ, которые принуждены были уступить многолюдству, завладѣлъ сею областію.

Будучи въ такихъ обстоятельствахъ, Король не могъ почесть сей насильственной поступокъ иначе, какъ непріятельскимъ дѣйствіемъ со стороны Его Прусскаго Величества; въ слѣдствіе чего повелѣлъ задер-

жать Прусскіе корабли, находящіеся въ пристаняхъ Шведскихъ.

Его Величество до сихъ поръ не объявлялъ о своемъ негодованіи на оскорбленія, сдѣланныя Ему и Его союзникамъ Дворомъ Берлинскимъ, потому что усердно желалъ избѣгать всего, что могло бы подать поводъ къ разрыву. Тѣсной союзъ, существующій между Королемъ Прусскимъ и Наполеономъ Бонапарте, явнымъ непріятелемъ трехъ дружественныхъ Дворовъ, — исключеніе Англійской торговли изъ пристаней и рѣкъ Сѣверной Германіи, и незаконное овладѣніе Ганноверомъ, обнаружили въ настоящемъ видѣ систему Его Прусскаго Величества, а нападеніе, сдѣланное на Шведское войско въ Лауэнбургѣ, показало оную во всемъ блескѣ.

Нижеподписавшійся, особенно опредѣленный отъ Короля, своего Государя, для сношеній съ обоими союзными Дворами, получилъ отъ Его Величества имянное повелѣніе объявить о вышеупомянутыхъ произшествіяхъ, для того чтобы Публика имѣла ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ между Дворами Стокгольмскимъ и Берлинскимъ.

Стралзундъ,
17 Апрѣля, 1806.

Подписано: *Графъ Ферзенъ, Оберъ-Маршалъ Шведскаго Королевства.*

III.

Письмо изъ Митавы.

21 Апрѣля.

Похвалы пономарю Фрицу теперь у насъ служатъ содержанїемъ обыкновенныхъ разговоровъ. Сей, нынѣ столько прославившїйся, помѣщичей крестьянинъ, подвергаясь опасности лишиться собственной жизни, въ прошлую осень избавилъ отъ погибели 37 человѣкъ, которые тонули при берегахъ Курляндскихъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ награду за великодушїе, пожаловалъ Фрицу 1000 рублей и золотую медаль на Владимїрской лентѣ второй степени, которыя присланы сюда при благосклоннѣйшемъ рескриптѣ. Медаль, вѣсомъ около 25 червонцевъ, представляетъ на одной сторонѣ образъ МОНАРХА, на другой — рогъ изобилїя съ надписью: *Полезному.* — Третьяго дня Фрицъ былъ здѣсь для полученїя денегъ и медали. Въ простомъ, крестьянскомъ своемъ балахонѣ онъ явился у Господина Губернатора, которой, въ присутствїи многихъ, нарочно для сего приглашенныхъ Чиновниковъ — по прочтенїи Высочайшаго рескрипта, на Литовской языкъ переведеннаго — возложилъ на Фрица знакъ отличїя, и съ разтроганнымъ чувствомъ заключилъ его въ свои объятїя. Достойная супруга Господина Губернатора послѣдовала его примѣру, и не возгну-

шалась прижать крестьянина къ своему человѣколюбивому сердцу. Потомъ всѣ присутствовавшіе, одинъ послѣ другаго, спѣшили братски обнимать сего истинно благороднаго человѣка. Каждой можетъ понять, какое дѣйствіе сія сцена должна была произвести надъ сыномъ Природы, которой въ первой разъ пришелъ въ городъ, и которой, кромѣ церкви, не былъ ни въ одномъ большомъ зданіи. Однакожь онъ не показалъ страха, обыкновенно примѣчаемаго въ людяхъ низкаго состоянія, когда блескъ знатности поражаетъ ихъ взоры; не обнаружилъ даже замѣшательства — хотя, кажется, тому надлежало бы случиться. Только при чтеніи рескрипта онъ не могъ преодолѣть врожденнаго своего чувства, залился слезами, и вскричалъ: „чѣмъ заслужилъ я такую милость? я исполнилъ только должность каждаго человѣка.“ — Добрый Липовецъ — какъ самъ объявилъ мимоходомъ и подтвердилъ доказательствами — и въ прежніе годы спасъ нѣсколько сотенъ человѣкъ отъ смерти.

Послѣ сей торжественной сцены наступила другая, совсѣмъ неожиданная. Человѣколюбивая супруга Губернатора взяла за руку Фрица, которой не только имѣлъ честь вести ко столу сію почтеннѣйшую Даму, но даже сидѣть за обѣдомъ подлѣ нее въ первомъ мѣстѣ. Казалось, что онъ, чувствуя свое достоинство, не видѣлъ никакой разно-

сти между собою и сидѣвщими за столомъ знатными Особами. Тѣлодвиженія и слова его были такъ приличны, такъ непринужденны, что только платье объявляло о его состояніи. Характеръ его видѣнъ въ отвѣтѣ на слѣдующій вопросъ: для чего онъ пришелъ въ обыкновенномъ своемъ балахонѣ, и развѣ нѣтъ у него лучшаго платья? — „У меня есть лучшій кафтанъ — отвѣчалъ Францъ; но съ тѣхъ поръ, какъ ГОСУДАРЬ явилъ мнѣ Свою милость, я ужь его не надѣваю, для того, чтобъ моя братья не подумала, будто я горжусь.“

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ письмѣ, которымъ Наполеонъ Бонапарте 21 Января извѣстилъ свой Сенатъ объ усыновленіи Евгенія Богарне, въ первой разъ упомянуто о *союзныхъ Государствахъ*. „Мы предоставляемъ себѣ — сказалъ онъ — сдѣлать дальнѣйшія распоряженія, относительно обязанностей для всѣхъ *союзныхъ Государствъ* Французской Имперіи. Поелику разныя части, взаимно независящія, имѣютъ одну общую пользу, то онѣ должны быть соединены однимъ же общимъ союзомъ.“ — Значеніе словъ сихъ теперь уже объяснилось;

бракосочетанія, родственныя и политическія связи принадлежатъ къ *системѣ союзничества.* Сіи многозначительныя слова растолковалъ Г. Бонапарте въ произнесенной имъ рѣчи при открытіи засѣданій Законодательнаго Корпуса. „Весь полуостровъ Италіи есть составная часть великой Имперіи; я, какъ верховный глава, поручился за безопасность Монарховъ и Конституцій, которыми разныя части ея управляемы будутъ.“ — Одинъ Журналъ дѣлалъ свои замѣчанія на сіи слова, которыми обнаруживаются замыслы Французской политики. Но произшествія значительнѣе словъ. Адская *система союзничества* часъ отъ часу распространяется, и поглощаетъ Государства.

Однакожь это не новое. Древніе Римляне, увидѣвъ, какъ трудно удержать въ повиновеніи всѣ части, составлявшія колоссъ, безпрестанно возраставшій, изобрѣли *систему союзничества.* Слабыя Государства жертвовали Риму своею независимостію, и пользовались его защитою. Союзники обязаны были ставить многочисленныя войска вспомогательныя; но сіи войска обыкновенно исправляли службу вмѣстѣ съ Римскими легіонами, и съ ними ходили на сраженія. Римъ повелѣвалъ; союзники исполняли. Титъ Ливій говоритъ, что они безъ Римскаго Военачальника не могли собственными силами и разпоряженіями воевать съ непріятелемъ. *Си-*

стема союзничества распространилась на Грецію, Испанію, Галлію, на часть Азіи и Африки; многія республики и Королевства слились съ Римскою Имперіею.

Еще можно привести одно мѣсто изъ рѣчи, произнесенной въ собраніи Законодательнаго Корпуса. Слышать высокопарныя нелѣпости отъ людей легкомысленныхъ есть дѣло очень обыкновенное, а особливо въ нынѣшнее время, когда Французы помѣшались на *великихъ* людяхъ, *великой* Имперіи, *великой* націи, — и когда нѣсколько удальцовъ воображаютъ себя первыми особами въ свѣтѣ по такому точно праву, по какому Донъ Кишотъ считалъ себя рыцаремъ печальнаго образа. Какъ бы то ни было, однакожь слова ведерѣчивыхъ Ораторовъ, сколько понимать ихъ можно, показываютъ замыслы Наполеона Бонапарте. „Заключенный миръ — такъ говорилъ одинъ изъ Законодателей въ 5 день Марта — преобразитъ Европу. Между Государствами не можетъ быть *равновѣсія* такъ точно, какъ и между простыми гражданами; ибо отъ равныхъ требованій родилось бы ревнованіе, отъ него — война, отъ войны — бѣдствіе народовъ. Слѣдственно все показываетъ, сколь *нужна превозмогающая сила*, которая станетъ покровительствовать слабѣйшія Государства, рѣшить ихъ споры, и мстить за

нихъ оскорбителямъ. Французы! вы эта *сила*! Европа находится подъ вашимъ управленіемъ! (За симъ слѣдуетъ фраза, совершенно безтолковая) . . . . Вы призваны въ міръ, на подобіе сіяющаго дневнаго свѣтила, дѣйствуя изъ средоточія политической силы, управлять другими въ путяхъ опредѣленныхъ!" — Вотъ затѣи людей, которые узѣряютъ, что хотятъ водворить миръ въ Европѣ.

Мугибъ Эффенди, новой Посолъ отъ Турецкаго Султана, уже прибылъ въ столицу Франціи; Бонапарте назначилъ извѣстнаго Генерала Себастіяни Посломъ ко Двору Константинопольскому. Не смотря на то, холодность, замѣченная между нѣкоторою великою Державою и Султаномъ прекращена взаимными объясненіями на предлежавшіе затруднительные вопросы. Порта, къ счастію, скоро догадалась, что Французское Правительство хочетъ Турцію сдѣлать участницею *благодѣтельной* своей системы союзничества. Бонапарте имѣлъ неосторожность слишкомъ поспѣшно обнаружить требованія свои на области и острова, бывшіе нѣкогда во владѣніи Венеціянской Республики. — Черный Георгъ съ своими Сербами причиняетъ великія безпокойства Портѣ, кото-

рая наконецъ рѣшилась принять дѣятельнѣйшія мѣры къ усмиренію мятежниковъ. Великій Визирь отправляется въ армію, собранную въ Ромеліи, чтобъ соединясь съ Юсуфомъ Пашею, идти противъ Сербовъ. —

Увѣряютъ, что по убѣдительнѣйшей прозьбѣ Вѣнскаго Двора, Каттаро и прочія занятыя мѣста въ Далматіи обратно уступлены Австрійцамъ, которые по силѣ Пресбургскаго трактата сдадутъ ихъ Французамъ.

Англійскій Адмиралъ Варренъ (бывшій прежде Посломъ въ С. Петербургѣ), плавая съ однимъ линейнымъ кораблемъ и фрегатомъ, повстрѣчался подлѣ Мадеры съ Французскимъ Адмираломъ Линуа, которой, также съ кораблемъ и фрегатомъ, возвращался изъ Восточной Индіи. Послѣ сраженія, продолжавшагося 4 часа, Англичане овладѣли эскадрою, и уже привели ее въ Портсмутъ. Въ Монитерѣ помѣщена статья, гдѣ со всею важностію изслѣдывается, что было поводомъ къ сему несчастію; — какъ будто въ первой разъ Французской Адмиралъ достается въ плѣнъ Англичанамъ! — Теперь разъѣзжаютъ на моряхъ шесть эскадръ Французскихъ; надъ одною изъ нихъ начальствуетъ Іеронимъ Бонапарте, кото-

рой вышелъ изъ Бреста въ Декабрѣ мѣсяцѣ, и нынѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые публичные листки, возвращается въ Европу. Англїйскїй Адмиралъ Страханъ поплылъ къ нему на встрѣчу. — Сей Іеронимъ (Жеромъ) Бонапарте и Лукїанъ (Люсьень) братъ его до сихъ поръ еще не произведены въ Принцы. Лукїанъ ненавидитъ Наполеона, которой уже нѣсколько разъ пытался мириться; недавно онъ предлагалъ для дочери Лукїановой выгодное замужство, но Лукїанъ не принимаетъ предложенїй, и живетъ уединенно въ Фраскати, недалеко отъ Рима.

Напротивъ того Лудовикъ скоро будетъ провозглашенъ Королемъ Голландскимъ. Депутаты, бывшїе въ Парижѣ, повезли планъ новой конституцїи къ Ихъ Высокомочїямъ въ Гагу. Пишутъ, что Голландїя впредь не будетъ называться Батавїею, и что Бонапарте присоединитъ къ ней Герцогства Клевское и Бергское, а Іоакимъ Мюра получитъ другїя области.

Хотя Бонапарте отложилъ до нѣкотораго времени обѣщанный имъ военной праздникъ, однакожь приготовленїя безостановочно продолжаются. Охотники угадывать будущее теперь спорятъ между собою: одни говорятъ, что Наполеонъ Бонапарте по-

везетъ брата своего Лудовика въ Бриссель, гдѣ оба дождутся депутацій изъ Гаги съ предложеніемъ Голландской короны; другіе утверждаютъ, что онъ прежде поѣдетъ въ Римъ, куда уже велѣно отправиться отряду гвардіи и Архитектору для обозрѣнія Капитолія.

КОНЕЦЪ XXVII ЧАСТИ.

ОШИБКИ

въ одиннадцатомъ Номерѣ.

Напечатано:			*Читать должно:*
Стран.	стр.		
164	14.	Въ ея вліяся чистый духъ	въ Его вліялась чистый Духъ.
165	10	Ихъ Царь, ихъ жизнь — единый Богъ!	Ихъ Царь, ихъ жизнь, Отецъ ихъ — Богъ!
186	29	имѣна	имена
190	26	: одѣнье	одѣянье

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

МАЙ, No. 9.

Стран.

I. *Письма изъ Франціи къ одному Вельможѣ въ Москву.* (*Окончаніе.*) - - 3

II. *Элегія.* (изъ соч. Парни.) - 22

III. *О великомъ годѣ.* - - 27

IV. *Критика. Сочиненія и Переводы И. Дмитріева. Часть Третія, Москва,* въ Типографіи *Платона Бекетова.* 1805. (*Окончаніе.*) 42

V. *Смѣсь.* - - - 54

VI. *Выписки изъ Лондонскихъ Вѣдомостей.* - - 63

VII. *Письмо изъ Лондона.* - - 68

VIII. *Извѣстія и замѣчанія.* - 74

МАЙ, No. 10.

I. *Двѣ сестры.* - - 82

II. *Титиръ и Мелибей.* - 99

III. *Русскіе Анекдоты.* - - 106

IV. *О новомъ Романѣ Г-жи Жанлисъ: Альфонсина.* - - 114

Стран

V. Отвѣтъ на Smith sique. - 121
VI. Историческія и политическія замѣчанія о Союзѣ Ганзеатическомъ. - - 129
VII. Планъ дѣйствій, сочиненный Вѣнскимъ Кабинетомъ передъ послѣднею войною съ Французами. 135
VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 145

ІЮНЬ, No. 11.

I. Вѣчность. - - - 161
II. Бездѣлки. - - - 165
III. О новой методѣ воспитанія, изобрѣтенной Песталоцціемъ, Швейцарскимъ Педагогомъ. - 183
IV. Письмо къ Издателю. - 204
V. Смѣсь. - - - 207
VI. Замѣчанія о Таганрогскомъ портѣ. 212
VII. Засѣданіе въ Нижнемъ Парламентѣ 3 Апрѣля. Планъ образованія войска. - - 220
VIII. Извѣстія и замѣчанія. - 233

ІЮНЬ, No. 12.

Стран.

I. *Анатомическое описанїе сердца кокетки.* - - 241

II. *Историческїя извѣстїя о воздухоплаванїи.* - - 248

III. *Леонардъ Винчи.* - 257

IV. *Письмо изъ Японїи къ Г-ну Коцебу отъ его сына.* - 263

V. *Алексисъ.* - - 281

VI. *Стихи Графу Ѳедору Васильевичу Растопчину.* - 286

VII. *Манифестъ Англїйскаго Короля о войнѣ съ Пруссїею.* - 287

VIII. *Королевское Посланїе къ обоимъ Парламентамъ.* - 300

IX. *Манифестъ Короля Шведскаго.* 304

X. *Письмо изъ Митавы.* - 309

XI. *Извѣстїя и замѣсанїя.* - 311